

ЗОВ ХАОСА

АНТОЛОГИЯ РАССКАЗОВ

*Данный материал является интеллектуальной собственностью
telegram-канала Гильдии Переводчиков*

<https://t.me/guildwh40k>

При его дублировании вы обязаны указать источник перевода

Под общей редактурой Achtung Frau

АНТОЛОГИЯ РАССКАЗОВ «ЗОВ ХАОСА»

Переводчик – Потерянный сын Ангрона

Редактор – Лейтенант

ЖЕРТВА

ГРЭМ ЛАЙОН

Вампир закричал, когда кинжал отыскал свою цель.

Ариозо монотонно распевал, вынимая клинок из плоти существа и погружая его обратно. Он нанес девять разрезов, и каждый стал частью тайного символа на груди вампира. Из ран пленника медленно сочилась темная кровь, наполняя тесную комнату густым запахом меди.

– Ты еще пожалеешь об этом, – прохрипел вампир. Ариозо продолжил петь, не обращая внимания на его слова. Созвучия силы разносились по древнему храму.

– Твоим богам нет места в этих землях, – спокойно продолжал пленник. – Единственный повелитель Шаиша – это Нагаш.

– Нагаш, – повторила Каэмрия, прислужница Ариозо. – Древняя и уже побежденная сила. Вечный Избранный давным-давно уничтожил твоего хозяина.

Ариозо свирепо воззрился на Каэмрию и она тут же умолкла. Он сделал последний надрез на груди вампира и закончил свою песню. Ариозо осмотрел свою жертву. Вампир напоминал человека, хотя черты его лица были искаженными и звероподобными. Обнаженный, он лежал на каменной плите. Его руки и ноги сломали, чтобы предотвратить любую попытку побега, и теперь жалкое тело существа было почти неподвижно, если не считать непроизвольных судорог боли. Даже сейчас, стоя на пороге собственной гибели, вампир насмехался над чемпионом Хаоса.

– Что ты бормочешь, глупец? – спросила тварь. – Ты действительно веришь, что можешь бросить вызов воле моего господина прямо здесь, в его царстве? В посвященном ему храме?

Ариозо задумался. Нагаш являлся одним из мифических богов, существом, чью божественность уничтожили вместе с силой Зигмара, Аларизель и остальных членов их нелепого пантеона. Королевства смертных им более не принадлежали – теперь они оказались во власти Хаоса, как и этот храм. К этому привели злодеяния, учиненные Ариозо и его отрядом во имя Тзинча.

Вампир был последней жертвой – восемьдесят первой, если точнее, – посвященной Изменяющему Пути здесь, на этом самом месте. Остальные были его слугами, порченными людоедами, выжившими в битве, которую Ариозо выиграл несколько дней назад. Чемпион Хаоса убивал их по-разному – каждое жертвоприношение являлось четко организованной частью ритуала, призванного посвятить это место Тзинчу. Все вело к этому моменту.

Но был ли Ариозо действительно уверен, что это сработает?

– Да, – прошептал он и вонзил кинжал прямо в сердце вампира.

– Во имя Изменяющего Пути! – нараспев произнес Ариозо. – Девятью путями к знанию, девятью лабиринтами разума и девятью формами мудрости я призываю великих созданий из Внешней Тьмы. Повелитель Тзинч, я девять раз отдал тебе по девять душ. Взамен я прошу лишь об одной милости – одари меня знанием! Покажи мне мой путь! Поведай о моей судьбе! Пришли своих слуг, дабы пролить свет на мою участь!

Внезапный порыв ветра взметнул одеяния колдуна, и он услышал, как судорожно вздохнула Каэмрия. Тусклый свет в помещении померк и Ариозо погрузился в непроглядную тьму, какую колдун еще никогда не видывал – тьму, не просто поглотившую свет, но ставшую полной его противоположностью. Он чувствовал чье-то присутствие в темноте, словно бы некое существо с множеством глаз смотрело на него одновременно с тысячи сторон. Словно бы сама вселенная заглядывала в него, обнажая душу и пожирая все тайны. Ему хотелось закричать, заплакать, свернуться калачиком и обделаться от ужаса...

Нет, он этого не делает.

– Я Ариозо из Полуночных Мудрецов, – с трудом выговаривая каждое слово, произнес колдун. – Я дитя Мрачных Анклавов. Я родился и вырос во тьме и не боюсь ее. Моя воля нерушима. Я призвал тебя, и ты исполнишь мое повеление, демон!

Он усилил свою волю и тьма отступила, сменившись сферой ослепительного света. Что-то скрывалось в самом ее сердце, но Ариозо смог смотреть на нее лишь одно мгновение, прежде чем был вынужден отвести взгляд.

– *Очень хорошо, смертный,* – откликнулся голос. Он был древним и потусторонним, и странное эхо отдавалось в храме, словно бы возникая раньше

слов. – ***Ты истинно свершил все обряды, и твоя воля сильна. Твоя душа останется с тобой, и я дарю тебе милость, которой ты взыскуешь.***

По телу Ариозо пробежала дрожь.

– Да, – выдохнул он. – Яви мне мою судьбу, демон! Покажи мне все темные деяния, что я совершу во имя Тзинча!

Видения заполнили его разум. На черной вулканической долине, усеянной огромными статуями, чьи черты стерлись от времени, растянулась армия. Огромные горы пронзали кроваво-красное небо – их вершины исчезали в бирюзовых облаках, частично скрывающих Луну в форме злобно глядящего черепа. Легкий ветер развеивал знамена, каждое из которых было отмечено извивающимся знаком Изменяющего Пути и других Губительных Сил. Армия превышала в своей численности любую из всех, когда-либо виденных чемпионом, она насчитывала десятки тысяч воинов и...

Это было его собственная воинство.

Ариозо парил во главе этой могучей армады, удерживаемый в воздухе летающим золотым диском, усеянным острыми лезвиями. Его тело поверх сверкающих золотых доспехов покрывали многоцветные одежды, обеими руками он сжимал пылающую алебарду. Чемпион взмахнул ей, и армия устремилась вперед. Воины в тяжелых доспехах и гологрудые мародеры скандировали его имя, бросаясь в атаку.

Видение изменилось, и Ариозо узрел врага – огромную орду зеленокожих дикарей, превосходящую численностью даже армию чемпиона Тзинча. Они носили меха и шкуры, и сжимали в руках каменные дубины и грубые копья. Вот некоторые подняли огромные деревянные луки, дали залп, и поток стрел устремился к атакующей армии Ариозо. Дикое воинственное пение бегущих в атаку оружков захлестнуло воинство Хаоса.

– Их столь много... – выдохнул Ариозо. – Что это, демон? Ты показываешь мне мою смерть?

Смешок демона отозвался в разуме колдуна.

– ***Нет, Ариозо, – произнес тот. – Это не твоя смерть, но лишь апофеоз твоих свершений. Твою армию разобьют в Долине Павших Богов, но ты выйдешь за пределы жизни и смерти. Ты смешаешь пепел принесенного в жертву с кровью вечно живущего и получишь награду, превосходящую твое воображение. Ты станешь вечным, Ариозо из Полуночных Мудрецов.***

Колдун вновь затрепетал. Вечная жизнь... Сила, которую он был в состоянии заполучить. Потеря целой армии – ничто в сравнении с тем, что он обретет...

– Где мне отыскать эту Долину Павших Богов? – спросил он.

– ***Она лежит в пределах Шаиша, – ответил демон. – Следуй знакам, что будут даны тебе, и ты отыщешь это место. Но дорога будет долгой и трудной, а испытания – многочисленными.***

– А зеленокожие?

– *Смотри... – произнес демон.*

Ариозо наблюдал. Время потеряло всякий смысл, пока он следил за разворачивающимся сражением. Колдун видел стратегию, стоящую за нападением орруков, примитивных зверей, дикость которых противоречила острому тактическому уму. Наблюдая за ходом битвы, Ариозо запоминал каждую деталь, зная, что это пригодится ему, когда видение обратится реальностью.

В самый разгар битвы чемпион узрел, как его собственная мерцающая фигура устремилась к вождю орруков. Ариозо сосредоточился на огромном военачальнике, который ехал верхом на длиннотелом существе с большим животом, отдаленно напоминающем дракона. Панцирь создания покрывала толстая чешуя, а из головы над злобно сверкающими глазами торчали огромные рога. Между сложенными на спине крыльями восседал вождь орруков. Мускулистый военачальник был просто колоссален, он сжимал в руках топор размером с Ариозо, который, казалось, целиком вырезали из одной огромной кости.

Зеленокожий завопил на своем гортанном языке, бросая вызов, но... видение угасло, а реальность вернулась. Он вновь стоял в тесной храмовой комнате, и зловоние крови заполняло его ноздри. В центре помещения все еще плясал мерцающий свет, который, казалось, стал еще ярче.

– А что же будет дальше, демон? Я должен узнать, как победить это существо!
– потребовал Ариозо.

– ***Я показал тебе то, о чем ты просил, Полуночный Мудрец. А теперь отпусти меня.***

– Нет. Ты покажешь мне еще больше!

Свет вспыхнул ярче, голос демона превратился в оглушительный рокот.

– ***Отпусти меня, смертный, или же я заживо сорву плоть с твоих костей и пожру твою душу, а затем прокляну твою судьбу.***

Ариозо колебался. Способен ли связанный демон осуществить свои угрозы?

– Не стоит так рисковать, – пробормотал он едва слышно. – Я отпускаю тебя, демон! – произнес колдун. – Девяноста девятью словами силы, начертанными на свитках Полуночных мудрецов, я посылаю тебя обратно во Внешнюю Тьму!

– ***Мы еще встретимся, Ариозо,*** – прошелестел голос демона.

Свет вспыхнул с новой силой, на мгновение ослепив Ариозо. Затем все погрузилось во тьму и тишину.

– Х-х... хозяин, – наконец произнес чей-то голос. Это была Каэмрия. – Что это было?

– Что ты видела, мой послушник? – спросил он ее.

– Ослепительный свет, милорд. И еще, я слышала голос, предлагающий мне власть и секреты, если я... – она замолчала.

– Если ты предашь меня? – продолжил Ариозо.

– Да, мой господин. Но я бы никогда...

– Верно, такого никогда не случится, – прошептал ей на ухо Ариозо, выдернув клинок кинжала из груди девушки. Она упала навзничь, красное пятно расплзлось по ярко-синему одеянию.

Чемпион оглянулся на алтарь, где был принесен в жертву вампир. Тело твари исчезло, оставив после себя лишь кучку пепла, смутно напоминающую очертаниями фигуру человека.

«*Прах принесенного в жертву*», – задумался Ариозо. Достав из-за пазухи пустой флакон, колдун собрал пепел. Он еще пригодится.

Прошло девять лет.

Девять лет путешествий вдоль и поперек по Шайшу в поисках Долины Павших Богов.

Девять лет сборов воинов под свое знамя с обещаниями великой битвы.

Девять лет исполнения этих посулов.

Бессчетные сражения со всеми врагами, которых только могло предоставить Царство Смерти. Полубезумные некроманты и их неуклюжие орды зомби валились, словно скошенная пшеница, под косой армии Ариозо. Кровожадные вампиры со своими слугами – людьми и нежитью – были преданы мечу и магическому пламени. Огромные армии выцветших от времени скелетов, оживленных темными силами и носящих одеяния давно сгинувших цивилизаций, изрубили, а их кости сломали, чтобы предотвратить воскрешение.

На пути Ариозо стояли не только ходячие мертвецы. Как это бывало всегда, силы Хаоса, одержав очередную победу, тут же набрасывались друг на друга – забавы ради или же просто ища славы в глазах богов. Его армия столкнулась со слугами других темных Сил и даже с последователями Изменяющего Пути, что стремились показать себя в схватке с легендой, которой становился Ариозо.

Преодолев пространства Царства Смерти, он обрел такую силу, о которой даже не помышлял. На вершине горы, что возвышалась на краю самой реальности, маг вступил в магический поединок с демоном. Их битва завершилась, когда Ариозо связал душу своего противника, превратив ее в сверкающий золотой диск, подобно тому, который был в его видении. Под Равнинами Ледяного Вздоха, в сокровищницах заброшенной крепости дуардинов он нашел алебарду, которая при его прикосновении полыхала золотым пламенем, поглощая души тех, кого убивала. В самом сердце Алого Лабиринта чемпион потребовал у его прежнего обитателя золотые доспехи. От рогатого шлема до отмеченного рунами круглого щита – броня защитила его от самых могущественных героев и коварных ловушек.

Ариозо прославился, как Золотой Король, и под его знамена стекались бесчисленные толпы воинов – не только слуг Тзинча, но и всех Темных богов. Даже злобные крысолюды последовали за армией Ариозо, и их знания тайных путей под мирами помогли воинству больше раз, чем чемпион мог сосчитать.

Но за все это время он так и не узнал, где находится Долина Павших Богов. Все попытки вновь призвать демона провалились. Но, в конце концов, именно Бог-Король Зигмар указал ему верное направление, пусть и самым странным образом. В последний год его поисков разразилась великая буря. Она бушевала в небе над Шайшем, и вместе с бурей появился новый враг.

Грозорожденные Вечные оказались чем-то... иным. Они стали неодолимой силой, посланной в Царство Смертных, чтобы очистить его от Хаоса. Те из них, что были направлены в Шайш, похоже, выполняли какую-то миссию, но это не помешало им напасть на армию Ариозо. Чемпион Тзинча столкнулся с врагом, которого невозможно было полностью уничтожить.

Во время первой встречи Ариозо убил их предводителя – возвышающегося над всеми воина в бирюзовых доспехах, который ехал верхом на огромном, изрыгавшем молнии драконе. Как только голова Грозорожденного отделилась от тела, его фигура тут же растворилась в свете, и через несколько месяцев он вновь вернулся, едва не сразив Ариозо в дуэли, что проходила высоко над бездонным каньоном. Чемпион Тзинча выжил лишь благодаря поспешному бегству, и тогда, отступая, колдун случайно узнал горы из видения, узрев цель своих поисков.

И вот, наконец. Ариозо пришел в Долину Павших Богов. Его армия – сомкнутые ряды воинов Хаоса, соседствующие с воющими ордами звероловов и шайками сотен нетерпеливых смертных – заполнила все видимое пространство. Повязанные кровью слуги Кхорна стояли плечом к плечу с изъеденными оспой Несущими Гниль, а сгорбленные скавены маршировали подле облаченных в золотые доспехи – в подражание броне Ариозо – воинов Тзинча.

Десять тысяч голосов, вознесенных в поклонении ему, скандировали имя чемпиона Тзинча, ставшего для них богоподобным. А с той силой, что Ариозо обретет после победы в битве, он и вовсе сможет бросить вызов самим Богам.

По его команде армия начала движение. Вдалеке взревела орда зеленокожих, и ринулась вперед. Ариозо воспарил в небо и осмотрел поле битвы, где сошлись авангарды двух воинств. Дикие оруки, подобно штормовой волне, врезались в неколебимую скалу избранных чемпиона Тзинча. Более мелкие существа – гроты – первыми ударили по армии Хаоса. Ариозо понял, что командир зеленокожих использует их, чтобы проверить дух своего неприятеля.

Движение на склонах долины привлекло внимание колдуна, и Ариозо, обернувшись, увидел гигантских пауков. Сотни насекомых ползли вниз, намереваясь ударить во фланг его армии, где стояли скавены. Трусливые крысолюды дрогнули пред лицом внезапно появившейся угрозы, и восседающие на

пауках гроты направили своих скакунов вперед. Ариозо стремительно направился к ним. Он нарисовал в воздухе магические символы и пробормотал под нос древние словеса.

Реальность раскололась, и возникло множество демонов. Разноцветные крикуны пронесли, окружая Ариозо, в то время как бормочущие ужасы и изрыгающие пламя фламры набросились на ничего не подозревающих паучьих всадников, отбрасывая их назад. Пока демоны наступали, над ними нависла тень, и гигантский паук с кишасей гротами спиной спрыгнул с горного склона в самую гущу потусторонних существ.

Арахнарок разрывал демонов на части своими огромными лапами, а гроты кололи противников копьями и стреляли из грубых луков. Слуги Богов были неумолимы, но враг значительно превосходил их в численности, и вскоре огромные размеры твари взяли свое. Ариозо сделал жест рукой, и крикуны отскочили в сторону, устремившись вниз, к боку зверя: их минопоподобные челюсти глубоко впились в плоть существа.

Паук взвизгнул и встал на дыбы, и в этот момент Ариозо нанес свой удар. Нырнув вниз, он всадил пылающую алебарду в обнаженное брюхо Арахнарока. Тело огромного паука вспыхнуло пламенем, и охваченные огнем гроты посыпались вниз. Массивное существо билось и тряслось в агонии, но вскоре окончательно затихло.

Ариозо обернулся, чтобы оценить ход битвы. Его силы продолжали наступать. Крыло рыцарей ворвалось в группу орруков с копьями наперевес и теперь пробивалось к вождю, восседающему на огромной рептилии. Ариозо последовал за ними.

– Если я убью вожака, победа будет за нами, – бросил колдун своему золотому диску, и тот ускорился в ответ, также страстно желая сразиться с врагом, как и сам Ариозо.

И вот наступил момент, когда в самом центре сражения схлестнулись Золотой Король и Варбосс орруков. Их дуэль вошла в легенды, и еще долго после окончания сражения эту легенду рассказывали выжившие из числа воинов Ариозо. Они разнесли эти рассказы по всему Царству Смерти и за его пределы.

Чемпион Тзинча опустился на скакуна военачальника, вскинув алебарду. Он приготовился к тому, что оррук попытается парировать его выпад, или же первый попытается ударить своим огромным топором. Вместо этого Варбосс протянул руку и ухватился за диск Ариозо, сбросив его вниз. Чемпион Тзинча упал и покатился по земле. Вскочив на ноги, он увидел, как оррук швырнул диск в толпу неистовствующих зеленокожих, тут же истыкавших диск своими грубыми копьями. Ариозо снова взглянул на Варбосса, который, сделав ему знак, заговорил на своем примитивном языке. Колдун не мог разобрать слов оррука, но смысл был ясен. Существо злобно посмотрело на чемпиона Тзинча и рассмеялось. Ариозо

кивнул в ответ. Сжав алебарду в одной руке, он надел свой щит на левое предплечье, и стремительно вскочил на голову скакуна оррука. Существо забрыкалось, пытаясь скинуть Ариозо, но колдун вонзил алебарду в хитиновые пластины, покрывавшие череп скакуна. Магическое оружие пробило хитин, плоть, кости и достигло мозга. Существо встало на дыбы, и вождь орруков выпал из седла. Варбосс покатился по земле, но Ариозо больше не обращал на него внимания. Он сильнее схватился за свою алебарду, пытаясь не свалиться с крылатой рептилии, бьющейся в агонии.

Когда зверь, наконец, стих, Ариозо выдернул свое оружие и повернулся, ища взглядом Варбосса. Он обнаружил, что оказался в окружении группы диких зеленокожих, а вместе с ними тут же стоял их предводитель. Вблизи военачальник оказался еще больше, чем мог себе вообразить Золотой Король: его руки были настолько могучими, что превосходили по размерам торс чемпиона Хаоса. От оррука несло кровью, потом и бешенством. Он что-то прорычал Ариозо и ударил себя в грудь огромным мясистым кулаком.

– Я понятия не имею, что ты сказал, но если ты бросаешь мне вызов, то давай уже покончим с этим! – ответил колдун, посылая волну магической силы в свою алебарду. Она вспыхнула ярким пламенем и оррук рассмеялся. Быстрее, чем того ожидал Ариозо, зеленокожий шагнул вперед, обрушив огромный топор вниз с такой силой, что ее хватило бы для того, чтобы разрубить огора пополам. Чемпион Тзинча отскочил в сторону и ударил своей алебардой, которая отскочила от толстой шкуры военачальника. Существо взмахнуло топором, будто косой, но Ариозо поднырнул вниз, вонзая свое оружие в живот оррука. Алебарда пробила мягкие ткани торса военачальника, и застряла там. Варбосс дернулся назад, и вырвал из рук чемпиона Тзинча оружие. Пламя, полыхающее на клинке алебарды, угасло. Ариозо упал на колени, и топор военачальника внезапно обрушился на него. Колдун едва успел откатиться в сторону и вскочил, оглядываясь в поисках своего оружия, когда оррук вновь бросился на противника.

Зеленокожий взревел, снова вздымая свой топор. Он резко развернулся, и древко алебарды Ариозо, все еще торчащей из живота оррука, ударило воина. Чемпион Тзинча мгновенно схватился за свое оружие, и оно снова полыхнуло. Варбосс, издав рев боли, попятился назад, и Ариозо увидел свой шанс. Он крепче уперся ногами и оттолкнулся от земли. Горящая алебарда насквозь пронзила тело оррука, и зверь упал на колени, выронив свой топор. Напрягая все силы, Ариозо рывком вытащил свое оружие из зияющей в животе Варбосса раны, и, размахнувшись, ударил врага по шее. Голова оррука покатилась по земле.

С этого момента битва была почти закончена. Увидев, как пал их военачальник, толпа орруков тут же бросилась на Ариозо, стремясь отомстить или же доказать, что каждый из них достоин стать преемником вождя. Но никто из них даже близко не мог сравниться в мастерстве с чемпионом Тзинча. В конце концов, силы Хаоса пробились к своему господину и отбросили орруков назад. Орда была разбита и зеленокожие бежали, чтобы быть изрубленными, подобно скоту, которым они и являлись.

Когда все закончилось, Ариозо послал разведчиков на поиски того, что находилось на другом конце долины. Они вернулись с донесениями о храме, высеченном в склоне горы, стены которого украшали тайные знаки и фризы с изображениями древних воинов. Расставив караульных, которые должны были следить за любым признаком возвращения орруков, Ариозо отправился к храму, окруженный группой своих избранных.

Но в храм он вошел в одиночестве.

Внутри царил тьма, словно ночью, и единственным источником света для Ариозо служило пламя его алебарды. Он прошел через все строение, и лишь эхо от шагов чемпиона Тзинча по камню раздавалось в тишине. Наконец, колдун нашел дверь с вырезанным на ней изображением чаши, из которой поднималось окруженное нимбом силы создание тьмы.

Ариозо толкнул дверь и она легко открылась от одного прикосновения. Войдя внутрь, он увидел простой алтарь, на котором стояла чаша из черного металла. В его нос ударил смрад крови, и колдун улыбнулся.

— Кровь вечно живущего... — пробормотал он. Из складок своей мантии Ариозо достал маленький флакон. — Я берег тебя долгих девять лет. — произнес колдун. — Наконец-то время пришло. Мой апофеоз. С этого дня и впредь я изменюсь. Стану бессмертен. В моей силе более никто не усомнится.

Он вытащил пробку из флакона и дрожащей рукой поднял его над чашей.

— Как забавно... Я чувствую, что должен произнести что-то глубокомысленное прямо сейчас, но мне совершенно ничего не приходит в голову.

Ариозо высыпал пепел в чашу.

Какое-то мгновение ничего не происходило, а затем облако крови начало сгущаться. Оно поднялось из черной чаши, превращаясь в очертания человека. Силуэт начал обрастать тканями, образующими кости, капилляры и вены, а затем мышцы, плоть и мертвенно-бледную кожу. Вокруг тела появились черные одежды, и лицо обрело черты. Отвратительные, звериные черты, однако же с намеком на человечность. Существо потянулось, захрустев костями, и улыбнулось, обнажив острые белые зубы.

— Я же говорил тебе, что ты пожалеешь, что принес меня в жертву, — прохрипел вампир.

Ариозо утратил дар речи и замер, будто парализованный.

– Что, ты ожидал чего-то другого? – насмешливо спросил вампир. – Возможно, ты надеялся стать... вечным, Ариозо из Полночных Мудрецов? – голос вампира изменился на этих словах, в точности совпадая с тем, что слышал колдун в пещере так много лет назад.

– Но... как?. – неверяще выдавил из себя чемпион Тзинча. Вампир рассмеялся.

– Я ведь предупреждал тебя, мелкий фокусник. Темные Боги не имеют никакой власти в Шайше. Это царство Нагаша. Жизнь и смерть – все подчиняется его приказам, и никому другому.

– Нагаш мертв! – закричал Ариозо, охваченный паникой. Он судорожно искал выход, но темнота затопила комнату, и разум колдуна дрогнул от откровений вампира и ужаса. – Он лишь пережиток Эпохи Мифов!

– Что есть смерть для владыки Подземных Миров? – спросил вампир. – Нагаш воскресал сотни раз. Даже сейчас он восседает на своем троне под миром и ждет того часа, когда вновь протянет руку, требуя то, что его по праву, – вампир вновь улыбнулся. – Но ты падешь сегодня.

Вампир прыгнул, и в его руке из ниоткуда появился меч. Оцепенев от ужаса, Ариозо все же парировал удар, взмахнув в ответ алебардой. Вампир увернулся и ударил снова, задев ногу колдуна скользящим ударом.

– Как ты это сделал? – спросил Ариозо. – Зачем послал меня на эти поиски? Почему именно сюда?

Все, что он делал, девять лет поисков и битв... это что, было ради этого момента?

Вампир пожал плечами и двинулся вперед, обрушивая на колдуна шквал ударов, которые тот с трудом отражал.

– Ради забавы, я полагаю, – ответил он. – Разумеется, это был самый быстрый способ вновь воскреснуть. В чаше хранилась моя собственная кровь. Смешав ее с моим пеплом, я вернулся из-за завесы. Если бы мне пришлось делать все одному, то это бы заняло целые десятилетия или же даже дольше. Однако признаюсь, я-то думал, что ты намного быстрее отыщешь это место, – вампир усмехнулся, отступив назад.

Ариозо завопил, бессловесно выражая кипящую в нем ярость, и дико замахнулся алебардой. Прежде чем колдун успел что-либо понять, оружие вырвали из его рук, и он оказался в объятьях вампира. Существо сорвало шлем с головы Ариозо и схватило чемпиона Тзинча за шею.

– Ты получишь обещанное, Ариозо из Полночных Мудрецов, – прошептал вампир. – Вечная жизнь твоя. Или, по крайней мере, вечное существование.

Вампир начал петь на неизвестном Ариозо языке, хотя колдун и уловил ритм заклинания. Он попытался заговорить, но хватка вампира усилилась, и слова захлебнулись в беспомощном хрипе. Заклинание завершилось, и в глазах у Ариозо

поплыло. Колдун понял, что не может даже вздохнуть, и его вновь охватила паника.

– Запомни, – прошептал вампир, – это лишь твоя заслуга. Твоя жажда власти и высокомерие стали причиной всего случившегося. Таков удел всего вашего рода, ибо вашим богам все равно, живы вы или умрете. Вы всего лишь пешки в их игре. Но мой бог живет в каждом из своих слуг. Нагаш есть мертвые, а мертвые есть Нагаш. Ты вскоре сам это поймешь, пусть и на короткий миг. Ты будешь служить мне, а значит, ему. Ты будешь служить нам вечно, Ариозо...

А затем остались лишь тьма, смех, отдающийся эхом, да могильный холод.

Переводчик – Потерянный сын Ангрона

Редактор – Диоген Копатыч

ДЕМОН ГЛУБИН

РОБ САНДЕРС

Даже буря была прекрасна.

Клубящиеся облака отливали серебром, а на небе, наполненном пастельно-голубыми и розовыми тонами, сверкали ярко молнии. Гром отдавался мелодичным грохотом, в то время как море было похоже на разбитое зеркало, в металлических водах которого отражалась бушующая наверху буря. Все было прекрасно: от растянувшегося на многие километры океана до Расколотых Островов, чьи пляжи были усыпаны драгоценными камнями. Островитяне тоже были красивыми.

Все, кроме Сайласа.

Сгорбившись, Сайлас сидел на кровати, глядя в окно на прекрасные узоры бури. Комнату осветила яркая вспышка молнии. Его покои располагались в самой высокой башне замка Шелдрак, а из окна открывался вид на весь остров Эрзац. Эти покои достались ему не потому, что он был сыном пожилого вождя и пользовался большим уважением – этот вид был напоминанием того, что их королевство прекрасно. Контраст с неправильными формами тела Сайласа. Его не сковывали цепями и не держали взаперти, но, несмотря на это, сын вождя не покидал своих покоев. Для него было невыносимо видеть стыд в глазах братьев или отрешенный взгляд престарелого отца. Из-за испуганных криков матерей рыбаков и тыкающих в него пальцами, качающих головами других детей и островитян, которые не подверглись мутации, он не мог гулять свободно по усыпанным драгоценностями пляжам.

Молния не появлялась в течение нескольких секунд. Всего на мгновение темнота за окном превратилась в зеркало, и Сайлас вновь увидел свое отражение. Можно было бы решить, что сын вождя страдает от ужасного уродства лица или что его тело изувечила страшная болезнь, но все было не так. Он был островитянином, сыном Расколотых Островов, благородно воспитанным Шелдраком. Он был так же красив, как и его брат Родрик, у него были такие же, как и у брата Хирна, блестящие бронзовые волосы, насыщенно-зеленые глаза покойной матери и благородные черты пожилого вождя. Если не обращать

внимания на горб и искривленный позвоночник, то он был красив, как и любой из благородных сыновей клана Шелдрак.

Сайлас услышал крики, доносившиеся из банкетного зала внизу.

– Ты не можешь этого сделать, – раздался чей-то испуганный голос. – Ты не должен этого делать.

Это была Тиган. Леди Тиган прибыла на остров Эрзац из маленького королевства Тессерак. Как и Эрзац, Тессерак, наполненный драгоценными камнями и красивыми людьми, был дивным раем. Многочисленные, скрепленные брачными союзами доминионы, словно пестрое лоскутное одеяло, окутывали многочисленные Расколотые Острова, но в то время, как люди Эрзаца поклонялись благословляющим их остров своей щедростью древним богам глубин, на цивилизованном острове Тессерак был в почете Король-Бог. Жрец Зигмара Норвик принес слово Зигмара Эрзацу, а также привез одну из ста дочерей короля Тинарха – то были благородные девы, носившие его имя. Их использовали для заключения союзов с отдаленными королевствами, каким был Эрзац.

– Прочь с дороги, женщина! – Сайлас решил, что это был Родрик. Шаги брата отдавались эхом на каменной лестнице.

– Вы не должны этого делать, милорд, – взмолилась леди Тиган.

– Это не твое дело, – ответил Хирн, чьи тяжелые шаги слышал Сайлас. – Это дело касается только нашего клана.

– Но ведь я скоро стану частью клана острова, не так ли, мой суженный? – обратилась она к Родрику.

– Отцепись от меня, девка, – огрызнулся Родрик. – Знай свое место!

– Мастер Норвик, пожалуйста, – взмолилась Тиган, а в ее голосе послышались властные нотки, присущие ее отцу.

– Такова воля Короля-Бога, – ответил ей Норвик своим старческим, надорванным голосом. – Если наши королевства когда-нибудь станут частью небесного царства, то нам понадобятся благородные люди, достойные благословения Зигмара. Здоровые. Выносливые. Люди, чистые телом. Мужчины, которые отражают его собственные совершенные формы. Мы не смеем гневить Короля-Бога, миледи. А теперь отойдите. Мы должны это сделать.

– Кто-нибудь, помогите! – закричала Тиган. – Вашему принцу грозит опасность!

Однако никто не придет ей на помощь. Ни один из слуг Эрзаца, не станет перечить воли своего покровителя. Каждый из островитян знал свое место. Рыбаки и мореплаватели были королями в своих прибрежных хижинах и на борту собственных лодок. Они украшали свои одеяния из акульей кожи драгоценными

камнями и жемчугом, питались только самой лучшей рыбой, что дает им океан. Рыбаки гордились своей тяжелой работой, женились и были счастливы. И они ничего не сделают, чтобы разрушить созданный ими самими рай. Не станут выступать против своих хозяев – и уж точно не будут защищать одного из таких уродов, как Сайлас.

Дверь распахнулась. Окрасив комнату в ярко-синий цвет, в окне сверкнула молния. Вошел Родрик. Сайлас видел праведную решимость в глазах брата. Обрамленный дверным проемом, позади брата стоял громадный Хирн. Мастер Норвик, выглядевший словно мешок с костями, опирался на свой посох. Его рот, возможно, был полон банальных фраз, предназначенных для леди Тиган, а бородастое лицо выражало жесткость и бескомпромиссность.

– Рад видеть вас, братья, – с дрожью в голосе сказал Сайлас, вставая с кровати. – Что в эту ненастную ночь вас беспокоит?

Тиган протиснулась мимо мужчин. Ее стройная фигура вырисовывалась в сумраке между братьями и горбуном.

– Ты сделаешь это со своим родственником? – воскликнула дама. – Что вы за чудовища?

– Миледи, – обратился к ней Сайлас, низко опустив голову и глядя на незваных гостей. – Мои братья не желают мне зла. Мы члены одного клана. Мы – одной крови.

Его слова были нежны и полны ложной уверенности. Он чувствовал, как колеблется Родрик. Увидел, как Хирн отвел взгляд.

– Родрик, – прошептала Тиган. – Не делай этого. Боги против пролития братской крови.

– Не тогда, когда это делается во службу Ему, – ответил ей мастер Норвик. Священник попытался поддержать решимость Родрика и Хирна. – Этого требует Король-Бог. Он требует от вас чистой родословной и потомков, достойных Небесного Царства. Не разочаровывайте его, милорд. Подумайте о своем народе. Подумайте о себе.

– Родрик? – обратился к нему Сайлас дрожащим голосом. – Хирн?

– Это... – начал Родрик, – должно быть сделано.

– Сеть! – крикнул Хирн дрогнувшим голосом кому-то стоящему на лестнице.

– Нет! – закричала Тиган, хватая Сайласа и оттягивая его к окну. Родрик начал оттаскивать её, сопротивляющуюся и кричащую, в сторону. Сайлас не мог поверить в происходящее. Он упал на колени и взмолился о пощаде. Горбун искал сочувствия в глазах своих братьев, но его там не было. Почувствовав на себе руки слуг и сеть, что накинули ему на спину, Сайлас начал сопротивляться, но они лишь избili его такелажными кольями.

Царапающегося и перекатывающегося в сети Сайласа вытащили из покоев. Его протащили мимо ног братьев, обутых в ботинки из черепаший кожи, и

подолов мантии Норвика. Через дверь, а затем вниз по лестнице. Он кричал, когда бился о грубые каменные ступени, и чувствовал, как хрустят его кости.

Ударившись о самую нижнюю ступеньку, он рассек висок, и ощутил, как кровь залила его глаза. То ужасное испытание, в которое в один момент превратилась его жизнь, окрасилось алой пеленой. Он все еще слышал, что слуги пытаются удержать леди Тиган, и как старшие братья и священник следуют за ним по лестнице.

Слуги тащили его по полированным жемчужным полам покоев замка, через арки и мимо старинной мебели. Паникующий и растерянный, Сайлас почувствовал свет и тепло. В зале для пира бушевал огромный костер. Прямо перед ним на своем кресле из китового уса восседал его отец. Островитяне называли своего вождя Старый Лундал. По прошествии нескольких лет, Лундал принял предложение короля Тайнарха о союзе, запустив цепочку событий, что должны были возвести на трон Родрика.

– Отец! – крикнул Сайлас. – Отец, помоги мне...

На фоне огня Старый Лундал казался темным пятном. Он слегка повернул голову и посмотрел на него, а после снова устремил свой взгляд на ревущее пламя. Амулеты и талисманы звенели на его шее.

Символы его веры. Символы вечной жизни и божеств бездны, которым поклонялись на Расколотых Островах.

– Отец! Отец! Не позволяй им забрать меня! – надрывался Сайлас.

Пока в сетях его тащили сквозь зал для пиршеств, он услышал, как сапоги братьев остановились рядом с отцом. Никто ничего не сказал, и братья последовали за ним в бую, когда Сайласа протащили сквозь огромные двери замка и поволокли по соединяющему замок с островом каменному мосту.

Наверху клубились и сбивались облака, а разрезающие небо голубые и розовые молнии осветили тропу. Обувь слуг зашуршала по песку: тропа, как и пляж, состояла не из мелких песчинок, а из крошечных кусочков драгоценных камней. Вдоль тропы вместо булыжников лежали драгоценные камни, что сейчас рвали острыми гранями тело Сайласа. Шел дождь, морось создавала в сумраке многоцветный блеск и едва видимые радужки. Промокшие до нитки Норвик и братья с хрустом камней следовали за ними.

Когда Сайласа волокли сквозь окружающую замок рыбацкую деревню, он снова позвал на помощь. Его полный недоверия и ужаса голос почти растворился в шуме бури, а те рыбаки и их жены, что слышали его мольбы, открывали свои двери, но делали они это не для того, чтобы помочь ему или своим соплеменникам, а чтобы молча наблюдать за происходящим. Дети же подходили к окнам, чтобы посмотреть, как тащат горбуна.

Жалобный голос Сайласа затих. Люди Эрзаца не помогут ему. Их жизнь была идиллией, и они не хотели, чтобы она была запятнана присутствием того, кто напоминал им о потенциальном уродстве или несовершенстве. Даже ту рыбу, у которой был хоть малейший намек на изъян в чешуе и плавниках, или чей вкус не оправдывал ожиданий, выбрасывали. Однако, островитяне не запятнали бы гниющей рыбой и зловонием разложения свои, инкрустированные драгоценными камнями, хижины и серебряную береговую линию.

Когда Сайласа Шелдрака, сопровождаемого Родриком, Хирном и мастером Норвиком, тащили по каменистой почве, присущей центральной части острова, к нему пришла ошеломляющая мысль – он скоро умрет. Почувствовав боль от сломанных костей и разбитой головы, он застонал. Наконец, его губы вновь зашептали обращенные к братьям жалкие мольбы и молитвы.

Чем ближе они подходили к лишенному растительности гроту, куда из поколения в поколения, чтобы избавиться от ненужных вещей, приходили островитяне, тем ухабистей становилась тропа.

– Родрик, – всхлипнул он, когда слуги отпустили сеть на скалистом краю грота. – Хирн. Братья, умоляю вас. Не слушайте этого безбожного священника. Посмотрите на меня. Я из вашего клана. Я ваша родня. Я – Сайлас.

Когда в небе над ними сверкнула молния и, словно песня, раздался гром, он увидел своих братьев. С их напряженных скул стекали капли дождя. Они были полны решимости и собирались с духом. Вонзив свой посох в землю, мастер Норвик посмотрел на них, а потом перевел свой взгляд на Сайласа.

– Ты – несовершенная вещь, – проговорил Норвик. – Непригоден для этого царства. Мы предназначены небесам и должны восседать с великим Зигмаром. Ты не помешаешь нам в этом.

Зная, что братья не смогут решиться отдать приказ, он кивнул слугам. Они, подняв сеть с обеих сторон, начали раскачивать Сайласа, словно младенца в колыбели. Он кричал, когда сеть качалась взад и вперед над краем обрушившейся пещеры. Даже сверкающая молнии не смогла осветить ее грязные глубины. На мгновения его посетила мысль, что это все ужасная шутка или же кошмар. Что сейчас священник, слуги и его братья разразятся хохотом или же, когда солнце зальет окно, он проснется в своих покоях.

А потом он резко упал.

Он погружался во тьму. Падая сквозь червеобразный грот, он мельком увидел края скалы и людей, что бросили его умирать. Из-за окутывающей его конечности сети он не мог даже взмахнуть руками. Оставалось лишь приготовиться к концу...

Сайлас Шелдрак упал.
Свет бури померк.
Темнота поглотила его.

Обо что бы он не ударился, это точно был не камень, и это была не морская вода. Все еще завернутый в сеть, он отскочил от чего-то мягкого и влажного. Вокруг него жидкость била фонтаном. При каждом движении в его груди скрежетали сломанные ребра. Сайлас был дезориентирован в темноте и у него возникло ощущение, что он катится вниз по какому-то склону. Его уши наполнились жужжанием потревоженных мух. Каждый вдох давался с трудом. Но не это было самым страшным - из-за невыносимой вони каждый глоток воздуха превращался в пытку. Окруженный стаями роящихся вокруг него черных жирных мух и холодной слизью, хлещущей по его кувыркающемуся телу, Сайлас падал, пока, наконец, не достиг дна. По инерции он покатился дальше и окунулся в холодную воду.

Какое-то время он лежал на вонючей отмели. Принц недоверчиво моргнул - было чудом, что ему удалось остаться в живых. Грот был наполнен гнилью и поглощен мраком. Сайлас слышал свист буйных волн и шипение разбивающихся брызг. Из дыры в потолке и входа в расщелину, погруженного наполовину в море, вспышки молний проникали в похожую на комнату пещеру. Отвратительное, забытое место.

Свет бури также показал причину, по которой Сайласу удалось выжить. Он упал вниз через всю пещеру, приземлившись на гору из обломков и рыбы, годами выбрасываемых в грот островитянами. Он был насквозь пропитан маслянистой жидкостью и стекающими по его телу внутренностями рыб. От него воняло, как от недостойного небесного царства, и все же он был благодарен миру за эту колоссальную грудку разлагающейся плоти.

Сайлас выпутался из рыбацкой сети и выбрался на мелководье. Он был на каменистом полу грота, придерживая сломанные ребра и прижимая к себе мучительно болевшую сломанную руку. И все же, он был еще жив, и ирония обстоятельств не ускользнула от него. Усмехнувшись, он посмотрел на гору гнили, которой ему было суждено стать. Истерический смех сорвался с его морщинистых губ. Он замер у него в горле, когда гора хихикнула в ответ.

Пятясь по лужам и грязи на каменном полу, Сайлас почувствовал сильное движение. Огромный холм гниющей плоти, возвышающейся над ним и окаймленный светом бури, казалось, повернулся. Внезапно, его очертания превратились в рой мух и, чуть не похоронив под собой, на него обрушилась

лавиной из кишасших личинками мертвых рыб. Под ковром из насекомых и, питающихся гнилью, ракообразных обнаружилось чудовищное существо. Оттолкнувшись от живой горы, Сайлас обнаружил, что его ноги заскользили по покрытому слизью полу пещеры.

Вспышка молнии осветила пещеру и Сайлас смог увидеть истинные размеры и ужасающую форму этого существа. Под грудой гнили лежал такой же горбатый, как и он, зеленый монстр. Его морщинистая кожа едва могла удержать раздувшуюся больную плоть, а огромный живот кишел инфекциями и сочащимся гноем. Пухлые конечности покрывали чешуя и раны. К его коже приросли коралловые бутоны, ракушки и анемоны. Его силуэт покрывали водоросли, и он кишел бегающими по нему крабами. В голове его торчали раздробленные рога из мертвого коралла, а складки жира образовывали капюшон, скрывающий жгучую силу ярких, словно кровь, глаз существа. Уголки гротескного рта приподнялись в ужасающей улыбке, обнажив ряды игольчатых зубов, и тело содрогнулось от адского смеха, что превратился в сотрясающий пещеру хохот.

Отдавшись на милость этого существа, Сайлас просто лежал под его пристальным взглядом. Оно же поджало губы, ожидая, пока он наберется храбрости.

— Что ты такое? — спросил дрожащим голосом Сайлас.

— **Я — Нежеланный**, — ответило ему чудовище и его голос ужасным эхом разнесся по всему гроту. — **Мусор. Отбросы и обломки. Забытая гниль. Я — само уродство. Пожиратель всякой несовершенной вещи.**

— Как такое вообще может быть? — изумился Сайлас, почувствовав, как страх подступает к его горлу.

— **Как вообще что-то появляется на этот свет?** — переспросила гниющая гора. — **Через трудолюбие или пренебрежение. Я — продукт того и другого. Твои расточительные люди сбросили все, что было недостойно для их губ и чресл в это темное место. Бездонную пропасть. Кроме того — это не бездонная яма. Это я. В течении многих поколений моим мясом была испорченная плоть, а моим напитком — жертвенная душа. Души, подобные твоей. Ты же душа, которую я решил пощадить.**

— Значит, моя жизнь зависит от твоих желаний, не меньше, чем от милости моих братьев, — выплюнул Сайлас.

— **Осторожнее, человек**, — с гротескной ухмылкой на лице предупредил монстр. — **Тебе вообще незачем жить. Кроме того, я могу тебе помочь.**

— Помочь мне? — спросил Сайлас.

— **Со временем**, — ответил ему монстр. — **Время могущественная штука. Оно превращает самых славных воинов в пищу для личинок. Самые диких созданий в легенды. Царства — в прах.**

– Зачем мне твоя помощь? – качая головой, возразил ему Сайлас. – Ты – тьма, что заражает мои мысли, что отравляет людей... Моих братьев поразила какая-то болезнь, ибо они не ведают, что натворили!

– *Они знают,* – настаивало отвратительное существо. – *Точно так же, как и каждый бездушный родитель или злобный брат, сбросивший в эти глубины какого-нибудь сломленного несчастного. Мы одинаковые - ты и я. Мы страждущие. Выброшенные за ненужностью. Есть много форм тьмы. Некоторые раскалывают небо своей силой. Некоторые проникают в сердца и дома. А некоторые гноятся в кучах протухшей плоти. Ты бы узнал, если бы моя тьма поглотила твой крошечный остров. Позволь мне помочь тебе, Горбун, и я помогу.*

Сайлас прижал сломанную руку к разбитым ребрам. С несчастным видом он оглядел пещеру, морскую воду, омывающую вход в грот, и огромного демона, что возвышался перед ним. Братья бросили его на верную смерть. Островитяне стояли в стороне и ничем не помогли. И только чудовище спасло его жизнь. Прячась в гроте, в окружении только мух и тварей, у него было ни так уж много вариантов. Он знал, что существо, предложившее ему помощь, было адским слугой Темных Богов. Страшная, запредельная сущность.

– *Ты можешь доверять мне, смертный,* – продолжил демон. – *По твоей земле бродит зло и его когти вцепились в твою семью и клан. Я не настолько злобен, и я могу помочь тебе очистить его.*

– Как же? – воскликнул Сайлас и его голос, пронизанный болью, эхом разнесся по всему гроту. Он поднял сломанную руку. – Я брат, которого предали. Горбун, сломленный телом и духом.

– *Я могу научить тебя выходить за пределы ограничений, что тебя сковывают,* – сказал демон. – *Чтобы ты мог использовать силу, о которой даже не подозреваешь.*

Сайлас поймал себя на том, что медленно кивает. В своей душе он уже принял ужасное предложение...

– Вы, кажется, знаете меня по моим горестям. – сказал Сайлас. – Но от откуда мне знать вас?

– *Как и у всех монстров,* – ответил ему демон. – *Мое имя идет рука об руку с судьбой. – Я – Хергустагр.*

– Сайлас... бывший член клана Шелдрак, – медленно проговорил Сайлас в ответ.

Демон вытащил склизкие когти, в которых он сжимал горсть тухлой рыбы, из которой капала вода.

– Ешь, Сайлас, – проговорил Хергустагр. – Тебе понадобятся силы, чтобы преодолеть грядущие испытания.

Как это и случалось множество раз, солнце поднялось над своим отражением в серебряных водах Стеклянного моря. На усыпанные драгоценными камнями пляжи острова Эрзац накатывали приливы и отливы. Жизнь продолжалась. Проходили времена года, а вместе с ними возвращались рыбацкие лодки – сначала с сетями, обильно забитыми рыбой, потом глубинными ловушками, и, наконец, с пронзенными копьями тушами блестящих акул. Зеленые водоросли превратились в коричневые. Ураганы приходили и уходили, а дни становились короче. Годы проходили незаметно, пока однажды утром, в длинный сезон, когда с серебряных вод поднимался зеркальный туман и был высокий прилив, Сайлас Шелдрак не всплыл на поверхность. Из совершенного мелководья, водами которого ежедневно любовались жители острова Эрзац, торчал состоявший из мертвых кораллов и черепа волшебный посох. Его капюшон поднялся над водами, обнажив омерзительное лицо. Кожа его была влажной и белой, словно у недавно умершего, унесенного в самые глубины морей. По телу ползали покрытые панцирем веретенообразные ужасы, оно было раздуто, а спина еще больше сгорблена. Морские вши ползали по его бледной плоти, в то время как змееподобные черви извивались под ней. Гротескную фигуру колдуна покрывал плащ и рваные одежды, сотканые из заплесневевшего черного паруса – остатки трофеев кораблекрушения, принесенного приливом. Напоминая о его прошлом, с плеч бывшего принца свисала рваная рыболовная сеть, в которой его скинули в грот.

Драгоценные камни захрустели под его ногами, когда он вышел с мелководья на берег. Он открыл рот, произнося слова страшного колдовского проклятия. Из его ошипанных клешнями губ потекла черная жидкость и маленький краб шмыгнул изо рта, взбираясь в одну из ноздрей. Его слова звучали, словно шипение прибоя. Пока он произносил их, вокруг вспенилась вода и плескалась выброшенная на берег рыба. Тысячи и тысячи рыб. Бросаясь на берег в каком-то болезненном безумии, они переворачивались и шлепались у кромки моря. Вдоль всей береговой линии пляжи заполнились хлопающей плавниками и извивающейся друг на друге умирающей рыбой, чей рот и жабры судорожно хватали воздух.

Плывущий в направлении материка серебристый туман, словно запятнанное зеркало, чернел вокруг Сайласа. Рыбаки и их сыновья шли по берегу к небольшому скоплению лодок, что стояли на берегу и были готовы к отплытию. Даже такие простые люди, как они, наслаждались красотой своих простых нарядов: куртками из акульей кожи, чешуйчатыми лодочными плащами. В их длинных волосах сверкали драгоценные камни. Они гордились своей работой, вставая ни свет ни

заря. Чинили сети, срезали ракушки с корпусов лодок и привозили только самое лучшее, что могло предложить им море.

Сайлас не позволил рыбакам заметить его. Они видели только то, что хотели: свои темные отражения в зеркальном тумане. Так продолжалось до тех пор, пока они не увидели того, что ждало их в утреннем прибое. Их улов, выброшенный из моря и лежащий мертвым вдоль всего берега. Это зрелище вызвало в простых людях неподдельный ужас и пляж огласился призывами к братьям, отцам и старикам из деревни. Вопросы остались без ответа – никто на Расколотых Островах ранее не видел подобного.

Еще несколько слов проклятия слетело с изувеченного болезнями рта, и между чешуей рыб, из их глаз и ртов начали сыпаться жирные личинки. Рыбаки отшатнулись в отвращении, увидев новую чуму, что поселил на острове Сайлас.

Вонзая посох в покрытый драгоценными камнями берег, окутанный серебристым туманом, колдун двинулся вверх по берегу. Когда взошло солнце, он увидел идущих по своим делам островитян. Держа иголки из слоновой кости и нити в руках, старухи трудились над одеждой и парусиной. Жены готовили настоящие банкеты для своих трудолюбивых мужей. Возле лачуг играли дети, обращающиеся со своими сверстниками со всей возможной жестокостью и злобой. Заглядывая в открытые двери лачуг, Сайлас незаметно проходил через деревню. Внутри дома были украшены жемчугом, мертвыми кораллами и красивыми раковинами. Перед резной мебелью из китового уса полыхали костры, а из оперения разноцветных морских птиц были сделаны занавески и покрывала для столов и кроватей. Заполняя комнаты разноцветным светом, в оконных проемах лежали драгоценные камни.

Домики были маленькими, всего лишь прибрежными лачугами простых членов клана, но по сравнению с тем ужасом, что последние несколько лет Сайлас называл своим домом, они казались дворцами. В гроте было холодно и сыро. В компании с крабами и Хергустагром он обедал гниющими объедками островитян, слушая, как великий демон говорит о силе и язвительных добродетелях своего темного бога, рассуждая о мести Сайласа. Он учился ужасному искусству призыва и колдовства. Стал одним целым с тьмой из глубин...

– Мунго, – произнесла женщина, миловидная жена рыбака, несущая охапку плавников для костра. – Мальчик, куда ты так торопишься?

По дорожке между домами, бежал один из сыновей рыбака, которых Сайлас видел на берегу – молодой парень с родинкой на подбородке. Он пробежал мимо невидимого в серебристом тумане Сайласа. Силы колдуна создали вокруг него

непроницаемую дымку, что скрывала его гротескную фигуру, но позволяла видеть в своих завихрениях и волнах окружающих его людей.

– Папа велел бежать в замок, – задышавшись, крикнул мальчик матери. – Что-то случилось на пляже.

– Что же? – спросила его мать, но Мунго уже убежал. Постукивая посохом по дорожке, Сайлас последовал за мальчиком.

Перед его взором предстали башни замка Шелдрак. Это было грубо построенное укрепление: не один из тех прекрасных дворцов, присущих центральным королевствам Расколотых Островов, о которых он слышал. Остров Эрзац не нуждался ни в дворце, ни в цитадели. Пронизанный драгоценными камнями и построенный сотни лет назад из темного прибрежного камня, он едва ли мог так называться: его стены никогда не отражали вражеских атак, а на его грубо обтесанном мосту не было ни одного солдата. Однако, пока на него не обрушится весь гнев бурь и стеклянного моря, он будет стоять непреклонно.

Мальчик Мунго пересек мост и осторожно протиснулся в большие двери. Сайлас последовал за ним и зеркальный туман, окутавший его тело, начал заполнять своей отражающей дымкой комнаты и банкетный зал.

В большом зале, как и всегда, ярко горел огонь. Мунго подошел к фигуре, сидевшей перед огнем. Он хотел что-то сказать, но передумал и двинулся дальше. Сайлас приблизился к человеку, и существа на его больной плоти, прячась от жара огня, поползли в разные стороны. Около огня сидел Старый Лундал. Если не считать пристального взгляда, устремленного на яркое пламя, бывший вождь представлял собой жалкое зрелище – он был едва жив, от него остались одни кожа и кости. Исчезли его многочисленные безделушки старых богов и, словно какое-то покаяние, вместо них старик носил тяжелую цепь с медальоном в виде молота Зигмара. Сайлас положил свои толстые бледные руки на плечи Лундала, наклонившись к уху старого вождя.

– Не беспокойся, отец, – прошептал колдун. – Это я ответил на твои незримые молитвы. Скоро все кончится.

– Но милорд, – взмолился Мунго, возвращаясь в банкетный зал.

Сайлас обернулся. В комнату вошел его брат Хирн. Как всегда, высокий и крепкий, а его лицо напоминало дикую маску. За ним следовали те же слуги, что оттащили Сайласа в грот.

– Будь ты проклят, – бросил он одному из них, показывая швы на своем плаще из акульей кожи. – Не вздумай мне перечить. Посмотри на это. Посмотри на это! Ты никчемный портной. Ты думаешь, что это достойно клана Шелдрак, не так ли?

Ты думаешь, что таким образом человек может служить своему Богу-Королю? Мне следовало бы тебя выпороть, пес.

– Милорд, - более настойчиво обратился к нему Мунго. – Меня послал отец. Есть кое-что, что вы должны увидеть.

Хирн с сердитым лицом повернулся к мальчику. Он резко ударил Мунго тыльной стороной ладони, отчего тот, словно подкошенный, рухнул на пол. Он был слишком потрясен, чтобы даже всхлипнуть и отползти по полированному полу от Хирна.

– Ты, наглый щенок, – сердито сказал Хирн. – Как ты смеешь мне мешать? – он перевел взгляд с мальчика на слуг. Прежде чем схватить хлыст из китового уса, висевший на стуле, разозлившись, он сорвал с плеч плащ и швырнул его в одного из слуг. – Это не достойно моих плеч. Вы хотите оскорбить меня своей работой, верно? Черт бы побрал ваши шкуры, вы не посмеете сделать это снова. Я сниму кожу с ваших спин, – прорычал он попятившимся слугам.

Сайлас последовал за мальчиком, который карабкался вверх по лестнице, и туман оставался с ним на одном уровне. С трудом поднимаясь по каменным ступеням, он вспомнил как ломались его кости, пока он с них падал. Сайлас нагнал мальчика возле покоев вождя. Когда-то эти комнаты принадлежали его матери и отцу. Теперь же они приютили Родрика, его детей и ту островитянку, на которой он женился.

Скрытый отражающим туманом, Сайлас стоял на пороге и наблюдал за копошащимися на лестничной площадке толпами детей. Они были худы и тонкоруки, в их глазах светился голод. Голод не к еде, а к вниманию. Они росли в атмосфере соперничества – отцовская любовь была главным призом. Подобно стае хищников, они стремились отсеять самых слабых, улучшая тем самым свои шансы. Все они были незаконнорожденными – их матери были дочерьми рыбаков и островитян. Родрик искал совершенство в своих детях, надеясь, что каждый из последующих будет более достоин своей родословной и Бога-Короля. Однако они выживали.

Они были наследниками Родрика.

Глаза девочек и мальчиков злобно сверкнули, когда Мунго начал пробираться сквозь их ряды. Они приблизились к юноше, который все еще держался за покрасневшую от удара Хирна щеку. Мунго остановился, его глаза были полны слез. В толпе детей он чувствовал себя не уверенно, а они просто смотрели на него, как на кусок мяса.

Внезапно одна из дверей открылась. Сайлас услышал, как изнутри раздался женский плач, но не мог понять его причины. Вождь вышел на лестничную

площадку, Родрик был обнажен до пояса, его нижнюю часть тела покрывал экстравагантно длинный плащ, чей подол волочился по полированному полу. Обнажив безупречные зубы, его лицо застыло в жестокой ухмылке. Взгляд был словно остекленевшим, отсутствующим, как будто он заново переживал те ужасные вещи, что совершил.

– Отец, – закричали дети и, забыв о Мунго, набросились на вождя, требуя его безразличного к ним внимания.

Родрик, казалось, не замечал их и, сбивая с ног самых маленьких, просто шагал через толпу. Дети вцепились в его мускулистый торс и тянули за плащ.

– Мой лорд... – неуверенно проговорил Мунго. Сайлас наблюдал за ними из серебряного тумана, что пробирался вверх по замку. Родрик потянулся к ручке двери, что была дальше по лестнице, но услышав голос мальчика, он остановился. Это не был голос его собственных детей, словно птенцов, каркающих вокруг и требующих внимания. Он посмотрел прямо сквозь мальчика.

– Меня послал мой отец, господин вождь, – проговорил Мунго. – На пляже, милорд. Есть события, что требуют...

– ...моего внимания, – продолжил за него Родрик шелковистым шепотом. Словно уловив в этих словах что-то смешное, он улыбнулся.

– Может быть вы спуститесь и все увидите сами, господин вождь? – робко предложил Мунго.

Ответом ему была безумная улыбка, что стала еще шире. Словно забыв о словах мальчика и о самом себе, вождь повернул ручку и открыл дверь. Сайлас услышал, как изнутри раздались рыдания женщин. Как только Родрик исчез в дверях, дети снова обратили свое внимание на Мунго, но тот уже исчез, превратившись в силуэт мальчика в серебристом тумане.

Сайлас нашел его этажом выше – он яростно стучал в дверь, на которой криво висел молот Зигмара, металл на котором потускнел и выцвел. Мунго все время оборачивался, ища преследующих его детей. Но вместо них он увидел медленно заволакиваемую дымом лестничную площадку. Сайлас увидел, как мальчик толкнул дверь и вошел в темную комнату.

– Мастер Норвик, – позвал Мунго, проходя в соседнюю комнату, заполненную дымом от свеч. Сайлас последовал за мальчиком. Помещения были похожи на жуткую часовню. Норвик украсил комнаты священными атрибутами Короля-Бога, что привез с собой из Тессарака. Он надеялся принести слово Короля-Бога на остров Эрзац. Обратит вождя и клан Шелдрак в веру, чтобы потом распространить ее на селян. Однако этого так и не случилось. Гобелены превратились в лохмотья, а иконы с образом Короля-Бога бесцеремонно валялись на полу. Комната была завалена грязными свитками и безымянными томами. Стоял запах застарелой крови.

По всей комнате виднелись знаки, которые Сайлас сразу узнал. Страшные фигуры, состоящие из сфер и полумесяцев, нарисованные на камне стен, вырезанные в грубых алтарях и обработанные в металле стоящих икон и висящих талисманов.

Это был не символ Зигмара.

Хергустагр сказал ему, что они были знаками вражеского Бога излишеств и наслаждений. Бога, что был той тьмой, что давно разъедала его народ и поработила семью Сайласа. Гордые сердца островитян преданно бились во славу давно потерянного божества, и в некотором смысле так было всегда. Это началось еще в далеком прошлом клана, в период расцвета Шелдраков. Он пришел с Тессарака и Расколотых Островов вместе со священником Норвиком. Уже несколько рыбаков покинули остров, отправившись на поиски Слаанеш в великой серебряной пустоте на своих лодках через океан, и они уже никогда не вернутся. Другие же, кто остался, ожидали возвращений Темного Принца, превратив Эрзац в райский остров.

– Мастер Норвик, – проговорил Мунго, когда нашел страшного старика, склонившегося над столом, строчащего на пергаменте колючим пером план по возвращению ужасного божества. Повернувшись, священник посмотрел из темноты своего капюшона на мальчика.

– Мастер Норвик, – повторил Мунго. – На пляже происходят странные вещи.

– Что случилось? – спросил священник, выдергивая колючее перо из окровавленных пальцев.

– Вдоль наших берегов рыбы выбрасываются на землю, – сказал ему мальчик. – Милорд, они больны. Они гниют у наших ног и их тела кишат личинками.

Священник слез с табурета и заковылял к Мунго. Он кивал, пока мальчик рассказывал о странных событиях, что произошли на пляже. Было что-то странное в том, как Норвик приближался к мальчику и как блестели под капюшоном его глаза – мальчик испугался и отступил, но уперся в каменный алтарь, что стоял позади него. Норвик потянулся за кривым клинком, что висел в грязных ножнах на поясе. Он достал его и пред Мунго замелькало окрашенное в алый лезвие.

– Как давно у тебя эта родинка, мальчик? – спросил Норвик, обнажая клинок и потянувшись к его подбородку. Ужас исказил его лицо, когда священник заковылял в его сторону.

Словно масло в воде, маслянистый туман рассеялся и обнажил фигуру колдуна Сайласа в его отвратительном одеянии. Его внезапное появление привлекло внимание Норвика. Увидев стоящую в комнате фигуру с посохом, жрец удивился и повернул злое лезвие жертвенного кинжала в сторону Сайласа. Норвик судорожно переводил взгляд с Мунго на колдуна.

– Кто ты такой? – злобно прошептал жрец, скидывая свой капюшон. Под ним оказался безупречный череп с натянутой пергаментной кожей. Он сверкнул на Сайласа заостренными зубами и молочно-белыми глазами.

– Иди, мальчик – произнес Сайлас голосом, похожим на звук того, как змея меняет кожу. И после его слов, Мунго выбежал из часовни.

– Говори, – потребовал священник.

– Я всего лишь человек, – ответил Сайлас. – Человек, не достойный взора богов. Я уже давно забыт. Я – нечто, вернувшееся из ничего.

Норвик облизал острые зубы серповидным языком. Железный кинжал неожиданно вспыхнул темной силой, и священник проткнул лезвием Сайласа. Колдун почувствовал, как окровавленная сталь пронзила его одежду и скользнула в больную плоть. Ожидая, что закутанная в плащ фигура схватится за живот и упадет на землю, Норвик пронзал ее плоть снова и снова. Вместо этого, почти не причиняя вреда больному гостю, клинок погружался в пропитанную водой плоть. Сайлас едва ощущал присутствие клинка в своем животе.

Колдун приложил губы к заостренному уху Норвика.

– Я – Сайлас, – прошептал он, – из клана Шелдрак. И я вернулся домой.

С силой, не присущей горбуну, Сайлас схватил Норвика за подбородок. С его губ сорвался поток колдовской порчи, хлынувшей в ухо священнику. Наполняясь оскверненной грязью, Норвик силился вырваться и кричал. Сайлас все сильнее прижимал к себе священника, пока тот, покрываясь волдырями и плача, пузырился. Сайлас оставил Норвика там в виде дымящейся кучи больной плоти.

Поднявшись по ступеням башни замка, колдун подошел к знакомой двери. Это была его собственная дверь, ведущая в его бывшие покои. Она была заперта на засов. Постучав посохом по дереву, он повредил ее петли. Дверь начала растворяться, и он вошел в нее, когда та упала на землю сгустком слизи. В своих покоях он обнаружил сидевшую на кровати леди Тиган. Ее лицо было худым и осунувшимся. Она была хрупкой тенью прежней себя, но ее глаза все еще горели королевским вызовом. Когда колдун пересек комнату, она, насколько позволяли ей кандалы, отодвинулась от кровати. Подняв руки и сжав их в кулаки, Тиган дала понять, что если он подойдет слишком близко, то она набросится на него. Не желая быть частью бесчеловечного и жестокого обращения с людьми в замке, она боролась с Норвиком и братьями, доставляя им неприятностей больше, чем они ожидали, и в наказание они заточили ее в башне.

Избавились и забыли.

– Я пришел за тобой. – произнес Сайлас. Он потянулся к ее цепям, но Тиган, сморщив нос от вони, отступила назад. Она осматривала его отвратительную форму, рваные одежды, гнилое лицо и сторбленную форму.

– Сайлас? – спросила она, не веря в то, что видит.

Он положил свои больные руки на ее цепи. От этого прикосновения металлические звенья потускнели и проржавели, прежде чем распасться в красную труху на кровати. Тиган потеряла ободренные запястья и попятилась к окну. Сайлас потянулся к ней, но она со страхом и отвращением забралась на окно. Стало очевидно, что дама скорее бросится с окна башни, чем будет касаться холодной плоти колдуна.

– Я... я думала, ты умер... – неуверенно проговорила он.

– Некоторое время я и сам так считал, – ответил колдун, стоя перед окном, – но, кажется, существует огромная разница между тем, чтобы быть почти мертвым и действительно мертвым. И я принес этот мир с собой.

Они оба слышали странный звук. Далекий гул. Ужасное жужжание жирных мух. Звук был повсюду, и тут они увидели его источник: он расплзался, словно грязное пятно. С волшебной быстротой личинки изливались из мертвой рыбы, их коконы покрывали гнилые холмы, ими был усеян весь пляж. Из них выползали адские чумные мухи и поднимались в воздух, высушив крылья. Они сокрушили бегущих рыбаков и закружились по берегу, покрывая лачуги своей грязью. Сайлас и Тиган наблюдали, как черный рой растет и поглощает деревню, как насекомые покрывают все и вся. Несмотря на то что окна лачуг были закрыты, а двери заперты, спрятаться было невозможно. Покрытые с ног до головы жирными черными мухами, островитяне метались и выбегали на берег.

– Нет, – воскликнула Тиган, отступая от окна. – Это твоих рук дело?

Наблюдая за тем, как разворачивающаяся чума поглощает остров, он кивнул с нескрываемой гордостью. Леди Тиган отступила к двери, подальше от этого ужаса. Подальше от Сайласа. Спускаясь по лестнице, она слышала сводящие с ума жужжание мух и крики. Чума добралась до замка. Она отошла от двери. Но ее уже не было.

– Ты в безопасности, – проговорил за ее спиной Сайлас. – Но ты единственный человек, которого это касается.

Леди Тиган припала к холодной стене и скользнула спиной по ней, прижав колени к груди. Все, что она пережила и безнадежность, которой сопротивлялась, казалось, в этот момент обрушилось на нее.

– Что ты наделал? – прошептала она. – Во что ты превратился?

– Я тот, кем был всегда, – ответил Сайлас. – Я есть та уродливая правда, с которой нужно смириться.

Они оба ждали, пока не стихнет гул, а крики не превратятся в всхлипы и стоны.

– Пора, – произнес колдун, внезапно обернувшись. Он схватил ее за руку, и Тиган едва заметила прикосновение гнилых пальцев, охвативших ее запястье. Она заперлась в том единственном месте, где могла это сделать – в темном тепле своих мыслей. Месте, где не было ужаса, что происходил вокруг. Постукивая посохом по ступенькам, колдун потащил Тиган за собой. Как и рой мух, серебряный туман исчез. Под хруст хитина они вдвоем спускались по черному ковру из мертвых насекомых вниз по ступеням замка, и Сайлас увидел барахтающихся в агонии братьев, их пленников, слуг и бастардов клана Шелдрак.

Сайлас остановился и прижал к своей груди леди Тиган. Он смотрел, как Родрик и Хирн, шатаясь, ходят по коридору. Обглоданные заживо мухами их совершенные формы и красивые черты лица превратились в месиво инфекции и плоти, распухшей от отложенных в них яиц. Личинки извивались под больной кожей, и братья стонали от того, в каких чудовищ они превратились. Вождь, увидев Сайласа, упал на колени. Когда Родрик вцепился в свое отвратительное лицо, его стон физической агонии сменился душевными муками.

Словно у покрытых коркой кукол, плоть отпадала от их тела. Между ее кусками протекали струйки гноя, а личинки, словно дождь, сыпались на землю. Родрик взревел, когда Хирн и другие несчастные начали рвать свое тело и то уродство, в которое они превратились. То, что ждало внизу, больше не было братьями Шелдрак.

Тиган закричала.

Под сочащейся оболочкой изуродованной мухами плоти скрывались демонические сущности. Из их голов торчали короткие рога. Зеленая, потусторонняя плоть едва прикрывала их гротескные черепа, а единственный глаз горел мрачной злобой. Страхивая грязными когтями больную скорлупу из братьев, демоны обнажали веретенообразные конечности и пузатые тела.

Тиган запаниковала, когда ее окружили зараженные чумой монстры, рождающиеся из тел островитян.

– Пойдем, – сказал ей Сайлас Шелдрак, таща Тиган к двери. Оставив позади все, демоны последовали за ними своей больной походкой и неукротимым шагом. Когда они проходили сквозь зал для пиршеств, в котором до сих пор горел огонь, колдуну показалось, что он чувствует запах жарящейся плоти. Кресло из китового уса, стоящее перед очагом, пустовало. Колдуну почудилось, что он увидел в пламени Старого Лундала – старик, спасаясь от мух, бросился в огонь. Прежде чем раз и навсегда покинуть замок Шелдрак, Сайлас позволил себе болезненно улыбнуться.

На всем протяжении прогулки по пляжу их сопровождали рыдания и стоны леди Тиган. Постукивая посохом по дороге и сопровождаемый длинной колонной демонов Сайлас шел сквозь деревню. Осознавая порчу, нанесенную их прекрасным телам стаями мух, островитяне завывали от обрушившихся страданий. Из плоти рыбаков, их жен и детей появлялись чумные демоны разных размеров и ужасающей внешности.

Пощады не было никому.

Под хруст камней они двинулись вслед за колдуном по пляжу к золотистому прибою. На берегу Сайлас и Тиган обнаружили гору гниющей рыбы. Сбиваясь в кучу, сгнивая заживо на солнце, она выбрасывалась из воды. Гноящиеся, разлагающиеся останки превратились в ужасное существо

Гора гнили стала чудовищем, что обнажило зубастый рот. Его глаза открылись на том месте, что было его ужасным лицом.

Сам Хергустагр прибыл на остров, чтобы полюбоваться работой, проделанной его помощником.

Разум Тиган был сломлен. Она никогда не испытывала такого ужаса, но когда демон вперил в нее свой злобный взгляд, леди подавила рыдания. Сайлас склонился перед своим адским покровителем в поклоне.

– Утром слуга Темного Принца держал этот остров в своих лапах, – гордо сказал Сайлас. – К полудню он принадлежит великому Повелителю Разложения.

– ***Ты хорошо потрудился, Сайлас,*** – пророкотал Хергустагр, устраивая свое грязное тело на серебристой отмели, пока вода чернела от его присутствия. – ***Ты отомстил за себя и угодил нашему зловонному хозяину. Теперь пришло время принести его славу на остальные проклятые острова. Искать таких же магов, как и ты, чтобы они поддерживали наше присутствие в этом мире.***

Прежде чем повернуться к своей демонической орде, Сайлас склонил голову в капюшоне:

– Выступим же, мои дети, – воззвал он. – За этими берегами есть души, которые мы можем возвысить и преобразить. Темные силы, которые мы можем использовать и изменить. Они ждут нашу милость!

Выставив свои отвратительные фигуры напротив рыбацких лодок, лежащих на усыпанных драгоценностями берегу, они в унисон двинулись вперед. Некоторые из судов были величественны – огромные транспорты, которые мастер Норвик намеревался использовать в своих поисках Темного Бога. Напрягая больную мускулатуру, они вытолкнули лодки на мелководе, и, подняв свои черные паруса, спустили на воду маленький флот. Горбатый колдун потащил леди Тиган за собой, когда проклятый демон помогал Сайласу взобраться на борт самого крупного корабля. Она попыталась вырваться из его зловонной хватки, но он притянул ее к себе. Когда ее лицо почти соприкоснулось с его проклятым ликом, она выплакала свои последние слезы.

– Сайлас, – всхлипнула она. – Пожалуйста...пожалуйста.

– Не беспокойтесь, леди Тиган, – сказал Сайлас Шелдрак. – Мы покончили с этим проклятым местом. И теперь я отвезу вас домой...

Переводчик – Потерянный сын Ангрона

Редактор – Sperry UNIVAC

БЛУДНЫЙ СЫН ДЭВИД АННАНДЕЙЛ

Пещера представляла собою скопление пещер внутри горы. Пройти их означало найти путь сквозь лабиринт – задача невозможная для того, кто не родился в Лукерне. Этот путь не использовался в течении нескольких веков, ибо кому придет в голову добровольно покинуть святилище в столь темные дни? Пока их город был скрыт в горах, а его свет не могли увидеть монстры на равнине, жители Лукерны были в полной безопасности за своими стенами. Они жили в спокойствии и не было того, кто бы мог привести к ним чудовищ.

В те дни, когда Грунос покидал Лукерну, он не был монстром. Он был жертвой, и никто не признавал его бедственного положения, кроме него самого. Благословенный Тирионом – так говорили они. Благословенный, ибо Тирион поделился с ним своей ношей.

– Впереди свет, господин, – закричал Терекал.

– Я прекрасно это вижу, – недовольно ответил тот.

Служитель резни быстро склонил голову в жесте извинения, прежде чем Грунос успел ударить его по шее.

«Я увижу», – подумал Грунос про себя. – «Я увижу Лукерну».

Он впервые за долгое время увидит ее шпили и этот день будет последним, когда их увидит кто-нибудь еще.

Грунос прошел по последнему витку спирали. От стен туннеля позади него эхом отдавались звуки ритма, тысячи сапог чеканили шаг в это марше. Он возглавлял пришедший в Лукерну отряд Медного Взора – слабейший из сынов великого города вернулся, обретя силу и гнев.

Пещера закончилась. От крутого склона горы к воротам тянулся узкий мост. Крепостных стен не было. Хотя мост и чертил извилистую дорожку в воздухе, он был достаточно широк, и сразу три воина смогли пройти по нему в ряд. Много веков назад, когда Грунос переходил на другую сторону, он проползал по нему на четвереньках, чтобы из-за своей слепоты не свалиться с его края.

Теперь, получив дары Кхорна, он смотрел на мост, ворота и шпили. Его шлем и череп срослись в одно целое. Между костью и медью совсем не осталось плоти. Доспех Груноса заменил ему кожу – теперь ею были мощные пластины, покрытые шипами. Его кровь стала кислотой ярости Кровавого Бога. Глаза Груноса же были словно высечены в шлеме. Кхорн одарил его зрением, у которого была одна цель –

видеть не только лишь то, что должно быть уничтожено, но способы того, как именно это нужно было бы сделать.

Так он и видел Лукерну. Город построили из камня и света, на окружавших его горных склонах были высечены огромные зеркала из полированного мрамора. Они представляли собой вогнутые и выпуклые полусферы и чаши, а их наклоны, углы и формы были столь же разнообразны, как и попавшие на них лучи света. Преломленные, отраженные, разделенные и увеличенные, лучи Лукерны были словно фундаментом для строений. Они были основой города, что удерживала его в нескольких лигах над далекой землей в воздухе между горами. Лукерна была построена из света и построена со светом. Каждая стена, каждый кирпич, каждая башня и каждый дворец представлял собой сияющую композицию из сверкающего золота, мрамора и благоговейного сияния. Паря в своих высотах гордости и славы, город возвышал Тириона во всей полноте своего бытия.

Шлем Груноса закрывал верхнюю часть его черепа, и кожа под ним отсутствовала. Его голова была покрыта шрамами, узлами и медными крючьями, пронзающими голые мышцы. Лицо покрывали многочисленные шипы. Когда он увидел смысл того, что он разрушит и смысл того, что он создаст, его заостренные зубы раздвинулись в предвкушении.

Значимость – вот что было богатством Лукерны. Именно по этой причине жрецы города и провозгласили Груноса благословенным. Они благодарили его за мучения и держали в качестве доказательства благосклонности Тириона. Слепота Груноса была не просто фактом – он мог видеть лишь тьму, его разум не мог воспринимать игру света. Он не мог узреть всего присущего материальному миру символизма. Вместо этого на него обрушивались только звуки. До тех пор, пока его не нашел в своей ненависти Кхорн, его темнота была наполнена бесконечным шумом, грохочущей лавиной значимости. Это для него значило все. Не было ни покоя, ни облегчения, ни места его собственным мыслям, пока, наконец, его ненависть не стала настолько сильна, что поглотила все остальное.

Теперь он видел только то, что должно быть разрушено и новую форму – то, что создаст его гнев. Этого было более чем достаточно.

Он ступил на мост и под его поступью свет задрожал. От каждого его шага вокруг распространялась темнота и по венам пролета струилась зараза ночи. Она рванулась вперед и жадно впилась в ворота. Стремясь осуществить свою месть и подготовиться к грядущей великой битве, Грунос рванулся вперед.

Боевые рога Медного Взора разразились невыносимым гулом. Их вой торжествовал в своей жестокости.

– От звуков наших рогов раскачиваются шпили, – с благоговением произнес Терекал.

– Но они не падают, – недовольно возразил Грунос. – Еще нет, но падут под нашими ударами.

На шпилях в тревоге зазвонили колокола. Происходило невозможное – скрытый город подвергся нападению.

На последнем пролете к воротам мост расширился. Именно в этом месте остановился Грунос. Он запрокинул голову и взревел:

– Слушай меня, Лукерна! Твоя жертва вернулась! Я Грунос и я пришел, чтобы низвергнуть тебя!

Колокола продолжали звонить, но Груносу показалось, что над городом на мгновение воцарилась тишина, как только он произнес свое имя. Лукернская знать упивалась богатством символов, и он принес намного больше символичности, чем они того ждали.

Ворота, почернев от заразы его гнева, стали хрупкими. Они открылись, и защитники Лукерны двинулись навстречу Медному Взору. На ветру засверкали вымпелы из света и шелка. Воины города были облачены в серебряные доспехи и белые одежды.

Прекрасный фон для крови.

Во главе фаланги стоял люминарк. Запряженный парой бронированных лошадей, он был одновременно и реликварием и военной машиной. Богато украшенный каркас ожидал, пока его разрушит Грунос. На его крыше была установлена световая пушка, собранная из конусообразного скопления линз. Под ее тенью сидел направлявший лошадей послушник Тириона, а рядом с самой большой из линз стоял маг. Несмотря на то что он был стариком, его тело гудело от сдерживаемой силы.

– Грунос! – завопил он. – Покайся! Пока еще не поздно!

Грунос узнал его голос – то был Анавиас, маг, убедивший его принять свое призвание. Убеждавший его принять проклятие Тириона...

– Уже слишком поздно, – прошипел Грунос и бросился вперед. Позади него раздался гром гневной орды. Нараспев произнося заклинание и протягивая к ее центру руки, Анавиас повернулся к линзе. Огонь чистейшего света вырвался из люминарка. Луч искал Груноса. Он пришел, чтобы превратить его душу и сущность в раскаленную добела вспышку, но вместо этого луч столкнулся с лезвием секиры Кхорна. Имя оружия было «Зарождающий Жизнь», а на абсолютно черном металле сияла багровым руна Кровавого Бога.

Секира пожирала сам свет.

Грунос сопротивлялся силе удара. Анавис закричал, и луч света усилился. Темный металл раскалился и начал обжигать его перчатку. И все же голодный демон внутри него поглотил все, подстегиваемый жаждой мести Груноса.

Грунос бросился на люминарк и одним взмахом топора разрубил передние линзы. Стекло взорвалось и свет рассеялся, а разлетевшиеся во все стороны осколки разорвали кожу послушников. Грунос вскочил на борт и быстрым движением руки обезглавил первого из них, а затем обхватил бронированными пальцами горло Анависа.

– Ты будешь смотреть, – злобно прошипел он.

Грунос швырнул его в ряды своих воинов и кровавые твари, заковав мага в цепи, потащили того за собой.

Они заставят его увидеть все.

Битва была скоротечной. Медный Взор стремительно прорвал ряды защитников города, и кровь убитых лилась с краев и текла по мосту. Это было всего лишь прелюдией, жалкий ручеек, что вскоре исчез в потоке. Грунос направил свой легион в город и учинил такую бойню, что потоки крови стекали из окон шпилей. Свет Лукерны погрузился в волны багрянца. Погибли тысячи, десятки тысяч. Кровь залила улицы, покрыла площади, стены дворцов и башен. Она затопила сам свет и фундамент рухнул.

Город пал.

Падение не было быстрым – то был медленный спуск в темное величие гнева. Словно сжатый кулак, Лукерна обрушилась сама на себя. Башни врезались в друг друга, их витражные стекла, превратившись в пасть из зазубренных зубов, разлетелись вдребезги. Город врезался в каменистую землю равнины и высокие медные обелиски пронзили руины, словно цепкие когти Кхорна.

Грунос стоял в центре города. Он видел перемену. Он узрел новый смысл и, хотя его работа была хороша, гнев не утих. Этого никогда не произойдет – даже если настанет тот день, когда он вонзит свой топор в череп самого Тириона.

На западе небо засверкало от молний. Приближалась великая битва. Грунос посмотрел на стоящего на коленях Анависа, последнего оставшегося из жителей Лукерны. Волшебник смотрел на запад.

– Идет Надежда, – проговорил он.

– Уже слишком поздно, – ответил ему Грунос. – Воины, что полагают, будто несут надежду, найдут вместо нее руины в форме гигантских челюстей.

– Свет приближается, – настаивал Анавиас.

– Тогда он покажет мне очертания судьбы, которую я создам сам, – сказал Грунос.

С пренебрежением он отрубил голову волшебника, затем поднял ее и обратил глазами к молниям.

– Ты все еще видишь, что происходит? – спросил он. – Нет? А я вижу.

Приближалась война, и он найдет ожидавший его гнев.

Переводчик – Потерянный сын Ангрона

Редактор – Sperry UNIVAC

ИЗБРАННЫЕ КРОВИ

ЭНДИ КЛАРК

Небо рассекали падающие звезды.

Пробивая багровые прорехи в клубящихся черных тучах, над головой с ревом проносились пылающие метеоры. Акхагор некоторое время наблюдал за ними, и в его черных глазах отражался их яростный огонь.

Жрец бойни восхищался метеоритами, их исключительным предназначением, их силой... Они прорывались по небу к своему неминуемому огненному концу, но ни разу не свернули в сторону.

«Послания Кровавого Бога кроются во всем» – подумал про себя Акхагор, – «Дабы узреть их, нужно обладать разумом...».

Он вновь обратил внимание на окружающее его пространство: на горящие руины и грязную дорогу, что стала кровавой трясиной. Повсюду валялись трупы и останки жалких врагов, как бы они себя не именовали. Акхагор не знал, да и не хотел узнавать о том, как долго эти ничтожные паразиты выживали на каменистой почве. Несмотря на страсть Акши, что должна была течь в их жилах, они едва ли заслуживали смерти. Их скудные урожаи пылали, дома были разрушены, а отрубленные головы служили основой для кровавой пирамиды на оскверненном святилище, но столь ничтожное сопротивление было жалким подношением Кхорну.

По кровавой жиже зашлепали шаги, и Акхагор, обернувшись, увидел приближающегося к нему Ворхака. Из-за запекшейся крови, покрывающей возвышающегося смертоносца, его черные пластины доспехов окрасились в красно-коричневый. Он с легкостью закинул массивный топор на плечо, скрывающиеся под забралом глаза пылали огненно-красным пламенем.

– Скоротечная бойня, – проворчал Ворхак, как всегда, выпрямившись перед Акхагором, – и слишком простая. Убийством этих жалких червей нам не сыскать славы.

– Верно, – прорычал в знак согласия Акхагор.

Горящий взгляд смертоносца с вызовом встретился с глазами Акхагора – он явно ждал большего. Раздосадованный молчанием жреца бойни, Ворхак, повернувшись, начал расхаживать из стороны в сторону.

– Жрец, скажи мне, почему мы все еще здесь? Почему мы оскорбляем наши клинки жалкой жижей, что они называют кровью? Нам стоит прекратить наши бессмысленные скитания и наконец ответить уже на призыв Корг Кхула!

– Мы идем туда, куда повелевает Кхорн, – пророкотал Акхагор. – Кровавый Бог посылает нам видения, и мы следуем за ними. Неужели ты сомневаешься в его воле?

– Никогда! – рявкнул Ворхак. – Воля Кхорна абсолютна! Но ее может неверно истолковать слабый...

От оскорбления в венах Акхагора вскипела демоническая кровь, он обнажил клыки в угрожающей улыбке:

– Ты всегда ходишь на грани, Ворхак, но все никак не осмеливаешься нанести удар. Ты знаешь, что твоих сил не хватит для победы надо мной, и однажды я докажу тебе это... Но не сегодня. Моя судьба ждет меня, и я последую за ней.

Презрительно повернувшись спиной к топору соперника, жрец бойни зашагал сквозь разрушенную деревню. Спустя несколько мгновений он услышал, как Ворхак, раздраженно хмыкнув, последовал за ним. Не обращая внимания на пирующих трупами кровавых налетчиков и возмущенных отсутствием достойных трофеев жнецов черепов, два чемпиона шагали по телам людей, чьи жизни они оборвали. Вскоре они подошли к окраине поселения и лежащей за ним крутой расщелине.

– Сюда, – разведя руки, гроыхнул Акхагор, – вот то место, куда направляет нас Кровавый Бог. Вот почему Кхул подождет.

У ног чемпионов каменистая почва отвесной скалы уходила вниз, исчезая в сернистом тумане внизу. Расщелина простиралась вдаль на многие мили. Окинув ее взглядом, Акхагор и Ворхак узрели, что это один из краев кратера, не уступающего своим размерам целому королевству. Глубоко внизу клубился туман, подсвеченный мерцающим пламенем и пронзенный вершинами высоких черных сосен. Время от времени, выплескивая свою ярость в небо, высоко поднимался бурлящий гейзер. И откуда-то снизу, едва слышимый на таком большом расстоянии, доносился грохот битвы.

– Что это за место? – благоговение Ворхака было так велико, что на мгновение он даже забыл о своем презрении к жрецу бойни.

– Уже много дней, как я вижу его в своих видениях, – с неприкрытым удовольствием ответил Акхагор. – Это - Выжженный Котлован. Повелитель Кхорн приказывает нам спуститься в его глубины. Там, внизу, мы найдем сражение, достойное взора Кровавого Бога... Там ты заработаешь свою славу, а я найду свою судьбу.

– Твоя судьба... я опять слышу это. Ты достоин не более, чем любой из нас, жрец бойни. Твоя судьба безразлична Кхорну. Там, внизу, я докажу это, и либо ты

падешь от моего топора, либо же, словно побитая собака, последуешь за мной, когда я воспарю к истинной славе.

Акхагор, поборов в себе желание сбросить смертоносца с обрыва, презрительно рассмеялся.

– Опять слова, Ворхак? Неужели ты заговорил своих прошлых соперников до смерти?

Возвышающийся над ним смертоносец с рычанием развернулся и вскинул свой топор. Акхагор плюнул ему под ноги.

– Не сейчас, Ворхак. Сейчас нам предстоит послужить Кхорну в Выжженном Котловане. Вскоре ты убедишься в моей правоте.

Во второй раз за день Акхагор, оставив ошестинившегося смертоносца позади, зашагал прочь. Несмотря на свой воинственный вид, Ворхак не собирался нападать. По крайней мере до тех пор, пока он не будет точно уверен в верности отряда Акхагора. Ворхак полагал, что победы и власть помогают ему заслужить благословение Кхорна. Похоже он считает, что право командовать армией – проявление веры. При этих мыслях чудовищные черты лица Акхагора исказились в жуткой усмешке. Очень скоро он покажет смертоносцу, как сильно тот заблуждается.

Недалеко от разрушенной деревни Связанные Кровью воины клана Железного Черепа нашли извивающуюся узкую дорогу, спускающуюся в глубины Выжженного Котлована. Выстроившись в походное построение, более тысячи избранных воинов Кровавого Бога начали спускаться вниз по опасной тропе с утеса под грохот барабанов и рев рогов. Позади неуклюжих, закованных в броню убийц, чья ярость была почти осязаема в воздухе, неровными рядами маршировали варвары-каннибалы, вымазанные в пепельной боевой раскраске. Сразу за ними неуклюжие звери тащили медные клетки на колесах, заполненные тяжело дышащими и дергающимися берсерками, окончательно обезумевшими от битвы и не способными спокойно следовать за армией. В авангарде армии шли всадники, восседавшие на демонических джаггернаутах – медно-бледных скакунах, настолько тяжелых, что от каждого шага их чудовищных копыт тропа трещала и осыпалась. Каждый раз, как над их головами проносились метеориты, они поднимали головы и ревели, пока, наконец, небо не скрылось в тернистом тумане.

Акхагор глубоко вдохнул сернистый воздух и понял, что это место наполняла ужасающая сила. Вскоре дорога перетекла в разрозненные каменистые плиты, а затем, когда Связанные Кровью достигли дна гигантского кратера, в размытую грязевую жижу. Теперь боевой отряд окружали тени зловещих черных сосен, что усыпали Выжженный Котлован. Темные деревья с ветвями, усеянными черными от

сажи иглами, что мерцали искрами и углями, поднимались на сотни футов вверх. Деревья выглядели сильными и высокими – какое-то странное колдовство удерживало их целостность. В то время, как между стволами клубился свернувшийся темный туман, землю и громадные сугробы пепла устилали опавшие иглы.

Когда воины клана Железных Черепов бесстрашно вступили в эти странные земли, они обнаружили, что под их шагами хрустят кости или же лязгает старое оружие и щиты. Под пеплом лежали последствия войны, что длилась здесь многие века. Целые пласты резни. Слои смерти. Тела недавно убитых воинов раздувались и гнили среди костей давно усопших, и, судя по отдаленному лязгу оружия, что странным эхом разносился в тумане, битва еще продолжалась.

– Разве это место не создано для истинных сынов Кхорна? – рявкнул Акхагор своим воинам, получив в ответ какофонию боевых кличей и грохот барабанов.

– Это место убийства, – ответил Ворхак, – но где же враги? Где поле битвы? Где же твоя мистическая судьба, жрец?

Акхагор одарил несущего смерть презрительным взглядом и, подняв топор, указал мимо деревьев на середину котлована.

– Там, на протяжении всего пути к центру. Эта дорога полна сражений и кровопролития, и мы должны пройти ее с высоко поднятой головой. Только достойные пройдут сквозь котлован, и там мы найдем благословение Кхорна. Остальные же отдадут ему свои черепа.

Чувствуя на себе взгляды воинов, Ворхак не колебался ни секунды. Размахивая моргенштерном в одной руке и топором в другой, он повернулся и зашагал к деревьям.

– Так давай же не будем испытывать терпение Кровавого Бога, – крикнул он через плечо, – или же ты хочешь простоять здесь и вести свои проповеди весь день, жрец?

На них бросились паникующие зверолюди. Атаку сопровождали хриплые боевые кличи и рев, раздвоенные копыта поднимали клубящееся облако пепла, что вздымалось перед ними. Акхагор, подняв топор и наблюдая, как приближаются звериные очертания врагов, выпрямился во весь рост и издал свой собственный боевой клич. Варвары вокруг него, стуча по нагрудникам своим оружием, впадали в боевое безумие.

– Кровь Кровавому Богу! – взревел Акхагор.

– Черепа Трону Черепов! – взвыли его воины в ответ.

С безумным смехом и ревом жрец бойни повел своих воинов в бой.

«Мы блуждаем по Выжженному Котловану уже несколько часов», – подумал про себя он. – «Они напали, как нельзя вовремя...».

Акхагор рванулся вперед, вокруг него с безумной скоростью проносились стволы тлеющих деревьев, под ногами трещали кости. Над ним взметнулся пепел, а затем из него появились уродливые зверолюди. Неуклюжее существо с козлиной башкой попробовало ударить его киркой в шею. Увернувшись от удара, Акхагор поднял свой топор и снес голову зверочеловека с узловатых плеч. Очередной противник с дикими глазами бросился на него, но прежде, чем он успел добраться до жреца бойни, в него врезался мускулистый кровавый налетчик, и они оба исчезли в клубящемся дыму.

– Убивайте во имя Кхорна! – взревел Акхагор в сторону наполовину скрытых в тумане воинов, что толпились вокруг него. – Убивайте во имя Кхорна!

Жрец бойни услышал, как справа от него Ворхак возносит хвалу Кровавому Богу. Несущий смерть шел в бой во главе элитного отряда Кхор Бадакк, его личной гвардии.

«Недальновидные берсеркеры», – презрительно подумал Акхагор, – «но бойня, что они учинят, будет впечатляющей».

Но если жрец бойни собирается сохранить верность своих воинов до того, как овладеет своей судьбой, то ему придется самому устроить представление.

Вокруг него, среди клубящегося пепла и застывшего тумана, окровавленные пожиратели плоти рубили и избивали ревущих зверолюдей. Враг использовал туман и проскальзывал между деревьями, чтобы выпустить стрелы в Связанных Кровью или ударить с неожиданных направлений.

Акхагор шагнул вперед в безумие, и, размахивая топором направо и налево, начал рубить торсы и сносить головы. Идя сквозь битву, он напевал восхваляющую Кхорна мантру убийцы, что наполняла конечности его последователей демонической силой. Вокруг жреца бойни начал подниматься пахнущий медью шторм, и, закружившись в злобный вихрь, он завывал среди деревьев. Нечистый ураган, вырвавшись наружу, очистил поле боя от спящего пепла и тумана, сбив с ног как врагов, так и воинов Кхорна.

Увидев такое проявление благосклонности своего бога, воины клана Железного Черепа одобрительно взревели и с новой силой бросились на своих противников. Джаггернауты, атакуя, сбивали черные сосны, и когда исполины падали на землю, расколотые деревья и облака пепла заполняли воздух. Сидевшие верхом на демонических тварях, обезумевшие от крови рыцари махали топорами и

разрубали пополам тех звероловцев, коим посчастливилось избежать гнева джаггернаутов.

В следующее мгновение стрелы черного света пробили воздух и, пронзая глаза и суставы демонов, выбили всадников из седел. Акхагор повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как сутулый шаман звероловцев направляет в его сторону костяной посох. Из наконечника его оружия вырвалось удушающее облако мрака и поглотило воинов Кхорна, оставив на их месте дымящиеся скелеты.

– Колдовство! – взревел Акхагор. – Орудие трусов! Кхорн, услышь мою молитву! Пусть этот слабак познает твоё презрение!

В этот момент текучая тьма хлынула на жреца бойни, поглотила его массивную фигуру своими смоляными кольцами. На секунду Акхагора охватил обжигающий плоть холод, а затем его кровь заполнилась огнем, и заклинание бесследно рассеялось.

Зверошаману повезло намного меньше. Когда на него обрушилась ярость Кхорна его резкие победные крики превратились в мучительные вопли. Скорчившись в конвульсиях, шаман упал на землю, от его пылающей плоти поднимался пар, а из глаз и морды хлестала кровь. Акхагор, отмахиваясь от тех звероловцев, что имели глупость перегородить ему путь, двинулся сквозь бурлящую битву и навис над дрожащим шаманом. Колдун, все еще сопротивляясь, поднялся на колени и сплюнул пенящейся комок кипящей крови на ноги Акхагора. Жрец бойни пронзительно рассмеялся и, подняв свой топор, обрушил его вниз.

После битвы Железные Черепа разбили лагерь. Часовых не выставляли – страх нападения был проявлением слабости. Раненым никто не помогал; врагов обезглавили, а их тела оставили гнить под солнцем. Воинам Кхорна, что более не могли продолжить путь, отрубили головы и сбросили их тела в груды, дабы использовать для темного пиршества.

Сквозь размашистые ветви черных сосен проникал тусклый дневной свет, но последователи Акхагора срубили несколько деревьев и развели большой костер в центре созданной ими поляны. В мерцающем свете пламени они возносили хвалу Кхорну, пировали поджаренной плотью павших и яростно дрались друг с другом. Те жнецы черепов, коим не удалось заполучить трофеев в битве, теперь сражались в свете костра, и наблюдавшие за ними воины радостно кричали и ревели каждый раз, когда достойные отрубали головы более слабых, бросая свои подношения в огонь.

Акхагор сидел на куче трупов звероловцев, наблюдая за разыгрывающимися боями, и пил из тяжелой медной чаши. Внутри нечестивого сосуда плескалась кровь чемпионов звероловцев и их шамана, чья голова с высунутым языком теперь

висела на поясе Акхагора. Приправленная варп-камнем, ихором демона и смесью алхимических порошков, жидкость при каждом глотке вызывала в голове жреца бойни видения кровавых сражений. Именно так Кхорн говорил со своим избранным жрецом.

Так он направлял его судьбу.

Акхагор насмешливо улыбнулся Ворхаку, когда смертоносец шагнул к подножию его трона. Кхор Бадакк, держа топоры наготове, встали позади своего предводителя.

– Хорошая битва, не так ли, Ворхак?

Воин в доспехах слегка наклонил голову.

– Вполне приемлемая стычка, жрец. Черепа получены. Кровь пролилась. – Ворхак пнул ногой кучу трупов. – Но мы сражаемся с зверями. В чертовой дыре. А вместо этого мы смогли бы вступить в Волну Кровопролития самого Корг Кхула и завоевать его расположение.

Ближайшие к ним воины повернулись в их сторону, услышав вызов в голосе чемпиона.

– Мы сражаемся с теми, с кем повелел Кровавый Бог, – ответил Акхагор тоном опасного добродушия, – и мы сражаемся там, где он пожелал.

– Ты все время повторяешь эти слова, жрец, – прорычал Ворхак, – но кто нам говорит об этом? Ты?

Акхагор медленно поднялся на ноги, с его окровавленного лица сползла улыбка. Он поднял чашу так, чтобы все могли ее разглядеть.

– Я жрец бойни, истинный избранный Кхорна. Я пью кровь наших величайших врагов, и через эту священную жидкость наш бог и наш учитель говорит со мной.

Пока Акхагор вещал, его голос становился все громче, а вскоре и вовсе перешел на гневный крик:

– Я проповедник воли самого Кровавого Бога! Если я хоть когда-то произнес лишь одно лживое слово о том, что он мне показал, то пусть гнев Кхорна поразит меня прямо сейчас! Кровавый Бог, умоляю тебя!

Из тумана донесся громовой рев извергающихся огненных гейзеров. Связанные крови, ожидая проклятья, что скрутит и уничтожит тело Акхагора, словно замороженные смотрели в его сторону. Даже Ворхак отступил на шаг назад, его бронированная спина лязгнула о нагрудник ближайшего воина Кхор Бадакк.

Но шло время. Ничего так и не произошло. Акхагор громко рассмеялся, и, поднеся чашу к губам, осушил сосуд одним глотком, а затем бросил его на землю. Лязгнув, тот покатился по куче падали и уперся в бронированную ногу Ворхака.

– Похоже, Кхорна устраивают мои пророчества. Неужели ты осмелишься перечить самому Кровавому Богу, а, Ворхак?

Смертоносец почувствовал на себе взгляды всего отряда, но все равно продолжал стоять на своем.

– Только глупец примет молчание за знак согласия, жрец. Кхорн уважает лишь тех, кто сам кует себе победы, и я намерен вырвать ее из твоего изрубленного трупа.

Ворхак шагнул на груды трупов подле жреца бойни и закрутил моргенштерн на тяжелой цепи. Акхагор издал гневный рык, воины его отряда поднялись на ноги и потянулись за своим оружием.

В следующее мгновение земля бешено содрогнулась. Огненная яма взревела, и деревья вырвало из земли. Пылая, они покатались по лагерю. Земля еще раз содрогнулась, и воины попадали с ног, а чемпионов погребло под кучей трупов, что ужасной лавиной обрушились на них. На мгновение воцарилась полная тишина, но ее прервал огненный гейзер, что вырвался из земли на краю лагеря. Устремившись ввысь, он испепелял черные сосны, трупы и окровавленные тела. Сверкающие камни, словно кометы, коими только утром восхищался Акхагор, посыпались дождем на лагерь. Падая на землю, они взрывались со страшной силой. Пламя, превращая поляну в ад, прыгало от дерева к дереву, земля вокруг гейзера прогибалась и падала, увлекая все больше воинов клана Железных Черепов к огненной смерти.

Когда наконец столб пламени замерцал и погас, Ворхак, сбросив с себя трупы, попытался подняться, но, увидев клинок Акхагора у своей шеи, остановился.

– Вот, – прорычал жрец бойни, с лицом перепачканным пеплом и кровью, – знак от Кхорна, что он недоволен нами. Вот что происходит, когда вы требуете от него ответов. Когда вы спрашиваете меня...

Кхор Бадакк, шатаясь, поднялись на ноги и тут же приготовились к бою, но Ворхак поднял руку и остановил их.

– Как скажешь, жрец, – проскрежетал он, – ты доказал свои слова. Мы все служим Кхорну. Никто из нас не хочет, чтоб его проклятье пало на нас. Так что же нам делать?

Акхагор обратил яростный взгляд на поредевший боевой отряд и обвел воинов своими черными глазами.

– Мы идем дальше. Сейчас же. Мы уже слишком долго здесь сидим и теперь нам пора собрать черепа. Кровь Кровавому Богу!

– Черепа Трону Черепов! – раздался в ответ несвязный гул голосов, воины пошли собирать свои немногочисленные пожитки и готовиться к походу. Убирая лезвие топора от шеи Ворхака, Акхагор кивнул и зашагал вперед, чтобы возглавить наступление во мрак. Смертоносец сердито вскочил на ноги, пока позади него догорали черные сосны.

Следующие дни были полны сплошным кровопролитием. Над туманом Выжженного Котлована день сменял ночь, но внизу среди мрака виднелись лишь разнообразные оттенки черного. Через этот туманный лимб шагали Железные Черепа, стуча барабанами и топорами, скользкими от крови.

Вскоре они осознали, что в Выжженном Котловане сражается великое множество отрядов. Под ветвями черных деревьев создавались и разрушались мелкие королевства, зверолюди сражались со скавенами, культисты с варварскими племенами. Акхагор и понятия не имел, что за богатства они ищут в этих адских землях, впрочем, ему это было безразлично. Для жреца бойни это была лишь возможность обрушить свой клинок на их головы и убить как можно больше врагов, что доказывало, как благосклонен к нему Кхорн. Среди плотно посаженных деревьев одна битва хаотично сменялась другой. С каждым сражением погибало все больше членов клана Железного Черепа, но они дорого обменивали свои души и на каждого поверженного отвечали десятью убитыми врагами.

На шестой день Железные Черепа вошли в неровное ущелье, чьи стены испещряли блестящие красные кристаллы. В его залитых кровью глубинах они пробивали себе путь сквозь орды скавенов. Несмотря на адское оружие из варп-камня и отравленные пусковые установки, что превращали несчастных избранных крови в пузырящуюся кашу, они разделяли визжащих крысолюдов, а Акхагор пожинал головы их военачальников.

На девятый день последователи Кхорна переходили вброд угольно-черную реку, когда на них обрушилась чудовищная орда: гарганты и драконьи огры выбежали из-за деревьев на дальнем берегу, в то время как большая часть боевого отряда Железных Черепов все еще находилась на полпути к суше. На вершине возвышающегося над рекой мыса появлялось все больше неуклюжих гаргантов, что обрушивали на пересекающих реку воинов громадные валуны. Стоящий по грудь в воде Акхагор мог только наблюдать, как Ворхак повел своих Кхор Бадакк вверх по склону навстречу врагу. Пока воины рубили на куски одного из монстров, Ворхак, ловко уклоняясь от тяжелых ударов, что могли с легкостью уничтожить ворота замка, крутился около другого. Гаргант не успел восстановить равновесие, когда смертоносец ударил свою жертву в лодыжку. Монстр взревел, и, повалившись на бок, раздавил с полдюжины кровавых налетчиков. Ворхак стремительно вскочил ему на грудь и одним ударом отсек массивную голову. К тому времени, как Акхагору удалось выбраться на берег, смертоносец уже вел своих людей вверх по мысу, чтобы разобраться с последним из гаргантов.

После того дня многие воины стали по-другому смотреть на Ворхака. Акхагор почувствовал, как ослабевают его власть.

Соперничая друг с другом, они продолжили свой кровавый путь: на вершине скалистой горы жрецу бойни удалось одержать победу над разъяренной

манतिकорой. Во время отчаянного сражения в руинах какого-то древнего города Ворхак убил гноящегося Повелителя Чумы Нургла. Вскипятив кровь служителей Слаанеш, что удерживали раскинувшийся над безымянной пропастью подвесной мост, Акхагору удалось одержать великую победу. Ворхак повел Кхор Бадакк в самое сердце сражения между орками и зверолоудьми и, перепрыгивая с одного окруженного огнем каменного острова на другой, убивал их на ходу.

С каждым днем силы отряда таяли, и все больше воинов отдавали свои черепа Кхорну. В то время как бойцы присягали на верность тому или иному чемпиону, те набирали всё большую силу.

И вот, наконец, по прошествии бесчисленных дней, проведенных в тени исполинских деревьев, дорога резко пошла вверх...

Из-под ног Акхагора посыпались камни, и он стремительно ухватился за выступ. Схватившись за корявый корень черного шипа, жрец бойни подтянулся вверх, и наконец увидел сквозь редяющей туман край котлована. Осознавая, что оставшиеся в живых последователи громоздятся на склоне вокруг, а Ворхак находится всего в нескольких ярдах справа, Акхагор удвоил усилия. Жреца бойни не сильно радовала возможность обнаружить топор смертоносца у своего горла, когда он достигнет вершины. Выжимая из себя последние силы, Акхагор вскарабкался на последний уступ и перебрался через скалистый край Выжженного Котлована.

Неуклюже поднявшись на ноги, жрец бойни поднял над головой топор и взревел в ночное небо. Позади него лежал Выжженный Котлован, все еще пылающий в тумане. Но теперь Акхагор знал свою судьбу. Он увидел знаки, что посылал ему Кхорн, и наконец все понял.

Позади него уже собирались те немногие Железных Черепов, что остались в живых. Каждый из воинов стал неизмеримо сильнее, чем был, когда они спускались в котлован. У большинства из них проявились знаки благосклонности их Бога: изогнутые рога, сверкающие клинки, плоть, покрытая чешуей или же пластинами мускулов. С поясов свисали многочисленные ободранные черепа, а в глазах горела чистая жажда убийства.

Среди них горда шагал Ворхак и трое оставшихся берсеркеров Кхор Бадакк. Настороженно наблюдая, как в его шлеме и на стыках живых доспехов мерцает пламя, воины отряда расступались перед ним.

Подойдя, Ворхак встал перед Акхагором, и, несмотря на все благословения Кхорна, что сделали смертоносца еще более могущественным, ему, как и ранее, приходилось запрокидывать голову, чтобы взглянуть на чудовище, в кое превратился жрец бойни.

– Почему ты радуешься победе, жрец? – прорычал Ворхак голосом, подобным адскому созданию, запертому в клетке. – Мы шли за тобой по дороге. Мы пересекли Котлован. Ну и где же та мистическая судьба, о которой ты нам так много говорил? Нигде!

Среди Железных Черепов прокатился ропот, некоторые из воинов сердито нахмурились, а кто-то закивал и начал ругался.

– Из всех зрячих нет более слепого, чем ты, – презрительно ответил Акхагор. – Моя судьба окружает нас, она в воинах, что выжили, дабы собрать еще больше черепов для Кхорна. Мое предназначение – пожинать для него черепа в бесконечных битвах, пока не прольется моя кровь или же я не обрету бессмертие. Моя судьба – не пересечь Выжженный Котлован, Ворхак. Выжженный Котлован и был ей.

Над бесплодным плато поднялся холодный ветер, и на мгновение среди Железных Черепов воцарилась тишина.

– Корг Кхул сражается с Грозорожденными Зигмара, – угрожающе мягким голосом прорычал Ворхак. – От битвы к битве он завоевывает вечную славу. Волна кровопролития возносится после каждого великолепного сражения. И ты хочешь, чтобы мы вновь забрались в эту чертову дыру?

Среди воинов поднялся ропот, некоторые встали за спиной Ворхака, в то время как другие, держа оружие наготове, подошли к Акхагору.

– Единственно чего я хочу, так это следовать воле Кхорна, – пророкотал Акхагор, – я желаю, чтобы мы сложили у его трона гору черепов. Я жажду завладеть своей судьбой...

– Ты хочешь, чтобы мы растратили свою мощь, сражаясь за какую-то бесполезную яму! – закричал Ворхак, и от каждого его слова поднималось пламя. – У меня нет слов, жрец. Ты сошел с ума или же просто глуп?

Один из последователей Акхагора с гневным криком бросился на смертоносца. Ворхак презрительно ударил нападавшего по лицу тыльной стороной ладони.

Шея воина сломалась. Его изломанное тело соскользнуло с края ямы.

С громким ревом две половины отряда обрушились друг на друга. Топоры поднимались и опускались. Безумные берсеркеры рубили друг друга на части. Обезумевшие воины выли, убивали и, ликуя в резне, пожинали черепа своих сородичей.

В разгар боя Акхагор и Ворхак наконец встретились. Кхор Бадакк бросились на жреца бойни и тот, отбиваясь от их жалких ударов, рассмеялся. Первого из них Акхагор убил ударом в грудь, а двух других обезглавил уже сам Ворхак.

– Самонадеянные псы, он мой! – прежде чем бросится на жреца бойни, взревел чемпион.

Моргенштерн Ворхака, загремев, врезался в плечо Акхагора, калеча плоть и круша кости. С яростным воем жрец бойни рывком сократил расстояние, направляя свой топор в шею врага.

– Каково это – заблуждаться столь сильно?.. – прорычал Ворхак, поворачиваясь на каблуках и снова выбрасывая моргенштерн в противника.

– Заблуждаться? – выплюнул жрец бойни, и, не обращая внимания на боль в плече, схватил цепь с оружием Ворхака.

– Заблуждаться? – рассмеялся он, и вырвав моргенштерн из рук смертоносца, отбросил его в сторону.

Пара воинов в доспехах схлестнулась между ними: один из них вцепился в горло своего противника волчьей мордой. Ворхак, отбросив их в сторону, вновь бросился на Акхагора.

– Ты заблуждаешься! – взревел он, вонзая топор в наплечник жреца бойни и оттесняя его к краю Котлована. Крича на своего ненавистного соперника, Ворхак набросился на Акхагора, словно безумный лесоруб. – Разве ты до сих пор этого не увидел, жрец? Неужели ты даже обманул самого себя?

Между ними рассыпался ливень искр, когда лезвие топора встретилось с рукоятью оружия жреца бойни.

– Акхагору не предназначено особой судьбы!

И снова оружие разлетелось в разные стороны. И снова жрец бойни отступил.

– Есть только позорная смерть. Я заберу твоих воинов и заработаю себе место в Волне Кровопролития Корг Кхула.

С оглушительным лязгом оружие Ворхака снова встретилось с рукоятью топора Акхагора. Топор смертоносца расколол пополам рукоять топора жреца бойни, и тот вынужден был отступить к краю обрыва. С торжествующим воплем Ворхак бросился вперед.

Акхагор, словно змея, стремительно сбросил фальшивое изнеможение и, размахивая обеими частями своего оружия, бросился на чемпиона. Он ударил Ворхака рукоятью в спину, толкая его к обрыву с силой тарана, а клинком во второй руке снес голову смертоносца с плеч.

Кувыркаясь, тело и голова упали в глубины Выжженного Котлована, а из обрубка шеи Ворхака хлестала пылающая кровь.

С убийством чемпиона бой был окончен.

Последние воины клана Железного Черепа остановились. Их груди тяжело вздымались от напряжения, с оружия капала кровь. Они смотрели на Акхагора, чьи глаза горели от восторга.

– Ворхак не понял, – произнес он нараспев, когда ослепительный свет пламени упал ему на лоб. – Ворхаку не хватало веры.

Когда свет рассеялся, на лбу Акхагора осталась свежая руна Кхорна. Оставшиеся в живых воины его отряда при виде этого знака благосклонности попадали на колени.

– Кхорна не волнует, где ведутся войны и под чьим знаменем. Кхорну все равно, откуда течет кровь.

Повернувшись, Акхагор встал на краю ямы и развел руки:

– Наш бог заботится только о том, чтобы мы сражались, убивали и пожинали черепа и кровь, пока сами не падем замертво! В Выжженном Котловане мы найдем бесконечную войну. В Выжженном Котловане мы сами станем Волной Кровопролития, но не для какого-то смертного лорда, – с безумной улыбкой Акхагор снова повернулся к своим испуганным последователям. – Мы станем Волной Кровопролития самого бога Кхорна!

При этих словах жрец бойни, отбросив половинки своего расколотого оружия, поднял топор Ворхака. Затем, спрыгнув с края пропасти, он спустился вниз по крутому склону и вновь оказался в пасти Выжженного Котлована. Его боевой отряд тут же последовал за ним.

Когда они исчезли в тумане, кровь бывших товарищей текла через край обрыва, оставляя за воинами багряный след.

*Переводчик – Потерянный сын Ангрона
Корректор – Диоген Копатыч*

ДАР КХОРНА ГАЙ ХЕЙЛИ

Они называли его Гиганте, что на языке Барраскуны значило «Великан». В течении трехсот лет он держал в страхе местных жителей, но королевство было защищено камнем и магией и поэтому держалось. Отравленная ядом Хаоса, земля вокруг увяла, но под защитными чарами еще оставались обширные районы Барраскуны, усыпанные изумрудными полями и спокойными сапфировыми озерами; в самом же городе царил мир и покой. Безумные оттенки Хаоса, царившие на небесах за просторами купола, казалось, рассеялись, а дождь, что там шел, состоял из воды, а не из крови. Даже несмотря на то что снаружи бушевал ад, внутри стен сохранялся рай.

Но это не могло продолжаться вечно. Слишком долго белые стены Барраскуны держались под натиском сил Кхорна, и Кровавый Бог решил, что город должен пылать. Гиганте получил новые дары и заключил новые пакты, и теперь батарея демонических пушек изрыгала огонь и железо из медных стволов на стены города. Каменная кладка затрещала под напором орудийного огня, а лазурный магический купол, что защищал небеса над городом, тревожно мерцал.

Стены скоро рухнут и купол падет, яркие знамена спадут с башен, а сельская местность вокруг города сгорит. Ее место займет пустошь – таковым было царство Хаоса. И всё, что останется от народа Барраскуны – это рожденное из презрения и страха имя, которым они нарекли своего убийцу.

Прозвучал грохот последнего залпа пушек. Восемьдесят восемь вопящих железных черепов вгрызлись в укрепления. Стены начали рушиться, а небесный купол замерцал, исчезнув с громким хлопком.

В орде воцарилась тишина. Когда обломки стены соскользнули вниз по щебню, грохот обвала превратился в глухой стук многочисленных щелчков. Резкий запах пыли от битого камня смешивался с вонью старой крови, исходящей от орды захватчиков. Облака пыли разошлись, открыв нетронутую землю сельской местности Барраскуны.

Войско Гиганте с громким ревом бросилось в пролом. С башен, находившихся по обе его стороны, на орду обрушился поток снарядов: дротики, болты, стрелы, копья и камни убивали последователей Кхорна сотнями. Незначительная цифра для армии, насчитывающей десятки тысяч солдат.

Гиганте добрался до пролома одним из первых. Цепляясь когтями своих лап за камень, он пронесся через обломки. Подпрыгнув, он приземлился между рядами,

выстроившихся на полях пикинеров. Он убивал их, раздирая и разрывая на части, а его топор не останавливался ни на минуту. Его бойцы хлынули сразу за ним и врезались в ряды воинов Барраскуны.

Внешний вид Гиганте вселил в них не только гнев, но и ужас. Пушки были лишь одним из многих даров, полученных чемпионом Кровавого Бога, конечно, если слово «дар» подходит для тех изменений, что произошли с его телом.

В то утро, когда пали многочисленные шпиль священного града Мираны, его хребет треснул и раскололся, прорастая из нижней части спины, пока не превратился в два хвоста с костяными наконечниками, что сочились ихором. Это был его первый дар, он ценил его больше всего. За ним последовали новые перемены, и Гиганте потерял свой человеческий облик, став существом доселе невиданным на земле. Для уничтожения Поющих Курганов Кхорн сделал его выше, вновь изменив, и теперь Гиганте возвышался над своими воинами. Став больше огра, он добился истинной власти. Когда Гиганте двигался, его огромные мускулы, такие большие, что разрывали багровую кожу, перекачивались по всей его спине и рукам. После победы в поединке Пятнадцати Лордов его левая рука, разделившись в локте, образовала сдвоенную конечность. Убив своего соперника, Горебула Кровавого Змея, он был одарен властью над боевой ордой булгоров и коронован пятью перекрученными рогами.

Он получал дары не только за победы. Такова была милость Кхорна – он изменял его независимо от исхода сражений. Когда он впервые был разгромлен на стенах Барраскуны, его глаза слились в один – самый болезненный из всех его даров. Когда изменение было завершено, он открыл свой единственный циклопический глаз и узрел, как мир окрасился в красный цвет. Дальнейшие попытки штурма стен привели к новым поражениям. Последовали новые изменения: зубы, когда-то ровные и белые, превратились в ужасающие клыки, что торчали из десен, сочащихся молочной сукровицей. Его нос, обнажив отверстия ноздрей, сгнил, а кости вокруг щек, бровей и подбородка утолщались, прорастая кривыми шпорами.

В знак благодарности за его превращения жрецы Кровавой Бойни, требующие поклонения своему чудовищному господину как воплощению самого Кхорна, возносили хвалу Богу Крови. Орда Несущих Смерть внимательно следила за тем, как Гиганте становится все менее похожим на человека. Боги непостоянны. Там, где жрецы Кровавой Бойни видели одобрение, Несущие Смерть чуяли возможность.

Победа, поражение, его собственная смерть или неумолимые мутации... все это более не имело никакого значения для Гиганте. Несмотря на то, что его мысли притупились, он упивался своими дарами. Он сжигал своих врагов кислотой, что источал его хвост. Пронзал их своими рогами. Разрывал на части своими огромными клыками. Единственный глаз выискивал прекрасные черепа, что можно

было бы предложить его повелителю. Обхватив двумя руками топор, он все крепче сжимал его рукоять. Его язык стал слишком большим, и теперь едва помещался во рту, но для Гиганте более не имел значение тот факт, что он утратил способность говорить. Он уже давно перестал произносить речи своим воинам перед битвой: его приказы сопровождались невнятным ворчанием и жестами. Единственное, что он мог произнести – чудовищный рев: **«Кровь Богу Крови!»**. Единственные слова, что теперь имели значение, и он повторял их с настойчивостью одержимого.

– **Кровь Богу Крови!** – взревел Гиганте. Нанося удары своим топором, он превратил несколько воинов в кровавую кашу, и их товарищи дрогнули. Каждый удар его когтистых лап сопровождался звериным рычанием. Гиганте бесновался среди защитников Барраскуны. Их вычурные яркие мундиры были окровавлены и втоптаны в грязь вместе с хозяевами. Они были лишь маленькими солдатиками, чьи копья дрожали от страха. Под натиском Гиганте линия пикинеров Барраскуны отступала, их ряды все ближе и ближе теснились к краю ближайшего из холмов.

– **Кровь Богу Крови!** – снова взревел он, продолжая наносить удары с разных сторон и разрывать своих врагов на части.

Никто не мог устоять перед ним.

Воины, спеша сразить самых достойных врагов, словно вихрь пронеслись сквозь широкую брешь, что освободил для них Гиганте. Они стали драться между собой за возможность убить офицеров или чемпионов Барраскуны – в Озерном Королевстве осталось слишком мало достойных противников.

Воины Барраскуны, достигнув озера, оказались в ловушке. Гиганте разразился диким ревом, больше похожим не на человеческий, а скорее напоминающим бешенное предсмертное мычание Кровавого Быка. Строй пикинеров разрушился, их копья более не были помехой – и тогда потоки крови полились в озеро.

Они прорвали на фланге слабое ополчение Барраскуны, что не могло устоять перед их натиском. Строй изначально бывший полумесяцем, теперь превратился в поток бегущих трусов. С тех пор, как войска Кхорна вошли в Гиран, это стало привычным зрелищем. Его воины были полностью поглощены сражением. Победа была близка. Гиганте был уверен, что Кхорн вновь его наградит.

За спиной раздался громкий серебряный звон и ему вторили еще несколько. Для такого испорченного монстра, как Гиганте, столь чистый звук был подобен проклятью. Звук пронзил его череп, и чемпион фыркнул от боли. Очередной призыв. Он развернулся, и, стремясь добраться до источника звука, буквально прорезал кровавую брешь в рядах своих воинов. Врата на башнях открылись. Из высокой крепости Барраскуны появился новый враг: высокие гордые воины в сверкающих серебром доспехах, что несли высокие щиты, могучие боевые молоты и крепкие мечи.

– **Кровь Богу Крови!** – прорычал Гиганте. Достойный противник! Отчаянно желая покончить с облаченными в серебро, предложив владыке Кхорну черепа избранных, он начал проталкиваться сквозь свою орду.

Во главе серебряных воинов шел воин, что возвышался над остальными. Он словно был облачен в звезды. Его лицо закрывала суровая металлическая маска, рот которой выражал презрение. В каждой руке он нес оружие – молот и меч. Он поднял их над головой и пылающий ливень снарядов пронесся над линией фронта, сея смерть среди созданий Хаоса.

Часть орды погибла, но это никак не повлияло на кровожадных и свирепых воинов Кхорна. Выкрикивая молитвы своему Богу, они врезались в стену щитов. Из горнов раздавался отвратительно приторный звон. Словно одно целое, две линии сияющих воинов оттеснили опустошителей Хаоса и двинулись вперед. Часть из них, с длинными лезвиями на наконечниках копий, прошла сквозь хлынувших через проем в стене разъяренных варваров. Вскарабкавшись по обломкам, они разделили орду Гиганте на две части и, размахивая своими размытыми лезвиями, не давали подкреплениям проникнуть за стены. Еще больше воинов выходили из башен по обе стороны от проема и занимали парапеты на стене. Они открыли огонь из своих смертоносных механизмов, осыпая орду Хаоса плотным облаком из болтов и пылающих стрел. Оставшиеся у озера солдаты Барраскуны перегруппировались: в открытом бою против воинства монстров у них не было ни единого шанса, но не это было их целью. Осознав, что солдаты были всего лишь приманкой, вызванной, чтобы заманить его орду в засаду, Гиганте фыркнул. Ему стало все ясно!

Его войска дрогнули. Призывы сплотиться застряли у него в горле – язык бесполезно болтался за клыками, и он не мог произнести ни слова. Гиганте напрягал мышцы шеи, изо всех сил стараясь произнести предупреждения. Чтобы закричать он открыл свой рот и кожа, обнажив напрягшиеся сухожилия на его шее, разорвалась.

– **Кровь Богу Крови!** – взревел он.

Измученный разочарованием и жаждой крови, он начал пробираться сквозь толпу, пока не оказался перед чемпионом в серебре. Направив свой топор на воина, он поудобнее перехватил его меньшей левой рукой.

– **Кровь Богу Крови!**

В знак приветствия воин вскинул меч к лицу и атаковал.

Гиганте убил всех великих героев, что могли предложить ему Озерные Королевства. Лорды смертных пали перед его взором. Он сжег их города. Он также победил восставших из пепла вождей и военачальников, а затем и тех, кто связал свою судьбу с Хаосом. Демоны, люди, монстры – никто из них не мог сравниться с Гиганте.

Незнакомец распахнул свой сверкающий плащ. Маленькие молоты, свисавшие с его бахромы, срывались, волшебным образом превращаясь в ревушие молнии, что безошибочно точно полетели в лицо Гиганте. Стараясь защититься, он поднял руки, и молнии, обжигая его плоть, ударили в ладони. Воспользовавшись отвлекающим маневром, незнакомец в серебре вскинул свой молот и меч для удара и прыгнул. Гиганте едва успел уловить его движение. С лязгом, подобным звону колоколов судьбы, молот воина столкнулся с его топором. Черный, как старая кровь, закаленный в душах проклятых, топор, словно сердце звезды, вспыхнул белым, разлетевшись вдребезги.

Гиганте и чемпиона отбросило волной, а воинов, сражавшихся вокруг них, сбilo с ног. Покачав головой, Гиганте снова повернулся лицом к своему врагу. Серебряный воин ждал, держа молот для удара, а меч для защиты. Это зрелище взбесило Гиганте. Как смеет это крошечное создание в серебре бросать ему вызов?

Опустив рогатую голову и завыв бессловесную хвалу Кхорну, попутно прорезая борозды в окровавленной земле, он бросился в атаку. Меч опустился, отсекая один из рогов Гиганте, а молот раздробил его правое плечо. Сбив воина с ног, он рванулся вперед. Его сдвоенные левые руки оторвали воина от земли и встряхнули. Меч выпал из бесчувственной руки, а голова и конечности дергались, словно у куклы. Дабы подставить его под взор своего Бога, что обитал на окровавленном небе, Гиганте поднял воина высоко над головой. От взгляда Кхорна тот сжался. Его броня треснула, а плоть раскололась. Он отчаянно царапал лапы Лорда Хаоса, и бесстрастная маска нелепо контрастировала с охватившей его паникой. С победоносным рыком Гиганте раздавил его, и чемпион обмяк в руках слуги Кхорна.

– **Кровь Богу Крови!** – проревел он.

Но не один из криков не вторил ему, чтобы воспеть его триумф.

Дождь хлестал по его коже. Небеса словно бы распахнулись и прогремел гром. Гиганте смахнул с единственного глаза холодную воду: со всех сторон его окружали серебряные воины. Остатки орды были уничтожены. Когда он увидел, как его воины, отбросив оружие и предав могущественного Кхорна, взмолились о помиловании, его захлестнула ярость. Беспомощный, он еще выше поднял тело серебряного воина, моля о последнем даре у своего господина.

Но Кхорн отказал ему в милости. Сначала это было возникшее в ногах Гиганте, стремительно распространяющееся вверх жгучее тепло. Его тело начало покалывать от кончиков рогов и до пальцев ног. От знакомого чувства Гиганте рассмеялся. Высоко подняв руки, он прорычал слова благодарности в бурю. Ему было даровано демоничество!

Он наслаждался последними мгновениями триумфа, а потом его ноги неожиданно подкосились. Гиганте рухнул в окровавленную грязь вокруг озера – великан понял, что это было поражение. Перекатившись на спину и

приподнявшись на левой руке, он увидел, как его ноги исчезают в толстой, словно корни травы, гибкой массе щупалец. Словно воск в печи гнева Кхорна, плоть его ног расплавилась и слилась воедино. Кости на ногах, прежде чем превратится в кашу, трескали и из них вылезали быстрорастущие вьющиеся ветви. Грудь Гиганте тяжело вздымалась, а кожа шелушилась. Красные мышцы скручивали его тело в новых мучительных позах, ползали и перекатывались через друг друга. Руки, теряя форму и саму возможность двигаться, сжались, исчезая в обрубках. Без их поддержки он упал. Его грудная клетка превратилась в ползучую кровь. Все ниже его шеи превратилось во вздымающийся ковер материи, усеянный хитиновыми конечностями. Челюсть отвисла, кости черепа размягчились, а голова сплюснулась.

Его драгоценные рога выпали.

Когда его единственный глаз выпал из глазницы, он увидел, как труп серебряного чемпиона, превратился в яркую молнию, что вырвалась из бури. То небольшое, что осталось в голове Гиганте, стало тягучим и вялым.

Ему так сильно хотелось напасть на столпившихся вокруг него воинов, но его новая форма шлепала и вздымалась, но не подчинялась ему. В поле зрения его тускнеющего взгляда вновь появился высокий лорд. Он произнес слова силы, и створки фонаря, что он нес в руке, раскрылись. Из него вырвался невыносимый свет.

Окаймленное мышцами тело Гиганте, извиваясь под обжигающими лучами, зарывалось в грязь. Но он более не мог убежать.

Чемпион в последний раз обратился к своему хозяину. По всему дрожащему желеобразному телу Гиганте открылись многочисленные рты:

– **Кровь Богу Крови!** – пробулькали они.

Вспыхнув ярким пламенем, Гиганте был уничтожен.

Такова будет участь каждого, кто подведет Кхорна.

Переводчик – Потерянный сын Ангрона

Редактор – Юрия Скейс

ПОСЛЕДНИЙ ДАР ДЖОШ РЕЙНОЛДС

Омпаллиус Зейрос взмахнул по широкой дуге своей серебристой глефой, отрубив дряблую руку Несущего Разложение по запястье. Тучный воин лишь хрюкнул в ответ и потянулся к Зейросу оставшейся лапой.

– Слишком медленно, мой дородный друг, – произнес Зейрос, уходя в сторону. Он ловко вонзил острие своей глефы в ржавый стык кирасы противника, покрытой грибком. Из раны брызнул горячий гной, и, казалось, Несущий Разложение сдулся, упав на землю.

Зейрос вырвал свою глефу, и, очищая лезвие, ловко крутанул ее. Это был дар демона – оружие столь же легкое, как и одно из его перьев.

Слуги вокруг Зейроса добивали последних чумных защитников скальной крепости известной как Гнилой Рог. Пока его скованные клятвами воины, облаченные в доспехи из аметиста и лазурита, рубили раздутых повелителей разложения зачарованными клинками, розовощекие ужасы на их нагрудниках, гогоча, метали демонический огонь с перекошенными от маниакального веселья лицами.

Несущие Разложение пытались преградить им проход во внутренние покои крепости, которые, словно каменный нарыв, приросли к высочайшей точке горного хребта.

– Они потерпели неудачу. Ефраим Боллос, ты слышишь меня? Или, быть может, лорд Гниющий Череп? – закричал он в покрытые плесенью коридоры, раскинувшиеся вокруг него и отдающие его слова странным эхом. – Я уже здесь и, как бы ты себя не именовал, пришел час расплаты!

Ответа так и не последовало – собственно, он его и не ожидал. И все же внутри него поселилось сомнение...

– Тюгоп, он здесь? Здесь ли мой враг, или же он опять убежал, как тогда у Черного Водоема? – спросил Зейрос у скорчившегося на ближайшей статуе синекожего ужаса. Тюгоп представлял из себя скопище долговязых конечностей и чудовищной головы, скрюченной в угрюмой гримасе, но был по-своему предан воину. Настолько предан, насколько это вообще возможно для демона, скованного цепями ритуала и крови.

– Или же, как ты поступил в Паллас Гуредес, а, Омпаллиус Зейрос? – с печалью в голосе пробормотал демон, но заметив на себе свирепый взгляд Зейроса, поспешно добавил. – Он здесь, и происходящее принесет тебе пользу!

– Демон, и что же это может значить? – требовательно спросил Зейрос.

– **Только то, что это твоя судьба и все возможные пути сплелись в один, Омпаллиус Зейрос,** – ответил Тюгоп, и, протянув свою невероятно длинную руку, похлопал по плечу Зейроса с явным сочувствием. – **Ступай осторожно и держись пути, что избрал для тебя Король Изменяющихся Путей.**

– И победа будет за мной?

– **Кто может сказать? Только не я, только не я,** – проговорил синий ужас, издав печальный смешок.

– *При... вет... ста... рый... дру... ?*, – из грибковых наростов на трупе у его ног эхом отозвался старый знакомый голос. Они содрогнулись, словно пасти рыб, заглатывающих воздух, заставив содрогнуться мертвое тело.

– Ефраим, – прошептал Зейрос. – Где ты находишься?

– *Я... ожи... даю... тебя.*

Мимо него пронесся зловонный ветерок, манящий к арке, покрытой грязной завесой. Убрав преграду наконечником глефы, Зейфос, колеблясь, посмотрел на Тюгопа.

– По тропе? – тихо спросил он. В ответ на его слова синий ужас развел руками и пожал плечами.

– Сожги этот хлев дотла, а я пока разберусь с его хозяином, – проговорил Зейрос, с отвращением качая головой.

Тюгоп поклонился, а его воины пробормотали свое согласие.

Войдя в коридор, он услышал за спиной хихиканье демонов, принявшихся хлопать по влажным камням горящими руками. Мало что доставляло слугам Тзинча большее удовольствие, чем разрушение бастионов гнили, возлюбленных Нурглом. Именно по этой причине множество дней назад Зейрос поклялся радужным знаменем Изменяющего Пути.

В тот день Ефраим Боллос нарушил клятвы. Он отверг все, к чему они когда-либо стремились.

Он шагал по тяжелым плоским камням фундамента, устланным гроздьями плесени. Между знаменами громоздились горбы поганок, и, куда бы он ни ступал, всюду вздымались облака спор. Цепляясь за его доспехи и одежды, они окрашивали их в уродливый цвет. Стены вокруг раздулись от грибов и пушистых полос мха, что слились в отвратительной гармонии, создавая формы лиц, рук и других, менее узнаваемых, вещей. Покрытые коркой ужаса, они напоминали о том, что не должен видеть ни один смертный глаз.

– До тех пор, пока из разложения не родится отвратительная жизнь, – пробормотал Зейрос. Это была старинная поговорка, мудрость народа и страны, затерянных в зловонном потоке истории. Его земли.

«Ты и я... Мы были ближе, чем братья», – подумал он. – «Бок о бок мы шли на войну. Сколько мы сломали копий прежде, чем ты меня бросил?..».

«Прежде, чем мы оба бросили...», – возникла внезапно предательская мысль, которую он стремительно выбросил из головы. Все его действия были продиктованы необходимостью. Но Боллос... он предал свою душу за власть. За жизнь. Выживание. Нефритовые Королевства утонули в грязи, и Боллос решил присоединиться к ним.

Знакомый глубокий и полный смех эхом отозвался вокруг него. Этот хохот преследовал его на протяжении веков. Зейрос остановился. Коридор расширился, переходя в круглую комнату, полную омерзительной жизни. Перед тяжелой плитой помоста, увенчанной грубым тронem, стояли огромные поганки и кочки грибов, напоминающие придворных.

– Здравствуй, мой старый друг... ты наконец пришел повидаться со мной? – прохрипел Еффраим Боллос. Его тело видало и лучшие дни. Напоминающая жабу фигура развалилась на троне, кожа вздулась, а доспехи скрипели, тщетно пытаясь удержать внутри отвратительное тело. Благодаря свету флуоресцирующего гриба Зейрос мог видеть, что наполняющее крепость живое разложение исходило от Боллоса и его трона. Паутина грибка и плесени распространяясь по стенам и полу, они тянулись от его конечностей и рогатого шлема – сгустившись, они расцветали и наполняли сад грязного творения.

– Добро пожаловать в мой сад. Омпалиус, я чувствую жар твоей ненависти даже отсюда.

– Как и я чую твою вонь, Еффраим, – ответил Зейрос, и его голос странно разнесся по комнате. Казалось, что рыхлый гриб, облепивший стены, как и губчатый ковер из хлюпающих под его ногами рифленых грибов, поглощал все звуки. – Ты никогда не отличался чистоплотностью... Даже в лучшие времена.

– Лучшие времена? – рассмеялся Боллос. – *Это намек на тоску в твоём голосе?*

– В отличие от тебя мой мозг не пронизан гнилью. Мои воспоминания ясны, как и всегда.

После своих слов Зейрос рассек особенно мерзкий комок грибка и был вознагражден тихим криком. Боллос тихо вздохнул.

– Омпалиус, остановись. Я не могу выносить их боль, – проворчал он. – Они - часть меня, а я – их. Я в каждом цветке и комке...

Зейрос со злобой воткнул свою глефу в очередной дрожащий комок, резко повернув ее древко. До него донеслись тихие звуки агонии – а может это был просто вырвавшийся воздух.

– *Раньше ты бы так никогда не поступил*, – проворчал Боллос, дернувшись на своем троне.

– Раньше мы бы обменивались ударами, а не словами, – ответил ему Зейрос. – Раньше тебе бы это понравилось. Но теперь...

– *Теперь я стал старше и не столь склонен изводить себя мелкими демонстрациями силы*, – сказал Боллос.

– Мелкими, говоришь?.. – прошипел Зейрос. – Не смейся надо мной, Ефраим. Мы слишком долго знаем друг друга, чтобы играть в эти игры.

Он сделал один шаг к трону. Казалось, что гриб, сдвинувшись и выпятившись, последовал за ним.

– Гиран, Нефритовые Королевства... они содрогаются под пятой новой силы, озаренной звездами. Огни Азира бушуют в гнилых лесах, а твой покровитель извивается в агонии. Нургл теряет власть над этим царством. Пришло время перемен.

– *Так оно и есть*, – согласился Боллос, махнув рукой, покрытой бородавками. – *Так оно и есть. Мой друг, все это... это я. Каждая поганка, каждый жгутик – они рождены из моей плоти, оторваны от моих гнилых костей. Я приношу себя в дар будущему. Жизнь порождает жизнь. Это заветы Дедушки.*

Чувствуя в своем животе нарастающую тошноту, Зейрос обернулся. Боллос действительно слился с гнилью сада Нургла.

– Это так на тебя похоже – погрязнуть в собственной грязи, – сказал Омпаллиус, поморщившись.

– *Мой друг, не стоит надо мной насмехаться*, – пророкотал Боллос, наблюдая за его приближением.

– Мы не друзья, Ефраим. Может быть, были ими когда-то, но не более. Не в течении этих долгих веков. Нас разделяет океан из крови, и я желаю, дабы ты утонул в нем.

Зейрос сделал еще один шаг. Потом еще один. Под его ногами зашевелился ковер из поганок.

– *Это так. И ты продал душу, чтобы получить этот шанс, не так ли?*

Зейрос промолчал. Широкое жабье лицо Боллоса расплылось в мерзкой улыбке. Он обнажил сломанные, покрытые мхом зубы. За ними двигалось что-то, что отдаленно напоминало язык.

– *Какова нынче цена души, а?*

– Это ты мне скажи, – злобно ответил Зейрос. – Оно того стоило, Ефраим? Все то, что ты сотворил...стоило ли оно того?

– *Для каждого ценность имеет разное значение, Омпаллиус. Ты сам этому меня научил. Я продал свою душу за вечную и бесконечную жизнь – в той или иной форме. А за что ты продал свою? За этот радужный доспех, что ты*

носишь? За глефу, что у тебя в руках? Или есть что-то еще? – Боллос вздохнул. – *Ты променял все свои завтрашние дни на сегодняшний?*

Зейрос остановился, поставив ногу на нижнюю ступеньку помоста, на которой стоял трон. Из-за витающих в воздухе спор и плесени было тяжело дышать, и он закашлялся, пытаясь прочистить легкие. Все в этой комнате воняло Боллосом.

– Я сделал то, что было необходимо. Не более, – резко отрезал он.

Боллос нахмурился:

– *Я понял, друг мой, что необходимость и ценность часто определяются лишь впоследствии,* – он откинулся назад, тяжело застонав. – *Сказать по правде, я надеялся, что ты придешь. Я больше не могу покинуть это место... Ныне я заключенный, словно садовник. Ох, мой друг, что же мы сотворили с собой?..*

– Мы перестали быть друзьями в тот день, когда ты... – Зейрос замолчал. Покачив головой, он поднял глефу. – Ты – чудовище. Я – чудовище. Но лишь один из нас увидит рассвет, Ефраим.

– *А что потом?* – внезапно спросил Боллос. – *Что будет завтра, а, Омпаллиус?*

– Что? – опешив, спросил Зейрос и остановился. Он уже был готов нанести удар глефой.

– *Что будет завтра, когда я умру? Что же с тобой будет дальше? Друг мой, что же ты будешь делать без меня?*

Зейрос уставился на отвратительное лицо существа, которое некогда называл другом. Воспоминания, давно похороненные днями, наполненными кровью и сожалением, захлестнули его, но он быстро их подавил. Зейрос гонялся за Боллосом по Нефритовым Королевствам веками.

«Он прав? Что будет дальше?..», – возникла в голове воина невыносимая мысль.

– *Мы стоим на краю величия, друг мой,* – пророкотал Боллос. – *Я создал тебя, Омпаллиус. Я дал тебе жажду жизни также, как даю ее этому месту. А когда ты потерял всякую надежду, я подарил тебе повод жить...*

– Если бы не ты... – начал Зейрос.

– *Если бы не я, ты бы утонул в гнили, а вместе с тобой утонуло бы последнее напоминание о нашем народе. Но ты выжил...*

– Чтобы отомстить, – прервал его Зейрос, но сомнения не покидали его.

– *Да! Я зажег в тебе огонь! И теперь ты стал куда сильнее, нежели был раньше. Мы оба стали такими, кузен. Нам благоволят сами Боги! Почему же ты не поблагодаришь меня за этот дар?*

– Поблагодарить тебя? Поблагодарить? – прокричал Зейрос в смятении.

– *Не за что,* – ответил Боллос, весело улыбаясь. – *Без меня твое пламя погаснет. Превратится в пепел. Мой друг, я не хочу для тебя такой участи. В той или иной форме я буду жить дальше, и ты будешь благодарить меня...*

Зейрос зарычал. На изогнутом наконечнике глефы вспыхнуло пламя всех цветов и оттенков.

– Вот твоя благодарность, – прошипел он, и сомнение в его душе уступило место гневу. Глефа метнулась вниз и вонзилась в плечо Боллоса. Ефраим дернулся и застонал. Из его раны начали вырываться споры, захрустевшие в пламени. По комнате прокатился глубокий вздох, и было непонятно был ли он печальным или же удовлетворенным.

Боллос даже не пытался защищаться. Зейрос продолжал наносить удары, оставляя на обвисшем теле огромные рваные раны. Пока он рубил, пламя распространялось по грибку, пожирая все вокруг. А Боллос... Боллос смеялся. Тяжело дыша, Зейрос отшатнулся.

– Перестань смеяться, – прокричал он. – Я сожгу это место. Сожгу тебя!

– ***Сожги все это, брат. Таков и есть цикл: жизнь порождает огонь, огонь порождает пепел, пепел порождает почву, а почва порождает жизнь. Сожги мой сад, чтобы он процветал,*** – прохрипел Боллос. Зейрос зарычал, ничего не понимая, и выплюнул одно-единственное слово. Свет, тепло и пепел наполнили комнату. Вскоре эта участь ждет всю горную крепость. Все здесь сгорит, а вместе с этим местом сгорят и воспоминания об Ефраиме Боллосе. Воспоминания о его предательстве и смехе, что преследовал его...

Все это станет пеплом. А потом... потом...

Отбросив эту мысль, Зейрос наклонился вперед, стремясь посмотреть, как огонь поглощает череп Боллоса. Тело дернулось, а затем его схватила рука...

– ***Один... последний... дар, мой друг,*** – крепко сжимая запястья Зейлоса, прошептал Боллос, дыша ему в лицо. – ***Я дарю тебе будущее. Лелей его также, как и я сам.***

Удовлетворенно вздохнув, Боллос откинулся назад, отдавшись огню. Зейрос попятился назад, потрясенный. По мере того, как огонь заполнил собою комнату, крики пожираемого пламенем грибка усиливались. Уходя, он лениво соскребал грязь со своих доспехов, но та упрямо цеплялась за металл. Зейрос подумал, сможет ли он когда-нибудь полностью очистить их, а затем внезапно закашлялся, почувствовав странную тяжесть в легких.

«Дым», – решил он. Омпалиус посмотрел на свою руку, покрытую обуглившимися... спорами. Спорами Боллоса. Он вспомнил, как Боллос дышал ему в лицо, как что-то шевелилось за его зубами. Он вновь закашлялся, вспоминая неестественно густой воздух... но от чего?..

«***Все это – я***», – проговорил тогда его старый враг.

Омпаллиус снова закашлялся.

Где-то вдалеке был слышен смех Ефраима Боллоса.

Переводчик – Потерянный сын Ангрона

Редактор – Диоген Копатыч

НА РОГА РОБ САНДЕРС

Для Хрисаора, Лорда Слаанеш – более знакомого своим жертвам под именем «Совратитель» – эта земля была наполнена великолепной какофонией ощущений. Под темной пластиной брони Совратителя скрывалась кожа, походившая на растрескавшийся алебастр, глаза его были словно кроваво-красное стекло. Он ничего не видел такими глазами, потому воспринимал окружающий мир через великолепие других чувств. Хрисаора забавляли страдания. Последние вздохи ласкали его лицо, а запах смерти разносился ветром. Это был вкус разрушительной победы.

В день, когда у Хрисаора отняли зрение, через его виски прорезалась пара огромных ребристых рогов. Хрисаор наслаждался этим изысканным страданием. Благодаря ему, Совратитель заново открыл для себя царства чувств. Чувствительные к каждой дрожи, колебанию и вибрации, рога позволяли слепому воину выстроить сенсорную картину всего, что его окружало. Он осязал учащающийся пульс врага. В то время, как его глаза могли показать только спины убегающих врагов, попавших в их поле зрения – рога, словно вьющиеся и сканирующие антенны – открывали ему куда больше. Совратитель ощущал эхо их шагов, пропитанных паникой, прерывистое дыхание и приглушенное биение сердца, доносившиеся из их укрытий. Рога позволяли ему почувствовать врагов не только по близости, но и на расстоянии многих лиг. Он чувствовал страх, пронизывающий тело, как одного, так и тысячи человек.

Лорд Хрисаор позволил буре ощущений захлестнуть себя. Стон удовлетворения сорвался с его белых, как у альбиноса, губ. Он наслаждался ужасной темнотой, скрывающейся за его пустыми кроваво-красными глазами. Совратитель слышал испуганные крики бегущих кочевников Асшканти-Бас, которых пытали и убивали вокруг него. Их вьючные животные и другая скотина визжали от ужаса, когда их заживо разделявали. Он упивался тем грохотом, что исходил от его соплеменников-мародеров, топтавших свою добычу на выносливых, покрытых крючьями, скакунах.

Сибарис - так называли его отряд – были живым воплощением губительного разврата. Каждый из прикованных к седлу невежественных дикарей прославлял Хаос. Они не знали милосердия – только снисходительность. Они искали

отражение своего темного бога Слаанеш не только в постоянно меняющихся землях, но и в наслаждениях своей плоти и агонии своих жертв.

Помимо криков жертв, Совратитель слышал сумасшедший хохот. Отовсюду доносилось безумное бормотание и стоны жертв, что пришли добровольно. Он ощутил горечь галлюциногенного смрада, окутавшего бойню. Когда кони Сибарис окружали и топтали своих жертв, из ноздрей их вырывались проклятые испарения. Бойня наводнилась миазмами, глубокие вдохи людей, полных ужаса, наполняли их легкие ароматным туманом. Уже через несколько минут бегущие кочевники возвращались, а тех, кто прятался, сковало бессмысленное оцепенение. Они умоляли о мучениях, хихикая и предлагая свою плоть дикарям-мародерам.

Прогуливаясь по бойне, Совратитель постучал концом своей адской глефы по земле. Он нашел павших, трепещущих в экстатической агонии. Тела были освежаваны, а оставшиеся клочки их плоти развевались на ветру. Хрисаор усмехнулся про себя. Услышав этот ужас, можно было решить, что кочевникам Ашканти-Бас были дарованы их самые дикие фантазии.

Совратитель почувствовал, как одна из спотыкающихся и сбитых с толку жертв, идет к нему сквозь туман. Что-то на левом боку отягощало шаги человека. "*Вес оружия*", - заключил Хрисаор. Это был один из воинов Ашканти-Бас. Лорд Салаанеш прислушался. Он слышал, как оружие разрезает галлюциногенную тьму – шепот острого, словно бритва, лезвия в воздухе. Клинок. С ошеломляющей быстротой и уверенностью, Хрисаор развернул в своих колючих рукавицах глефу и рубанул по кочевнику. Несмотря на слепоту, он нанес совершенный удар, рассчитанный вызвать у жертвы максимальное страдания и ощущения, но в то же время свести всю опасность на нет. Вражеский воин ахнул. Совратитель почувствовал запах крови и ощутил ее теплое пятнышко на своем бледном, как кость, лице. Лорд Салаанеш разрезал свою жертву от челюсти до бедра. У нее начался шок и галлюциногенное бормотание. Хрисаор услышал, как воин рухнул перед ним на землю и как грубое оружие загремело рядом с телом.

Почувствовав за своей спиной еще одну фигуру, Хрисаор развернул глефу вокруг себя. Взмахнув ей на уровне плеч, он снял верхнюю часть черепа невидимой жертвы. После того, как фигура, царапаясь, упала, Хрисаор попытался представить тот восхитительный прилив ужасных ощущений, что он навлек на нее. Одно из косматых выючных животных кочевников пронзительно ревело сквозь изменяющий сознание туман. Спотыкаясь, оно бродило взад и вперед, тяжело ступая на растопыренные копыта. Совратитель вонзил свое оружие глубоко в тело твари. Ощутил, как тварь пала. Осознал ее страдания. Животное умерло медленнее, чем он хотел, но быстрее, чем он ожидал. Должно быть, оно было больным.

Хрисаор наслаждался наполненным пространство эйфорическим горем, чьи вибрации отражались от окружающих склонов, доносились до него эхом с самых высоких пиков скал.

Как и многие другие племена, Асшканти-Бас обосновались в регионе, известном как Плинт. Плинт был странной и изменчивой землей. Это место находилось в противоречии с самим собой – широкое пространство постоянно и быстро меняющихся земель. Горы с грохотом поднимались и опускались, иногда и в течение дня. Реки на ощупь пробирались сквозь преображающуюся землю. Глубокие каньоны и расщелины пробивали себе путь сквозь бурлящую землю прежде, чем превратится в озера, а иногда и в целые моря с водами, поднимающимися по бокамдвигающихся вершин. Леса и растительность, прежде чем их поглощали камни, земля и вода, в очередном местном потоке, разрастались со скоростью плесени. Земли, подобные этим, не были затронуты колдовством. Они не были испорчены силой и изменчивостью Хаоса. Постоянное изменение рельефа Плинта – иногда быстрое и жесткое, а иногда неторопливое – было естественным для этого региона.

Совратителю это нравилось. Безжалостные землетрясения и смены ландшафта были подобны чувственной симфонии. Народы Плинта были кочевниками по неволе и часто попадали в засады поджидавших их воинов Совратителя. Он проносился со своими всадниками-мародерами по горным склонам, окружая долины и пересекая мелкие реки. Лорд Хрисаор пролил так много крови в этих изменчивых землях, что уже ожидал, как один из извергающихся гейзеров или рек окрасятся в темно-красный в честь Тёмного принца.

– ***Все кончено, Лорд Совратитель,*** – прошипел адский голос над ухом Хрисаора. – ***Туман рассеялся.***

Он слышал, как приближались его наложницы-демонетки. Двигаясь с хищной грацией, они перепрыгивали с одного коня на другого – три младших демона, без труда поспевали за всадниками-мародерами. Их называли Совращенными Девами. Они, крадучись, окружали своего повелителя, укутываясь в его плаще и игриво прикусывая нагрудную пластину брони своими непристойными клешнями. Он знал их истинные имена, но пользовался ими только для призыва.

– Расскажи мне, – задыхаясь, приказал Хрисаор. Его слепота не означала, что он не мог насладиться визуализацией ужасов, сотворённых от его имени.

– ***Ребенок блуждает,*** – сказала одна из демонеток. – ***Затерялся в кровавой бойне и расчленении. Его лицо - искаженная маска. Оба его родителя помешались умом и едва сопротивлялись желанию присоединиться к резне.***

– ***Разрубленные пополам рабы*** – соблазнительно прошептала третья демонетка в ухо Хрисаора. Он почувствовал, как одна из Совращенных Дев оставила его и пошла вслед за ребенком. – ***Они корчатся в захлестнувшем их море потрясений, лёжа на бойне, пропитанной кровью все еще живого скота.***

– Да... – блаженно прошептал Совратитель.

– ***Умирующие кочевники,*** – сладко пропела ему на ухо демонетка. – ***Смеющиеся. Плачущие. Стойкие. Живущие только для нашего развлечения.***

Лежат сокрушенные. Месиво из плоти, окутывающее землю. Один из них, сдирает с себя остатки кожи, удивляясь новым ощущениям.

– Что это такое? – встревоженно спросил Хрисаор. Он слышал позвякивание костей и восхитительные звуки страдания, но не мог найти и капли наслаждения болью и горем в своем развращенном сердце. Что-то здесь было не так.

– *Приближается женщина*, – прошептала одна из Совращенных Дев. – *Она закрывает свое лицо окровавленными руками.*

– *Лишенными кожи*, – наслаждаясь зрелищем, проговорила вторая.

– Опишите ее, – приказал Совратитель.

– *Ее волосы такие же длинные, как и ее тело.*

– *Она словно дикое существо, издающее звон своими костяными четками.*

– *Та, кто мнит себя прорицательницей*, – хихикнула демонетка.

– *Но она не смогла предвидеть это*, – с издевкой, прошептала третья, вызвав у сестер какофонию злобного смеха.

– Вы ошибаетесь! – сказал в гневе Хрисаор. Рыдания прекратились. Вместо них Совратитель услышал скрип костей и натяжение мышц. Женщина, взвизгнув, бросилась на него. Хрисаор знал, что ее страдания были фальшивыми. Ни один из истинных извращенцев Темного принца не смог бы насладиться показной, ложной агонией.

Совратитель услышал, как прорицательница схватила что-то с земли. Что-то, что лежало в окровавленных телах у ее ног. Он услышал чавканье и шипение клинка, вытащенного из чьей-то плоти. Ориентируясь лишь на звук, Хрисаор заключил, что извлеченный предмет был ножом с изогнутым лезвием, к тому же он явно имел зазубрены, о чем говорил хруст, с которым нож прошелся по ребру трупа.

Лорд Слаанеш упивался муками нападавшего. Он чувствовал всё в ее крике. Боевом кличе. Реве отчаяния. Самоубийственное проявление обреченности и страха. И Хрисаор жаждал впитать его, словно земля, поглощающая ее слезы. Клинок запел, нацеленный в его горло. Совратитель ждал смерти, но знал, что она так и не настигнет его. Совращенные Девы не допустят этого.

Так оно и случилось. Досадное поражение. Глубокое презрение. Мучительная боль от сжимающих конечности в колючей хватке, безжалостных клешней демонеток. Совратитель знал, что Девы могут отрезать прорицательнице руки и ноги как по локоть, так и по колено.

– Стойте, – приказал Совратитель. – Ее лицо?

– *Все еще на месте*, – злобно проговорила демонетка, – *но это ненадолго.*

– Будь ты проклята, демон, – сказал гневно Хрисаор. – Я же сказал, остановиться.

Они держали женщину, словно она была заключена в клетку из адской плоти. Хрисаор почувствовал у своего лица дрожь от клинка, который прорицательница

все еще сжимала мертвой хваткой. Женщина подобралась совсем близко. Он позволил ей это. «Нет, - решил Совратитель, – я могу дать ей больше». Дернувшись лицом, он позволил зазубренному лезвию рассечь кожу на его щеке. Кровь заструилась по лицу. Высунув неестественно длинный язык, Совратитель принялся облизывать глубокую рану. Он услышал, как нож, выскользнув из рук прорицательницы, со стуком упал на землю. Он ощутил на себе ее полный недоверия взгляд. Она пробормотала что-то на своем языке Асшканти. Лорд Слаанеш ощутил, как она изрыгает полные ненависти слова.

– Сестра, – сказал Хрисаор. – Если можно.

– *Зачем забавляться болтовнёй ведьмы, когда можно наслаждаться ее криками?* – спросила недовольно демонетка.

– По той же причине, что я забавляюсь с тобой, – сказал раздраженно Совратитель демонетке. – Хотя, твои аргументы довольно убедительные, возможно, мне стоит натравить на тебя твоих адских сестер. Я знаю, что они жаждут твоих мучений.

– *Ее слова...они безумны, милорд.*

– И ты их переведешь, – ответил ей грозно Хрисаор.

– *Она говорит, что ваши Орды могут поглотить ее народ,* – начала переводить Совращенная Дева. – *Что ваши когти могут удерживать ее, но вы заточены в ловушке между землей и небом.*

– Как и ты, – проговорил Хрисаор, наклоняясь вперед.

Прорицательница плюнула в его лицо. Он улыбнулся, и слюна потекла по его лицу. Последовавшие слова были еще более безумными.

– *Она говорит, что обратилась ко всем силам своего королевства,* – продолжила демонетка. – *Что она отдала свое брренное сердце духам земли и жизни, богам зла и неба в обмен на вашу гибель.*

Неожиданно прорицательница напряглась. Она широко раскрыла глаза, а ее лицо исказилось от сильнейшей боли, которую за несколько мгновений до этого она даже не могла себе вообразить. Хрисаор наслаждался - жертва страдала, конечности ее обмякли. Он вонзил в ее плоть острые кончики своих перчаток. Она закашлялась, удивление пропало с её лица. Кровь ведьмы брызнула в лицо Совратителя, смешавшись с его собственной. Он вытащил из её груди промокшую перчатку. В ней Совратитель держал все еще бьющееся сердце прорицательницы. Воин поднял перед ней свой ужасный трофей. Вместе они ощутили последний удар.

– Значит, ты продала его дешево, ведьма, – язвительно проговорил Хрисаор, чувствуя, как прорицательница умирает у него на глазах.

Демонетки позволили телу жертвы упасть на землю к остальным. Алебастровая улыбка Хрисаора слегка померкла. Вот уже несколько мгновений он чувствовал, как под его ногами содрогается камень. Пока его дикари расставляли

ловушки и предавались затяжной расправе над кочевниками, земли Плинта пришли в чудовищное движение. Чувствительная кожа Совратителя отреагировала на снижение температуры. Он услышал приближающиеся раскаты грома и ощутил металлический привкус разразившейся грозы.

– Где мы находимся? – взволнованно спросил он. Совратитель чувствовал, как пейзаж вокруг стремительно меняется.

– *Окружавшие нас горы все еще на месте*, – прошептала одна из Дев.

– *Но плато уносит нас ввысь*, – сказала другая демонетка, – *мы уже над вершинами Плинта*.

Устремившись к небесам, горы плато заперли слаанешитов в ловушке. Наслаждение расправой над Ашканти-Бас слишком увлекло, и они оказались в западне на возвышенном горном острове, чьи склоны были слишком высоки и отвесны, чтобы по ним можно было спуститься. Такое случалось и ранее, в этом крылась опасность меняющихся земель. Порой такие перемены в Плинте прерывались другим, совершенно новым процессом, возникшим в землях. Однако, пропасти всегда закрывались, могучие реки иссякали, а горы уменьшались.

Хрисаор бродил по полю осквернения и убийства, постукивая по земле концом своей глефы. Совращенные Девы следовали за ним, но оставались на почтительном расстоянии – периодически они ненадолго удалялись, чтобы выпотрошить клешнями очередную жертву или помочь воину Сибарис прикончить какого-нибудь страдающего вражеского воина.

Совратитель предчувствовал гром ещё до того, как звук его разнесся над плато. Он ощутил краткую вспышку тепла от молнии, ударившей в вершины. Воздух в его легких бы разряжен, дыхание участилось и стало прерывистым. Тем временем, горы всё поднимались, и казалось, что они никогда не остановятся.

Спустя какое-то время, все страдающие кочевники были убиты. Ужас и веселье на плато угасли. Племя всадников-дикарей, не занятое кровавой бойней или играми со своими жертвами, вдруг поняло, как высоко они находятся. Они задрожали от резкого снижения температуры, а их тела ощутили воздействие высоты. Тревога наполнила сердца дикарей.

– *Облака*, – проговорила демонетка. Хрисаор почувствовал, как температура упала еще ниже и капли воды заledenели на его коже. Вокруг него клубился водяной пар. В то время, как молния трещала и гудела в сгущающемся мраке, гром пронзил его и окружающие горы. Вершины поднялись так высоко, что унесли плато в бурю, увлекая запертых на нем слаанешитов прямоком в ее самое сердце.

Лошади нервно топтались и ржали. Мародеры Сибарис начали нервно бормотать друг другу на своем уродливом наречии. Даже демонетки зашипели от беспокойства.

– *Мой Темный принц*, – нервно воскликнул Совратитель. – *Вы здесь?*

Хрисаор отдал бы все, лишь бы на него обратил взор его изысканный Бог. Что бы он развеял опасения слаанешитов. Совратитель потянулся своими чувствами за пределы отвратительно истерзанных трупов и окружающих их орды всадников, и горных вершин. Он слушал и ощущал. Он услышал призрачный стук нагрудных пластин и бронированных ботинок. Движущаяся армия. Он чувствовал, как грохот могучих молотов становится все ближе с каждым их ударом, предвещающим гибель.

Совратитель уловил зов дикарей Сибарис. Они смогли различать ряды закованных в броню фигур, держащих в руках молоты неземной конструкции, обвитые разрядами молний, что явились из мрачного вихря бури шторма Зигмара. Шипя и щелкая своими отвратительными клешнями, наложницы-демонетки окружили своего повелителя.

– **Незванные гости**, – прошипела одна из Совращенных Дев. И после этих слов сердце Хрисаора оборвалось.

– Опишите их, – приказал Совратитель так же, как до того просил описать тысячи пропитанных кровью полей сражения. Они так и сделали, и Хрисаор понял, что пришла их погибель.

– Рыцари Авроры, – прошептал в страхе Хрисаор, узнав своего врага. Он кивнул. Его лицо превратилось в маску безумия, окутанную тенью страха. Теперь он прекрасно понимал, что долгим поискам Темного принца пришел конец. Слаанеш не был с ним и никогда уже не будет.

«Ведьма была права. Земли Плинта заполнит кровь и страдания. Они подняли нас сюда в жертву Царю-Богу. И Зигмар ответил, прислав своих Грозорождённых. Мы пойманы, мои развратники – между небом и землей. Между молотом и наковальней»

Хрисаор знал то, чего не знали другие. Чувствовал то, что было им недоступно. За силуэтами закованных в броню Грозорождённых Вечных стояли еще сотни других. Король-Бог мог сокрушить их всего крупницей своей мощи. Им будет преподан урок. Между раскатов грома, ударов молний, с каждой новой вспышкой – чудовищные ряды солдат приближались к орде слаанешитов.

Напряжение бледного лица Хрисаора было сломано кривой улыбкой. Он отдался обстоятельствам – это все, что теперь было в его силах. Это все, что ему оставалось. Его безумный хохот прогремел сквозь бурю и грохот бронированных ботинок. Он утратил себя в неотвратимости судьбы, напыщенности и отвратительных излишествах. Эта смерть не будет такой, какую Хрисаор даровал своим жертвам, медленной и наполненной страданиями – она будет быстрой. Внезапной, как сокрушительный удар небесного молота.

Он был Совратителем. Лорд Слаанеш зарычал и его рык прошел по всем воинам - безумие оказалось заразительным. Истерия охватила орду сланеешитов,

став для них приглашением к последним приятным ощущениям. Приглашением к гибели.

Хрисаор повернул свою адскую глефу в латных рукавицах. Его рога пылали от сенсорной перегрузки. Он чувствовал грохот гор, оглушительный гром и бурю. Совратитель уловил, как подняв свои могучие молоты, Рыцари Авроры приближаются, ряды их сжимаются вокруг орды словно челюсти громадного железного капкана. Лорд Слаанеш слышал праведный рев Грозорождённых – небесных воинов, жаждущих стереть с лица земли своих заклятых врагов.

Совратитель ощутил, как дрогнули его воины. Лошади нервно топтали землю и с опасением ржали. Мародеры Сибарис зывали к врагу, но их голоса были неуверенными и столь же сухими, что и их губы. Это не было боевым кличем воинов Хаоса, готовых вкусить страдания своего врага. Их эмоции были фальшивы – ложь, которую говорили люди себе перед лицом смерти.

Хрисаор услышал, как засвистели дротики, брошенные его воинами. Оружие зазвенело и разлетелось на осколки, столкнувшись с священными нагрудными пластинами, Лорд Слаанеш оценил расстояние до врага. Небесные воины были уже совсем близко. Подобно грому, обрушившемуся на его орду, они не остановятся. Хрисаор ощутил, как задрожала земля от копыт. Часть орды отступала. Некоторых из варваров охватила паника, и они, словно жалкие твари, бежали от ужасного зрелища, незримого их Лорду. Другие же, высоко подняв свои топоры и щиты, подталкивали в атаку своих сопротивляющихся коней.

Совращенные Девы со все своей адской злобой зашипели на мародеров, но Хрисаор бездействовал. Он бы мог соврать, сказав, что в их последние минуты Темный Принц с ними. Но Слаанеш с ними не было. Его не было нигде. Не было никаких темных слов или призывов к наслаждению, которые бы сплотили орду перед лицом полного уничтожения. Была только буря хаоса, захлестнувшая их. Хрисаор услышал звуки начавшегося сражения и быстро последовавшие за ними смерти. Грохот от ударов кистеней по броне. Искры, что высекали окровавленные от многочисленных пыток и бойни, топоры. И трусы, и бросившиеся в атаку были убиты в обжигающем грохоте металла и молний.

Лошади издавали жуткие звуки, когда молоты пробивали плоть и разрушали кости, сбивая их с ног. Ребра, мышцы и внутренности разбрызгивались наружу из ран убитых животных. Спины были сломаны, а черепа сокрушены под чудовищной силой могучих молотов.

Воины Сибарис падали из седел и разделяли их судьбу. Их щиты не могли выдержать удары ослепительных небесных орудий. Молоты уничтожали темных последователей, разбивая их тела на бурю из кусков плоти. Всадники не успевали ничего почувствовать, так как молоты разрывали их надвое. Хрисаор слышал, как его воины, стоя на коленях, молились, умоляя Темного Принца вмешаться. Но это не спасало их. Король-Бог вынес свой приговор. Головы мародеров были снесены с

плеч, а стоящие на коленях хаоситы были вдавлены в землю. Совратитель услышал, как по пропитанной кровью земле, хлюпают бронированные сапоги. Вид этой бойни, казалось, успокоил орду, и они собрались вокруг Лорда Хаоса. Ряды перепуганных коней и воинов Сибарис пытались удержать этот клочок земли, полагая, что их единственное преимущество – это численность. Но они ошибались, сильно ошибались. И Хрисаор знал это.

Когда Грозорождённые двинулись дальше, их молоты начали раскачиваться с треском, напоминая небесные кометы, и всадники погибали один за одним. Это было быстро, расчетливо и беспощадно. За мгновение одной ослепительной вспышки света и божественной жестокости все закончилось. Это было меньшее из того, что заслужили отступники.

После сокрушительных ударов молотов наступающих штурмовиков, лошади умирали и падали. Подобно приливной волне из сверкающих доспехов и потрескивающего оружия, их было невозможно остановить. Всадники-мародеры Сибарис шли в атаку, зная, что их ждет гибель. Они не могли сравниться с Грозорождёнными ни своей численностью, ни божественной свирепостью. Обезображенные трупы мародеров пролетели около того места, где стоял Совратитель.

Совращенные Девы устали бездействовать. Их демоническая природа желала вкушать блеск душ врагов. Хрисаор ощущал их глубинную боль. Они хотели разорвать нагрудники и содрать кожу с небесной плоти. Демонетки жаждали насладиться обжигающей сущностью воинов Зигмара. Они набросились на своих врагов, намереваясь сорвать шлемы и отсечь их головы - вонзить клешни в нагрудники, пронзив благородные сердца.

Совратитель впитал в себя их отчаяние. Он в равной мере любил и ненавидел Совращенных Дев. Хрисаор чувствовал, как ожидание сковало его сердце. Его захлестнуло желание услышать страдания демонеток. Ощувив боль, что испытали они, его пронзил неповторимый трепет. Демоны, стenea от боли, вопили в экстазе. Шипящие молоты ломали кости Дев – Грозорождённые Вечные сокрушали демонов, и они падали между ними, словно сломанные куклы.

Хрисаор почувствовал смерть первой из них. Сотрясение, от могучего молота, погружающегося в ужасную плоть и дробящего кости, прежде чем ее тело с глухим стуком упало на землю. Вторая звала своего повелителя, пока ужасающий удар молота не сломал ей челюсть. Совратитель уловил, как Грозорождённый Вечный, дробя сапогами песок под ногами, развернулся и втолкнул Совращенную Деву в ряды воинов. Демонетка исчезла, окутанная сверкающим водоворотом тумана и бури. Он почувствовал чистую мощь от трех ударов по лицу, из-за которых ее голова была сбита со стройных плеч. Вопли демонов эхом разнеслись по небесам, и ужасные твари были изгнаны из этого мира.

Хрисаор Совратитель, Лорд Слаанеш, приготовился к смерти. Он вращал свою глефу вокруг тела – его мир стал ярким чувственным апокалипсисом, и он собирался затеряться в нем. Хрисаор ждал, когда грозовой молот обрушится на него и смерть придет. Он не искал врагов. Не старался уловить признаки готовящегося нападения. Совратитель чувствовал только их желание уничтожить его; слышал, как сжались перчатки на рукоятях потрескивающих молотов, закрипели безупречные доспехи. Он ощутил вкус мести Бога-Короля.

Отбив молоты в сторону рукоятью своей глефы, Хрисаор смог вывернуться из-под обрушившегося на него потока оружия. От ударов молота, едва не задевающих его лицо, потрескивающие энергии танцевали на коже. Совратитель ощутил, как рядом со свистом пронесся молот, как раскалывались камни и трещали, бьющие по земле, орудия Грозорождённых.

Хрисаор ударил, словно скорпион, пронзив клинком своей глефы их ряды. Его оружие пробило лицевую пластину шлема ближайшего к нему воина. Вращая глефу, словно косу, он рассек горло врага. Совратитель пронзал нагрудники Грозорождённых, вонзая клинок в их чистые сердца. Он разрезал брюшные пластины брони, позволяя их внутренностям вываливаться наружу из рваных ран. Хрисаор был взволнован бурей звуков и ощущений. Лорд хаоса отбивал молоты Зигмара в сторону рукоятью своей глефы. Оттолкнув сапогом одного из Грозорождённых, он закутался в плащ.

Прорвавшись, сквозь сомкнувшиеся вокруг него неосязаемые ряды, воин пронзал шлемы небесных воинов. Затем он опустился на землю, уклоняясь от размашистого удара булавы и перебил бронированные лодыжки ближайших врагов.

Совратитель осязал взрывную волну смерти, когда Король Богов, ударами пылающих молний, возвращал души Грозорождённых Вечных. Сквозь водоворот криков и душевного огня, Рыцари Авроры приближались к нему. Хрисаор почувствовал, как первый из молотов достиг его тела. Оружие пробило наплечник и раздробило плечо. Грубая, потрескивающая сила другого молота ударила в его грудь, сломав нагрудник, плоть и кости. От сокрушительного удара, его сердце чуть было не разорвалось. Бронированные сапоги наступили на его плащ и потянули вниз – Грозорождённые, высоко держа свое орудие, столпились над ним.

Молот обрушился на его голову, выбивая из нее все чувства. Посылая поток агонии и искаженных ощущений через его тело, один из рогов разлетелся вдребезги. Энергия от молота пронеслась сквозь его сознание. Бешенство исказило черты его алебастрового лица. Усилием воли, он заставил себя подняться на ноги, держа глефу у самого лезвия. Используя оружие как кинжал, он яростно поднял его вверх, вонзив сталь под подбородок Грозорождённого. Когда глефа пронзила череп и мозг воина, его побежденная душа исчезла в потоке энергии, исходящей от

грозовой тучи. Хрисаор атаковал еще двоих воинов – его жуткие перчатки царапали их, на лице застыла безумная ухмылка смертельного наслаждения.

Удар молота в спину повалил Лорда Слаанеш на колени. Подобно рабочим, собравшимся вокруг столба, который нужно вколотить в землю, Грозорождённые Вечные начали свою согласованную атаку. Ломая кости, рога и череп, они повалили Хрисаора на землю. Более он не мог встать. Не было больше никакого безумного неповиновения. Время пришло. Агония заполонила его естество. Грязные объятия смерти манили его к себе.

Пока небесные воины уничтожали тело Хрисаора, превращая его в жертвенный алтарь Божественной мести, он думал о тех ужасных вещах, что совершил. О непристойной жизни, что он вел. О его восхитительном падении в Хаос. Совратитель подумал о предсказавшей его гибель ведьме-кочевнице. Она действительно молилась всем богам и силам королевства – и те ответили на ее мольбы. Земля. Беспощадный Король-Бог. Молоты обрушили Лорда Слаанеш на землю, которую он осквернял своими ужасными деяниями. В эти последние мгновения жизни Хрисаор знал, что никогда не найдет своей Темного Принца. Слаанеш с ним не будет. И никогда не был. Воин остался один.

Хрисаор умер также, как и жил – в море захлестнувших его ощущений. Его конец был подобен апогею. Пик был достигнут. В эти последние секунды он был живым противоречием. Олицетворением разврата. Он был одновременно болью и удовольствием. Он был разрушен удовлетворением. Хрисаор был всем и одновременно ничем.

Совратитель смаковал свои последние мгновения, всасывая в свой мозг удовольствия от самого существования. Затем, как и его Темный Бог, он пропал.

Переводчик – Потерянный сын Ангрона

Редактор – Еретик, Sperry UNIVAC

ПОВЕЛИТЕЛЬ МИРОВЫХ ВРАТ

ГЭВ ТОРП

– И до девятого позициона лежит градиент проклятых, выложенный разложившимся септетом несочетаемого отношения... – пробормотал Рикьярд из Множества Чисел. Он сверился со своим гримуаром архаичных формул, перелистав потрепанные страницы пальцами, увенчанными птичьими когтями. Хотя этот дар и позволял ему легче сдирать лица врагов Всеблагото Тзинча, ясность предсказаний Рикьярда пострадала с тех пор, как Всевидящий Владыка счел нужным одарить его такими десятичными знаками.

– Ага, вот оно, с этими Конгломератами Порядка... Истории эльфийского народа, вырванные из памяти их великого вычислителя, самого Наррутиаса Телемора.

Рядом с ним, на уровне его пояса, раздалось знакомое Рикьярду жужжание и щелканье, издаваемое татоматоном. В смотревших на колдуна снизу вверх линзах, заменявших существу глаза, отражалось круглое, словно луна, лицо и покрытый радужными перьями скальп. Татоматон поднял свои черные кинжальные руки и склонил голову набок, а его внутренности, состоящие из крошечных трещащих шестеренок, зажужжали. Вдоль проволочных жил тела создания вспыхивали черные искры порченной энергии, которые также искрились на краях его зазубренных смертоносных клинков.

– Да, уже довольно скоро, – прошептал Рикьярд своему механическому спутнику. – Мы отправимся на поле битвы.

Он поднял руки, пытаясь охватить окружавшее их пространство, и рукава его мантии, состоящие из похожего на рыбью чешую материала, мягко позвякивали при каждом движении. Колдун показывал на ландшафт, состоящий из многоугольных холмов и долин, которые изгибались вверх без горизонта, образуя внутреннюю поверхность сферы. В самом центре, высоко над головой Рикьярда, по сложным орбитам вращались вокруг друг друга восемь маленьких звезд. Если бы он только смог выровнять их, то перед ним бы распахнулись Мировые Врата – легендарный Панарамикон, который вел в самое сердце владений Тзинча.

Земли Тысячи Порталов усеивали стены и башни из многоцветного хрусталя, преломляя, отражая и направляя лучи солнц Хаоса таким образом, чтобы создать радужные мосты, теневые врата и едва заметные замки из энергии света.

Вдалеке – если так вообще можно было сказать про расстояние в замкнутом кубе реальности, – на самом краю поля зрения маячила другая фигура – грандиозная аллея, состоящая из навесных стен и бастионов, стеклянных башен и кристальных монолитов. Хрустальный Лабиринт Тзинча, обитель самого Великого Архитектора, для которого Тысяча Порталов некогда были всего лишь внешним бастионом...

Рикьярд отступил в сторону всего на несколько шагов, но этого было вполне достаточно, чтобы поменять видимый им ландшафт. Противостояние света и тьмы, игра цветов – все это постоянно меняло призматические территории, создавая леса из деревьев с рубиновыми листьями и озера из мерцающего золота, питаемые реками, которые пенились около похожих на мрамор угловатых камней. Видение на горизонте тоже изменилось, открыв новые фасады Хрустального Лабиринта, которые лежали за пределами Галосферы – магическая граница, которая одновременно подпитывала и удерживала бурлящую энергию Тысячи Порталов.

– Какая красота... – прошептал Рикьярд. Татоматон слегка содрогнулся – его частично состоящий из механизмов мозг не мог воспринять эту концепцию.

С помощью простого заклинания Рикьярд призвал свою армию, которая ожидала его приказов в Каскадных Скалах в царстве Шамона. Их прибытие сопровождалось топотом тысячи ног и звоном боевых упряжей. Авангард армии возглавляли восседающие на конях рыцари, тела которых были облачены в сверкающие серебряные чешуйчатый доспехи, а копья венчали девятихвостые вымпелы красного и пурпурного цветов. Вместо щитов они носили черные, как гранит, пластины, украшенные золотыми узорами и усыпанные драгоценными камнями, которые светились внутренним огнем. Круглые шлемы, увенчанные гребнями в форме вздыбившихся драконов и скрюченных змей, скрывали их лица, а отблески красного и синего света освещали тени в забралах.

Тяжелая кавалерия единым строем двинулась в направлении Рикьярда, в то время как легкая конница разбилась на небольшие группы, и, рассыпавшись веером по гребню холма, спустилась в долину с округлыми склонами впереди. Всадники были облачены в яркие, покрытые узорами туники, укрепленные шестиугольными пластинами брони или туго обтянутые легкими кольчугами. Лошади фыркали от низких температур Тысячи Порталов, и оставляли за собой следы тумана.

Следующей появилась пехота – бесконечная вереница мужчин и женщин, преданных Тзинчу. Облаченные в бесчисленные виды доспехов, они пришли из семнадцати областей Царств Теней и Царства Металла. Присоединившись к адскому крестовому походу Рикьярда, они опустошали многочисленные деревни и города, оставив после себя выжженные земли. Некоторые из этих воинов были всецело преданы служению Великому Архитектору, но многие племена присягнули Тзинчу только из-за своей преданности Рикьярду.

Вместе с ними шли звери – некоторые еще узнаваемые, другие же настолько мутировали, что совсем не походили на прежних себя. Странные существа пронзительно кричали и рычали, хлопали крыльями и громко визжали от непрекращающихся команд и ударов хлыстов звероловов. По бокам этой разнообразной армии грохотали косые колеса колесниц, возницы которых носили маски в виде золотых ястребов.

Каждый из воинов, будь то обычный человек, бронированный великан или же искривленное отродье, был связан клятвой верности с Рикьярдом. На лбу и груди каждого из тех, кто присягнул Тзинчу, красовался многогранный драгоценный камень размером с кулак, переливающийся всеми цветами радуги. Знак испускал слабое облако черного дыма, как будто все еще обжигал плоть, с которой его магически слили. Легенды Бездонной Огненной Бездны, родины Рикьярда, гласили, что драгоценные камни были каплями крови самого вселенского змея, которую когда-то пролил Тзинч, сразив титанического зверя. Капли, попадая во Владения Смертных, превращались в камни, которые рассеивались по всему пространству и времени. Для каждого, кого Тзинч одарил этим даром, они были наградой и цепями, что заставляли их подчиняться воле избранного лорда Великого Архитектора.

Рикьярд трудился половину жизни, дабы доказать свою преданность вечно меняющемуся повелителю. Восстановление такого количества драконьих камней из сердца его родины являлось трудновыполнимой задачей, с которой чемпион с честью справился, за что и был вознагражден меткой Тзинча. Однако, это стало только первым испытанием из многих почти невозможных подвигов, которых пришлось совершить Рикьярду, дабы заслужить свой нынешний статус.

Рикьярду не нравился термин «миньоны» – он принижал великие завоевания и свершения, которых добились его подчиненные – но на самом деле, это и была их истинная роль. Многие считали, что они будут сопровождать своего повелителя и пройдут сквозь завесу Галосферы в Ночь Вечного Знания, но такая вера была лишь иллюзией, которую Рикьярд не стремился развеивать.

Лишь одному человеку было под силу совершить такое путешествие. В этом отношении мистические формулы были особенно специфичны и все вычисления производились со значением единицы – ни больше, ни меньше, ни дроби, ни кратные ей.

И Рикьярд пройдет этот путь, и, узрев чудеса всех миров, будет знать последнюю часть вечного уравнения, созданного Тзинчем, дабы затем связать Вселенную воедино. Избранный Архитектора Судеб верил, что обладая такой силой, он сможет переплюнуть Архаона и его дары от всех четырех Губительных Сил.

– Мы сильно рискуем, – обратился Рикьярд к своему ничего не понимающему механическому телохранителю. – Сами боги возвысили Всеизбранного над нами.

Они уже пытались помешать моим планам, но их сопротивление только делает меня сильнее, ибо разве не всякое честолюбие – это улада для славного Тзинча? Вознестись над Архаоном – значит встать перед взором великих сил. Мой покровитель, мой спаситель, вселенский Тзинч будет главенствовать, а все остальные станут рабами всепоглощающей воле Высшего Судьи, и я стану его правой рукой – Освященным Судьбой.

Треск пламени и мерцание разноцветных теней выдали присутствие еще одного существа, которое приближалось к плечу Рикьярда. Чемпион не сразу обернулся, а продолжил любоваться изменяющимися видами, когда великолепный мир-конструктор распадался на части при малейшем наклоне головы или покачивании тела.

– Интересно, как все это видишь ты? Неужели этот мир столь же великолепен и для твоих демонических глаз? – спросил Рикьярд, наконец обернувшись к Тзаратуфу, герольду Тзинча, который возглавлял армию бессмертных союзников чемпиона. Его тело, лишь отдаленно напоминающее человеческое, постоянно меняло формы и состояло из разноцветного огня и сплетающихся магических вихрей. Когда демон ответил, его голос прозвучал как далекий крик, отдающийся эхом в небольшом пространстве.

– **Для нас это анафема,** – ответил Тзаратуф. – **Проклятые звездопады разрушили его. Когда они забрали Тысячу Порталов из-под лона всевидящего Тзинча, то сразу прокляли его – прокляли эту вечную тьму непросветленности. Сейчас это уже не свет Вселенского Непостоянства, а горение звезд Блаженного Азира.**

– Когда Панорамикот будет открыт, на всех вновь падет пристальный взор Великого Архитектора, – произнес Рикьярд. Он сверился со следующей страницей Метамитикрона. – Согласно моей теории Интерстабильности, падение Азира и восхождение Хамона с частичным раскрытием Гура – это идеальный момент для нанесения удара. Как только небесные созвездия рассеются, их сила ослабнет, а Звездные Мастера станут вялыми и медлительными, и не смогут нам ответить.

Моргнув узкими глазами, Рикьярд вновь окинул пейзаж уже бесстрастным взглядом. Он рассчитал наклоны и векторы сходящихся световых лучей, триангулируя пересечения в девятимерной мистической структуре. Мировые Врата являлись не просто вратами – это был не обычный мост между двумя мирами. Они были настоящим коридором, который вел из любого царства во владения всемогущего Тзинча. Как и их божественный создатель, они постоянно менялись – к тому времени, когда человек узнавал направление, с которого мог войти и выйти, оно уже становилось иным. Вечное Уравнение содержало ответ о предсказании бесконечно сложной последовательности, необходимой для того, чтобы заключить в цепи энергии Галосферы и силой открыть Мировые Врата.

– Вот оно! Благодаря этому я смогу проделать брешь, – Рикьярд указал на мерцающий сапфировый холм справа над ними, который увенчивала семистенная крепость. Он улыбнулся Тзаратуфу. – Призывай свой демонический легион – мы идем завоевывать славу!

Герольд кивнул, и черные шары его глаз переместились с колдуна на цель. Струйка пламени расступилась и приняла гротескное подобие усмешки.

– **Слава Тзинчу!** – Тзаратуф поднял свои бестелесные руки в мольбе. Его голос превратился в завывающий крик, который резал слух Рикьярда и пульсировал в его животе.

Воздух вокруг демона задвигался, словно блестящие частицы, которые сливались вокруг его формы, сначала проявляясь в длинном огненном посохе, зажатом в его поднятых руках, а затем покрывая тело скользящими пластинами демонической брони, поверхности которой блестели словно масло. Существо поднялось в воздух, под его ногами возник огромный диск, окаймлённый изогнутыми лезвиями и торчащими шипами. Механизм унес Тзаратуфа в небо, оставив после себя сверкающий огненный след.

С демона сыпались искры – там, где они падали, загоралась земля, а каждое пламя обретало новую форму – реальность раскалывалась с треском и шипением, и все новые сущности приходили в этот мир. Первыми в земли Тысячи Врат прорвались другие герольды – пешие, верхом на своих дисках или же восседающие на пылающих колесницах, запряженных воющими небесными акулами. Эти чемпионы Тзинча из Посеребренных Песков призывали своих слуг, созывая демонов сотнями во всех известных Рикьярду образ и формах – даже тех, что колдун никогда прежде не видел.

Кричащие и вопящие, горящие фигуры и летающие хищники прорвались через границу между мирами. Тайные заклинания рассыпались по небу потоками цветного пламени, в то время как розовые и голубые капли сыпались огненным дождем, покуда каждая благословенная Тзинчем сущность призывала все новых вопящих ужасов.

Рикьярд не обращал особого внимания на разворачивающееся демоническое пришествие. С каждым новым появлением он мысленно перестраивал свои расчеты. Колдун отслеживал и ассимилировал бесчисленных воинов легиона Хаоса, оценивая влияние такого огромного всплеска магии на расходящиеся мистические потоки, которые кружились вокруг Тысячи Порталов.

– Все дело в количестве, соблюдаемом равновесии и нужной траектории, – объяснил Рикьярд татоматону. – Действия и реакция... это и есть тот самый переломный момент. Когда все находится в движении... это и станет ключом для отпирания Мировых Врат.

Демоны пурпурными, розовыми и голубыми потоками собирались вокруг своих герольдов, легко перемещаясь по постоянно меняющемуся ландшафту.

Порожденные Звездами вскоре пробудятся, и Рикьярду стоит занять свое место, дабы воспользоваться их силой.

Подняв когтистую руку, колдун махнул своей смертной армии. Десять тысяч драгоценных камней засверкали, словно звезды, когда его мысленная команда прозвучала в умах последователей. Барабаны загревели, рога взревели, а трубы громко затрубили о наступлении.

Рикьярд ощутил перемены еще задолго до того, как что-либо увидел или услышал. Его диск успел преодолеть менее четверти расстояния до точки входа, где он позже сможет выровнять грани Панормикона. Бормотание и мяуканье демонов, хруст сапог и скрежет доспехов скрывали едва заметную рябь, распространяющуюся в насыщенном магией воздухе Тысячи Порталов. Колдун ощущал это возмущение, как сотню крошечных изменений в своих расчетах, мельчайшие фрактальные каскады, порождающие неправильно непропорциональные расхождения.

Изменения.

Он так хорошо это знал... Повелитель Перемен был его владыкой и проводником, но не рука Тзинча простиралась над долиной Тысячи Порталов – то было прикосновение Порожденных Звездами, воров, которые посмели украсть Мировые Врата у Великого Архитектора в далекие времена.

У них было собственное смертное имя, которое никак не передавало весь межпространственный ужас противоположности их природы. Слааны. Звездные Мастера. Небесные Владыки, посвятившие себя очищению всего, что было и могло быть. Очищающая сила, которая остановит миры на их орбитах и отделит их друг от друга на вечность, заключив все в космический янтарь стазиса.

Земля вокруг Рикьярда вновь начала меняться – вырастали окопы и стены, башни исчезали, а из тумана появлялись новые укрепления и огромные мерцающие бастионы. Внимание колдуна привлекла только что возникшая в нескольких сотнях шагов впереди стена из граненого пепла, в которой тут же появился еще один из тысячи порталов, а в нем – водоворот бурлящей энергии. Свет ни одной из звезд Владений Смертных не разливался по запутанному ландшафту, загрязняя лучи миниатюрных солнц. Тени начали сплетать сложные фигуры на фоне этого белого свечения, быстро превращаясь в фалангу голубых, покрытых чешуей ящеров.

Эти дремлющие воины, похожие на ящериц с желтыми глазами и яркими листьями вдоль костяных черепов, не уступали в росте самым сильным бойцам армии Рикьярда. Они несли изогнутые щиты из чешуйчатой кожи, украшенные заостренными костями и золотой каймой. Их конечности покрывало большое количество звездного золота в виде торков и ножных браслетов, наручей и

ожерелий, увенчанных острыми клыками и зловещими символами. Они двигались как одно целое, царапая когтистыми лапами твердую землю Тысячи Порталов.

Воины выходили из портала шеренга за шеренгой, возникая из самого света по воле их командиров – Слаанов. Рикьярд ожидал их прибытия – собственно, от этого и зависел его успех. И все же, его ошеломила явная свирепость присутствия Звездных Мастеров. Появление ящеров повлияло на водоворот концентрических вычислений, вынуждая колдуна быстро и радикально скорректировать свои расчеты.

Возникали все новые источники света – открылось еще более тысячи порталов, из которых появлялись новые когорты клыкастых и рогатых воинов. Вокруг этих плотных рядов зверей сновали более мелкие сцинки – быстрые и проворные, они несли в руках луки, дротики или же трубки.

Оглянувшись через плечо, Рикьярд узрел, как еще большая часть войска Слаанов ворвалась в реальность через порталы, возникшие позади его армии. Их появление ни в коем случае не удивило колдуна, поскольку он хорошо знал о репутации космических воинов и обычаях их звездных хозяев. Рикьярд был готов к тому, что противник сможет прибывать с любого из направлений – не то чтоб здесь, в Тысяче Порталов, такие материальные обозначения вообще были действительно необходимы. Ничто не могло быть здесь постоянным – все являлось либо отражением, либо искажением, тенью или же светом. Рикьярд поднял свой посеребренный жезл, верхушка которого сверкала желтым огнем. Вставленные в шлемы нескольких полков тяжелой пехоты, драгоценные камни засветились собственным охряным сиянием, и избранные воины Тзинча повернули назад, чтобы обезопасить тылы армии.

– Где же ты? – прошептал Рикьярд, оглядывая призматический ландшафт. Позади наступающих воинов-заурусов нимб золотого света превратился в струящуюся реку серебристо-голубого цвета звезд, извивающуюся вокруг себя подобно бесконечной змее. Более крупные фигуры, пересекая границы между мирами, менялись в хроматических колебаниях, превращаясь из неясных теней в огромных зверей, созданных для войны.

Пара бастиладонов размером с башню, ревя и фыркая, прошла через брешь. На костяных пластинах вдоль спины они несли таинственные небесные двигатели – на одном из них было закреплено устройство, увенчанное символами давно умерших предков серафона, а на другом – мерцающий золотом драгоценный камень размеров с человека с краями, которые сверкали в свете невидимой звезды. По краям от зверей стояли отряды сцинков, покрытые следами битв, направляя яркокожих саламандр. Запряженные Крикунами колесницы и огненные демоны возглавили контратаку, взмыв над головами отрядов Ужасов с восторженными криками. Брызги голубого и розового пламени охватили передние ряды заурусов, разбрызгиваясь по поднятым щитам рептилий каплями с крошечными и

смеющимися лицами. Боевые дубинки и мечи, усеянные кругляшками и осколками, разрывали пронсящих сквозь ряды воинов Крикунов, рубя шипастыми хвостами и пронзая колючими плавниками чешуйчатую плоть своих врагов. С первой из пылающих колесниц Тзаратуф Бессмертный выпустил стрелы демонической силы, создав вихрь огня, который опалил собравшиеся ряды Слаанов.

За Тзаратуфом следовали еще несколько демонических колесниц, каждая из которых несла в себе неуклюжих пылающих существ, извергающих из когтистых рук розовое пламя. Сопровождавшие их синие Ужасы пронзали заурусов копьями, выкованными из твердого пламени. Противники, в свою очередь, рычали и прыгали в воздух, используя свои заостренные щиты, чтобы разрывать внутренности Крикунов, а зазубренными молотами и топорами сбивали демонов с колесниц. После атаки Тзаратуфа огонь начал расползаться по щитам из шкур и позолоченным доспехам заурусов, разъедая их голубую чешую и мускулистую плоть. Демоны Хаоса и серафонты с пронзительным воем и звериным рычанием набросились друг на друга. Погибая, демоны взрывались фонтанами рассеиваемой энергии, в то время как заурусы возвращались в Небесное Царство вспышками полихроматического света, который отражался и искажался снова и снова зеркалами и призмами Тысячи Порталов.

Одной мыслью Рикьярд отправил часть своей армии с левого крыла в один из ближайших порталов. Дикие всадники и неуклюжие многоногие отродья исчезли радужной дугой черного, голубого и пурпурного цветов, появившись из полускрытых врат за спиной саламандр и разордонов. Сцинки, словно листья в бурю, разлетались в разные стороны, когда всадники обрушились на них с пронзительными боевыми кличами, в то время как бесформенные отродья заколотили по противникам дубинами и хлесткими лезвиями отростками. Кислотный огонь и залпы смертоносных шипов ответили кавалерии налетчиков и раздутым мутантам, но Рикьярду было совершенно наплевать на смерть своих последователей.

– Покажись, – пробормотал колдун, подавая знак Тзаратуфу разделить свое войско и попытаться окружить серафонов, все еще появляющихся из первых небесных врат. – Это не та битва, которую получится выиграть, отсиживаясь в укрытии.

Копыта грохотали, а когти скребли по неподатливому мрамору, когда рыцари Тзинча атаковали строй заурусов, восседавших на ледяных рептилиях. Окровавленные копья разбивались о чешуйчатую кожу, а копья с целеститовыми наконечниками пронзали пластины магической брони. Кони, которые обладали как собачьими, так и кошачьими чертами, вонзали стальные зубы в обнаженную плоть ледяных скакунов, не обращая внимания на острые когти, которые разрывали позолоченные кольчуги коней рыцарей.

Атаки стремительно сменялись контратаками – каждое движение и маневр, каждая маленькая победа и поражение изменяли возможность успеха. Посох Рикьярда сиял серебряным светом, когда он двигал свои силы с ловкостью игрока. Дядя обучил его всем возможным стратегиям ведения игры также, как и помогал с изучением тайной мудрости математики. Для Рикьярда Тысяча Порталов была доской, на которой он вел партию – каждый полк союзников или врагов был фигурой, которую нужно было точно расположить, а каждый проигрыш – изменением сложного уравнения, выжженного в мыслях Повелителя Изменяющихся Чисел. Возможности появлялись и исчезали с каждым мгновением, и все это время земли Тысячи Порталов перемещались и поворачивались – воздух становился камнем, скалы – воздухом, холмы – долинами, а окруженные стенами замки – зияющими пропастями. Местами земля разверзлась, поглощая целые полки, но лишь для того, чтобы рассыпать их, казалось бы, случайным образом по окружающему сфероидному ландшафту.

Но все это было не случайно. За каждым перемещением скрывалась цель или замысел. Тзинч являлся эмерджентным феноменом, паттерном внутри паттерна, предсказуемо непредсказуемым целым числом. Рикьярд был настолько близок, чтобы овладеть вечной формулой, но для выполнения своей цели он нуждался в Звездном Мастере, который приказал врагу показать себя. Только тогда, с помощью небесного отродья, колдун сможет полностью раскрыть чудеса Тысячи Порталов.

Крики сверху привлекли внимание Рикьярда. В битве сошлись сверкающие линии последователей Хаоса и серафона. Внутри орбиты плененных зарождающихся солнц открылся новый небесный разлом, из которого выплеснулась стая летающих рептилий. Террадоны последовали за бурей сверкающих дротиков, выпущенных их всадниками, и каждый из снарядов стал смертоносной молнией, которая вонзилась в вздымающуюся орду демонов.

Сквозь какофонию войны Рикьярд расслышал странный шум. Он повернулся, пытаясь отыскать источник странного кваканья. Ощувив его беспокойство, тотаматон ударил своими кинжальными руками, стремясь убивать тех, кто посмел побеспокоить повелителя. Нестройный визг риппердактилей становился все громче по мере того, как эскадрон крылатых тварей приближался к земле, раздувая свои ноздри и сверкая наконечниками копий всадников, сверкающих в лунном свете.

Что-то мелкое прыгнуло на ногу колдуна – жаба размером не больше его кулака. От незваного бородавчатого гостя расходился резкий запах. Рикьярд не заметил ее появления, но теперь вспомнил едва ощутимый всплеск магии, который возвестил об их призыве.

Он посмотрел на безобидную амфибию, а затем снова на риппердактилей. Злобные летающие рептилии, чьи охотничьи крики заглушили звуки сражающихся

армий, стрелой понеслись сквозь облака золотистого тумана прямо в сторону колдуна, словно бы привлеченные присутствием странной жабы.

Поморщившись, Рикьярд выхватил свой посох и выпустил струю магического пламени, которая испепелила двух ближайших к нему зверей и их всадников. Огонь пополз по крыльям третьей твари, но она, не обращая на него внимания, спикировала вниз и схватила тотаматона, совершенно не заметив скрежета острых когтей около своего клюва. Подняв живую машину вверх, летающая рептилия унесла ее прочь.

Держа в одной руке жезл, а в другой клинок, Рикьярд отразил удар копья следующего всадника и уклонился от щелчка острого клюва его зверя. Мгновение спустя небо наполнилось ослепительными искрами. Стая крикунов ворвалась в строй риппердактилей. Летающие хищники и демонические небесные акулы закружились в битве, щелкая клювами друг около друга, и поднимаясь ввысь обрушивали друг на друга град ударов клыками, шипами и когтями. Ливни крови и ихора пролился на Рикьярда подобно дождю.

Колдун продолжил свое наступление, мысленно приказывая армии последовать за ним. Он посылал все больше своих сил через переплетенные порталы, стремясь разделить и окружить врага. Серафонты тоже использовали постоянно меняющиеся пути, собираясь в отряды, чтобы остановить его продвижение, используя порталы, чтобы атаковать фланги армии Хаоса или укрыться от нападения рыцарей и их чудовищных спутников.

Не видя замка, к которому изначально направлялся, Рикьярд попробовал определить свое местоположение, уверенный, что он уже близок к тому месту, откуда ему удастся выровнять Тысячу Порталов и открыть Мировые Врата. Уравнение вспылало, кодифицируясь и затвердевая, словно застывшая кровь, превращаясь в существо из сырой субстанции, обладающее неудержимой силой.

Земля вздрогнула, опрокинув смертных и демонов. Плененные звезды бешено завращались вокруг друг друга, и в их центре вспыхнула новая звезда. Рикьярд отвернулся, на время ослепнув. Моргнув, чтобы отогнать остаточное изображение, он посмотрел на новый шар белого огня. Благодаря своему магическому взгляду, колдун мог видеть, что на самом деле эта сфера находилась не в области Тысячи Порталов, а пылала в конце бесконечно длинного туннеля. Ее энергия образовывала воронку в пространстве между Небесной Областью и Царством Хаоса, где и были заключены земли Тысячи Порталов.

Звездный Мастер возник внезапно, и его появление сопровождалось треском сжатого воздуха и грохотом грома, который прокатился по всей сфере Тысячи Порталов, отражаясь эхом и искажаясь невозможным образом. Выпуклый силуэт Слаана, так похожего на гигантскую амфибию, противоречил почти всем бесконечным знаниям и силам, которыми обладал Рикьярд. Существо восседало на паланкине, выкованном из трупов мертвых звезд, и было инкрустировано

символами из чистого целестита, которые окружали звездное отродье ореолом смертоносного защитного света.

Демоны взвыли и заверещали, узрев появление своего извечного врага. Отбросив план поддержки Рикьярда, они бросились к Слаану, отчаянно желая убить предвестника порядка. Серафон ответил им с такой же яростью, подстегиваемый холодным интеллектом своего создателя.

Вся видимость взаимодействия исчезла – деликатно-жесткая игра превратилась в безумное кровопролитие и непрерывную резню. Воины и демоны падали под обутыми в целестины ногами неистовых монстров, а лучи небесной энергии проносились сквозь ряды приспешников Хаоса, превращая тела в пепел и отбрасывая нечеловеческих созданий обратно в пустоту. Жрецы-сцинки, зависшие на высоте в своих пернатых плащах, были опорой для магии Звездного Повелителя. Они концентрировали импульсы энергии и короны защитной силы, превращая хрустальные земли в калейдоскоп постоянно меняющейся энергии.

Демоническое пламя поглощало ряды воинов-заурусов, а бури мутирующей силы сметали стрелков-сцинков, превращая их в дрожащие сгустки плоти. Пронзенная целым скопом демонических проклятий и тронутая пламенем Хаоса, кожа существ превращалась в стекло, мышцы – в камень, металл – в извивающуюся плоть. Из твердой земли прорастали похожие на деревья побеги, которые пронзали и рвали своими несчастных зазубренными хрустальными ветвями.

Рикьярд ворвался в самую гущу сражения – его рыцари атаковали снова и снова, прокладывая себе путь сквозь ряды серафонов. Повелитель Множества Чисел не заботился о их судьбах – их целью было умереть за него, и не более. Уравнение сокращалось по мере того, как он приближался к своей цели. Возможности и бесконечные перестановки таяли на глазах, пока судьба и реальность сходились в одной точке, которую он так рьяно искал.

Поддерживая смертью и разрушением, сила вздымалась и пенилась вокруг Рикьярда, словно прибой на скалистом берегу. Слаан являлся одновременно и замком, и ключом ко всему. Он был якорем, который связал Тысячу Порталов с их тюрьмой между мирами, и воля Тзинча станет клинком, который снова разрубит их на части.

Голова Рикьярда раскалывалась от гудящей, почти завершенной формулы, и он, торжествуя, поднялся по плоскому склону холма, снова узрев краем глаза здание, которое колдун впервые увидел, войдя в Тысячу Порталов. Его ноги оторвались от земли. Рикьярд, казалось, ступал по воздуху, но с другого ракурса он поднимался по ступеням света, спирально вздымающимся к высотам бестелесной башни. Колдун чувствовал, что подошел достаточно близко и при желании мог протянуть руку и коснуться Слаана...

Но вместо это Рикьярд поднял свой серебряный посох, внося последние коррективы в расположении слуг. С этими последними движениями, сопровождаемыми предсмертными судорогами стегадонов и криками раненых воинов, Тысяча Порталов выровнялась.

Сначала появился свет, белый и ослепительный, но затем он разделился, расщепляясь снова и снова, и меняя все оттенки спектра, как видимого, так и запредельного. Свет исчез, словно разбитое стекло, оставив после себя только бездонную черноту, темноту абсолютной пустоты.

Рикьярд почувствовал, как отворяются Мировые Врата, ощутив это каждой частицей своего существа – разворачивание измерений, пульсация энергий, расходящихся прочь и затем возвращающихся и сходящихся в центральной точке внутри его черепа.

Колдун узрел звезду в дальнем конце портала Слаанов, и последняя часть уравнения сложилась в его мыслях, а ее тайна вырвалась из сердца чуждого солнца.

– Я понял! – воскликнул Рикьярд, и его голос эхом разнесся во времени. – Теперь эта сила принадлежит мне!

Звезда становилась все ярче и горячее.

Ближе.

У Рикьярда возникло ощущение движения. Падения. Более того, его тащили, тянули к звездному дому Слаанов. Войдя туда, он разрушит барьеры между мирами и займет свое место по правую руку от Тзинча...

Бесформенное обрело формулу, и решение Вечного Уравнения открылось ему...

$$0 = \infty$$

Он на мгновение задумался.

$$\infty = 0$$

Должно быть, произошла какая-то ошибка. Как может быть бесконечное ничто. Что это бы могло значить?..

Звезда притянула его к себе, и ответ пришел к Рикьярду, когда ее листья коснулись его рассеивающегося тела и души, разнося частицы формы и мыслей колдуна.

Бесконечное ничто. Больше, чем смерть. Меньше, чем жизнь. Забвение.

Но он ошибся.

Рикьярд из Множества Чисел испытал чувство полной неудачи, но лишь на мгновение.

Затем он перестал существовать.

Слаан Ксаланксиманзик моргнул один раз и послал телепатический сигнал своим сцинкам о том, что пора заканчивать битву. Тысяча Порталов смолки, когда сарафонт исчез, а их формы памяти снова превратились в небесный потенциал. Ксаланксиманзик вернулся мыслями в область своего происхождения, оставив позади атрибуты смертной и сконструированной мысли.

Бросив демонов Хаоса и людей наедине с их саморазрушительными махинациями и конфликтами, Звездный Повелитель вернулся обратно сквозь Мост Измерений в Небесную Пустоту.

Битва с тем, кого звали Рикьярд, потребовала немалых усилий, а его решение распечатать Мировые Врата, было удалось.

Но не в этот раз.

Именно так и вернулся к вековому сну Ксаланксиманзик, и его дрейфующие мысли задвигались ко все более эзотерическим областям по мере того, как исчезали физические заботы.

От его почти дремлющего сознания отделился осколок сна и упал, как невещественное перо, уносимое в даль космическими ветрами, пока не опустилось в одно из Владений Смертных и не коснулся разума человека. Там он уютно устроился, пробуждая мысли, никогда прежде не возникали.

Возможно, на этот раз мистическая формула раскроется сама собой, и Мировые Врата распахнутся, обнажив сокровенную силу Тзинча и подвергая сердце Великого Архитектора опасности. Вращенное своим человеческим носителем, Вечное Уравнение вновь начало расти, подпитываемое торопливыми, отчаянными смертными амбициями, которыми Сланны никогда не смогут обладать. Существенная составляющая, отсутствующая переменная...

Фактор Хаоса.

*Переводчик – Потерянный сын Ангрона
Редакторы – Вова Моль, Лейтенант*

ВОСЬМАЯ ПОБЕДА ГРЭМ ЛАЙОН

– Сейчас ты умрешь во славу Кровавого Бога! – угрожающий вопль Крева Ловчего Смерти перекрыл шум битвы, и он обрушил свой огромный топор на сверкающую серебряную броню Грозорожденного Вечного, лежащего подле его ног. Воин успел откатиться в сторону и оружие воткнулось в пропитанную кровью землю. Взревев, Крев выдернул топор и отразил ответный удар чемпиона Бога-Короля.

Сделав шаг назад, он оглядел своего противника. Броня Вечного Воина выглядела потрепанной, серебряные пластины – смятыми и потертыми, а украшавшие их символы ненавистного Зигмара покрывали грязь и кровь.

Грозорожденный поднял свой меч и молот, и приготовился отражать атаку Крева. Бесстрастная позолоченная маска, закрывавшая лицо, не отражала эмоций, но последователь Кхорна мог бы поклясться, что его противник улыбается.

– Смерть, похоже, не спешит на встречу со мной! – воскликнул Грозорожденный, и его голос отозвался странным эхом из-под маски. – Быть может, она ожидает тебя?

Крев взмахнул топором, но Рожденный Бурей, отразив удар мечом, контратаковал молотом. Воин в серебряных доспехах продолжил наступать, и теперь Крев шаг за шагом пятился назад, отчаянно парируя выпады приспешника Зигмара. Наконец, вместо очередного отхода чемпион Кхорна ударил ногой, и его ботинок поразил голень серебряного воина. Грозорожденный вновь упал, дав Креву передышку. Кхорнит отскочил в сторону и поднял свой топор.

Чемпион Зигмара стремительно вскочил на ноги и обернулся к противнику. Его плащ вспыхнул энергией, и в Крева устремились магические заряды в виде мерцающих молотов. Ловчий Смерти успел отбить один из них топором, но остальные попали в цель, и чемпион Кхорна застонал от боли. Грозорожденный снова рванулся вперед, и сокрушительный удар молота выбил оружие из рук Крева. Прихвостень Зигмара вонзил меч в ногу Ловчего Смерти, и тот, закричав от боли, повалился на одно колено. Грозорожденный отбросил молот, пнул топор Крева в сторону, и взялся за меч обеими руками.

– Такая судьба ждет всех тиранов, – произнес он замогильным голосом. – Зигмар повелевает...

Грозорожденный еще не успел договорить, как в него врезался огромный зверь, и воин, выронив меч, рухнул на землю. Крев улыбнулся и поднялся на ноги.

– Молодец, мой хороший, – ласково сказал чемпион Кхорна. Гончая плоти

взвыла, и, выцеливая новых врагов, бросилась в бой. Крев наклонился, подбирая упавший меч Грозорожденного.

– Зигмар повелевает, не так ли? – зашипел он на покрытого грязью воина. – Когда увидишь его, передай, что Крев Ловчий Смерти плевал на его волю!

Чемпион Кхорна взмахнул мечом и ударил по шее воина Бога-Короля. Голова еще мгновение катилась по земле, а затем вместе с телом начала распадаться на мерцающие частицы света. Крев выбросил меч – он тоже растворился. Последовала похожая на молнию яркая вспышка, и Грозорожденный исчез в раскатах грома.

Крев огляделся в поисках новых врагов, но, кажется, битва шла к своему завершению. Чемпион Кхорна заметил, как Гарса сражается с группой крылатых Вечных Воинов. Дробитель Черепов раскачивал по широкой дуге цепь, на конце которой висела наковальня, цепляя Обвинителей и стягивая их вниз. В другом месте Несущие Смерть близнецы, вращая топорами и щитами, сражались спина к спине, парируя огромные грозовые молоты горстки Воздаятелей.

Самым впечатляющим из всех выглядел Корот, главный Несущий Смерть племени. Рогатый чемпион повел группу Кровавых Налётчиков на строй Освободителей. Там, где обрушивался его огромный ужасающий топор, сразу же умирал Грозорожденный.

– Воистину, Кхорн благоволит ему, – раздался голос за спиной Крева. Он обернулся, вскинув свой топор, и увидел высокую стройную фигуру Дрейна, своего единственного оставшегося в живых Жреца Бойни. Топор старика, его лицо и грудь обильно покрывала кровь.

– Мы все связаны, Дрейн. Мы уже одержали над этими небесными захватчиками семь великих побед во имя Бога Крови. Мы все возносимся в его глазах.

– Да, милорд, – согласился Жрец Бойни. – Ничуть не больше, чем вы. Но даже в этом случае... он поистине силен.

– И он служит мне, Жрец. Разве это не делает меня еще могущественней? Некоторое время Дрейн молчал, внимательно разглядывая Крева.

– Как скажете, милорд, – наконец согласился он.

Битва закончилась.

Празднование победы было в самом разгаре. Вокруг погребального костра пировали выжившие, пожирающие отборное мясо павших. Воины хвастались своими совершенными в бою подвигами, мерялись полученными шрамами и состязались в боевом мастерстве.

Но Дрейн выглядел встревоженным. Он сидел в стороне от шумного веселья, размышляя о потерях. Жрец Бойни смотрел на Крева и гадал, что же будет дальше.

В конце концов, военачальник встал и обратился к толпе: все стихли и устремили свои взгляды на Крева. Чемпион Кхорна медленно обошел костер, всматриваясь в его ревущее сердце, а затем оглядел собравшихся воинов.

— Мы одержали семь побед над слугами Зигмара, — в ответ на его слова раздались радостные возгласы пьяных Кровавых Налетчиков. Крев проигнорировал их и повысил голос. — Они послали против нас семь могучих армий, и семь раз мы отправили их обратно в небесный дом, где им придется ответить за свое поражение перед Богом-Королем!

Он остановился и оглянулся, поймав взгляд Дрейна. Жрец Бойни заметил что-то в глазах Крева и поспешил отвернуться.

— Мы стоим на краю нашей судьбы, мои Ловчие Смерти. Семь великих побед... да, об этом ходят легенды. Но восьмая...

Он снова сделал паузу.

— Как мы все знаем, восемь — это святое число. Каждый из нас идет по восьмеричному пути. За мной следуют восемь чемпионов, которые ведут вас в бой. Наше племя составляют восемь боевых отрядов. Так какая же сила ждет нас, когда мы одержим восьмую победу над этим врагом? Как Кхорн вознаградит своих сыновей за то, как мы его почитаем?

Снова раздались радостные возгласы и скандирование имени Кровавого Бога.

— Я расскажу вам, что произойдет, друзья мои, ибо Кровавый Бог говорил со мной. Он требует от нас еще одной победы, еще одной великой резни в честь его имени. И когда мы добудем ее, я, Крев Ловчий Смерти, вознесусь к бессмертию!×Я стану демон-принцем и буду шагать по царству смертных, словно колосс!

Когда восторженные крики достигли апогея, Дрейн отыскал взглядом других членов Волны Кровопролития, чемпионов Крева. Четверо Несущих Смерть сидели рядом. Каждого из них лишь недавно посвятили в члены Волны, заменив ими погибших в семи битвах чемпионов. Они были так молоды и так наивно веровали в то, что Крев видит их будущее... Даже сейчас юнцы смотрели на военачальника с восхищением.

Гарса Дробитель Черепов сидел среди группы Кровавых Налётчиков. Выражение его лица было непроницаемым, а глаза внимательно следили за Кревом. Рядом с ним стоял стоял Черен, прислонившись широкой спиной к большому идолу Кхорна, который он носил в битве. Осквернитель Крови выглядел так, словно бы спал, но Дрейн был уверен, что чемпион вслушивается в каждое слово Крева.

Наконец, Жрец Бойни посмотрел на Корота. Как и Дрейн, тот сидел один, на самом краю круга, освещенного костром. Воин монотонно водил точильным камнем по лезвию своего ужасающего топора и поглядывал на военачальника с нескрываемым презрением, напоказ уделяя куда больше внимания заточке своего оружия.

– Это дурное предзнаменование, – прошептал Жрец Бойни. – Это очень дурное предзнаменование...

– Так больше не может продолжаться!

Голос Гарсы прорезался сквозь шум толпы. Остальные воины Волны Кровопролития замолчали и разом обернулись, чтобы посмотреть на него. Праздник закончился, все племя разошлось по своим палаткам, за исключением валяющихся в беспамятстве – от выпитого алкоголя или же после состязаний по битью головами. Остались только чемпионы Волны Кровопролития, вынужденные обсуждать дальнейшие действия.

– Крев – наш повелитель, Корот. И что ты хочешь, чтобы мы сделали? – спокойно спросил Дрейн. Высокий, худощавый Жрец Бойни шагнул вперед, в свет костра, и оглядел Гарсу с ног до головы. – Ты хочешь бросить ему вызов?

Корот промолчал и Дрейн, пренебрежительно фыркнув, отвернулся.

– Я так и думал. Никто из вас не посмеет испытать себя в бою против него. Вы не сделали этого несколько месяцев назад, а сейчас, когда он близок к своему перерождению, тем более не осмелитесь! Труссы! Можете шептаться и скулить, стонать и жаловаться, но не действовать!

– Это ты осмелился назвать нас трусами, старик? – спросил Корот. – Жрец Бойни, которому едва хватает сил поднять топор... Ты настолько обезумел?

– Желаете испытать меня, Несущий Смерть? – Дрейн рассмеялся и повернулся к Короту. – Боишься бросить вызов своему повелителю, и вымещаешь свое разочарование на старике?

– Не искушай меня, – прорычал воин, сжимая свой топор так, что у него побелели костяшки пальцев.

Дрейн отвернулся от Короты и обратился к остальной Волне Кровопролития.

– Крев вел нас от победы к победе, и он не ошибся насчет ожидающей его награды!

– А как же остальные? – спросил Черен. – Нас осталось мало. Неужели наш господин без сомнений отбросит наши жизни, пытаясь угнаться за своей судьбой?

– Если придется пожертвовать собой, чтобы обеспечить восхождение Крева к демоничеству, я охотно отдам жизнь, – заявил Цзян. Глаза молодого Несущего Смерть горели огнем праведного фанатизма, и Дрейн не сомневался, что он говорит правду.

– Как насчет остальных? – спросил Жрец Бойни. – Если ради победы нашего господина потребуется отдать свои жизни, вы сделаете это?

Последовало долгое молчание.

– Нет, – наконец прорычал Корот. – Не собираюсь делать этого. Мы выиграли

много битв для него, так добудем ему последнюю победу, или просто заберем ее себе. Но я брошу вызов Креву и одержу над ним верх!

Крев вышел из своей палатки навстречу яркому утреннему свету, и увидел, что его ждут восемь воинов Волны Кровопролития. Они выстроились полукругом, во главе которого стоял Корот.

– Что это? – спросил Крев. – Чего вы хотите от меня, мои чемпионы?

– Путь, по которому ты нас ведешь – безумен, – тихо прошипел Корот. – Я больше не хочу в этом участвовать. Сражения, в которые ты нас втянул, обескровили племя. Нужен приток свежей крови, если хотим проливать еще больше красной влаги во имя Кхорна.

– Мы стоим на пороге величия, мой Несущий Смерть, – ответил Крев. – Ты понимаешь это?

– Я понимаю, что тебя заботит лишь собственная судьба, – ответил Корот. – Для воина это уместно. Для лидера... нет. Я бросаю тебе вызов, Крев Ловчий Смерти. Встреться со мной в битве за право вести племя!

– Очень хорошо. Будем сражаться насмерть, – ответил Крев с улыбкой, пристально посмотрев в лицо воину Волны Кровопролития.

– До смерти, – согласился Корот.

– Ну так чего же ты ждешь, Несущий Смерть?! – прокричал Крев, разведя руками и указав на собравшихся воинов Волны Кровопролития. – Нужна моя голова? Иди и возьми ее!

– Так и сделаю! – фыркнул Корот и бросился вперед, направляя свой массивный топор в шею Крева. Военачальник поднырнул под атаку и ударил Несущего Смерть в живот, отбросив его назад. Чемпион зарычал в гневе.

– Бери свой топор и сражайся как следует, Крев! – взревел он.

– Мне не нужен топор, – спокойно ответил военачальник. – Бог Крови благоволит мне.

– Глупец, опьяненный собственной силой и слепо верящий в свое бессмертие! Я докажу тебе, как сильно ты заблуждаешься! – Корот снова взмахнул топором, нанеся удар плашмя, и сбил военачальника с ног. Крев перекатился и быстро вскочил на ноги. Воины кружили вокруг друг друга, и военачальник заметил, что остальные бойцы Волны Кровопролития двинулись вперед, стремясь окружить их. Крев улыбнулся, и, запрокинув голову, закричал в небеса:

– Мой повелитель Кхорн! Магистр Войны, Жнец Черепов, Проливающий Кровь – услышь мою молитву! Помоги своему преданному слуге и докажи всем присутствующим, что я в твоей милости! Пронзи этого выскочку и принеси мне победу!

На мгновение воцарилась тишина. Корот остановился и удивленно уставился на Крева.

– Это что, и есть весь твой план? Призвать Кхорна убить меня, потому что сам этого сделать не в силах? – он рассмеялся. – Теперь ты умрешь, – Чемпион шагнул вперед, размахивая топором, и ударил Крева в грудь, оставив длинный порез на его плоти. Военачальник отшатнулся, и Корот повернулся к воинам Волны Кровопролития.

– Вот видите! Тот за кем мы следуем – трус, который знает, что не сможет победить меня! В отчаянии он призывает помощь, которая никогда...

Он замолчал, когда раздался раскат грома, похожий на смех бога, и над его головой промелькнула тень. Корот поднял голову и увидел огромное багровое облако. Пока он смотрел в небо, начался дождь. Густые капли ярко-красной крови падали вниз, орошая землю красным. Крев протянул руки, приветствуя ливень.

– Ты что-то говорил, Корот?

Несущий Смерть покачал рогатой головой и зарычал.

– Обман! Как ты это сделал?!.. – Его слова превратились в сдавленный крик, когда первые капли крови попали на его плоть и она зашипела. – Что... как ты?!.. –Корот завопил, когда ливень превратился в настоящий поток. Вопль быстро оборвался, поглощенный дождем, обратившим плоть чемпиона в пепел.

Крев шагнул вперед, внимательно посмотрел в лицо каждому из семи воинов Волны Кровопролития. Он указал на кучу пепла, которой стал чемпион.

– Еще кто-нибудь желает бросить мне вызов?

В последующие дни племя готовилось к самой величайшей битве – той, которая возвысит всех в глазах Кровавого Бога, а их повелителя сделает демоном. Весть о победе Крева над Коротом быстро распространилась, и казалось, теперь никто не сомневался в том, что Кровавый Бог благосклонен к военачальнику, или что еще одна победа будет за ними.

Но Дрейн оставался встревоженным.

Сложно было умалить значимость Несущего Смерть в сражениях последних месяцев. Им предстоит сражаться против грозного воинства Грозорожденных без силы Корта и малым числом. Крев знал это, так почему же он допустил гибель Несущего Смерть? Жрец Бойни попытался обсудить этот вопрос с военачальником, но тот лишь отмахнулся от его опасений, и снова заговорил о судьбе.

Разведчики принесли известие о том, что с берегов Бесплодного моря движется целая армия Грозорожденных. Времени на раздумья не осталось. Битва начнется через несколько часов, но ее исход все еще оставался неясным.

Жрец Бойни посмотрел вдоль линии фронта: когда-то в их рядах были тысячи,

а теперь осталось всего несколько сотен. Большинство Кровавых Налетчиков стояли без брони, они были слабо дисциплинированы. Небольшие группы Кровавых Воинов мазали себя аллй жизненной влагой и возносили молитвы Кхорну. Остальные члены Волны Кровопролития стояли в линии, возглавляя авангард, как самые сильные и умелые бойцы.

– Наших сил будет недостаточно, – произнес Дрейн вслух.

– Так оно и есть, – ответил Крев позади него.

– Милорд, нас слишком мало. Я пытался не обращать на этот факт внимания и довериться вере... Но моя вера – вера в сталь, а мое поклонение Богу Крови совершается в битве. А теперь я смотрю на эту армию Зигмара и понимаю, что одной стали будет недостаточно.

– Ты так мало понимаешь, Жрец Бойни, – Крев отрицательно покачал головой. – На моей стороне благосклонность Кхорна. Я вознесусь. А все остальное не имеет значения.

Дрейн открыл было рот, чтобы ответить, но военачальник поднял руку.

– Мы с тобой останемся, чтобы наблюдать за битвой позади наших рядов, – приказал он.

– Милорд! – в ужасе воспротивился Жрец бойни. – С таким малыми силами нам потребуется каждый воин! И чтобы не сражаться...

– Мой приказ окончателен, Дрейн. Поверь мне – я знаю, что делаю.

С этими словами военачальник повернулся и зашагал прочь, оставив Жреца Бойни наедине со своими мрачными мыслями.

Сражение началось на рассвете. Армия Грозорожденных была невелика – всего несколько сотен воинов, но каждый из них являлся великаном, облаченным в почти непробиваемые доспехи бирюзового цвета. Сила шторма кружила вокруг их оружия. В центре, на спине огромной бронированной рептилии восседала гигантская фигура, закутанная в малиновый плащ. Вот лидер взмахнул молотом, и строй Грозорожденных двинулся вперед. Их встретила толпа воюющих Кровавых Налетчиков. Они бросились на стену щитов, размахивая топорами. Слуги Зигмара умирали, но воинов Кхорна было слишком мало. На каждого из закованных в доспехи великанов приходилось по пять Кровавых Налетчиков, которые теперь лежали выпотрошенными в грязи.

Несущие Смерть близнецы были первыми из Волны Кровопролития, кого постигла смерть. Они прорвались слишком далеко в ряды врага, их малочисленный боевой отряд быстро растаял под ударами воинов Зигмара. Близнецов окружили. Братья сражались храбро и умело, забрав с собой два десятка Освободителей Грозорожденных. В конце концов, они пали. Дрейн передал эту новость Креву. К

удивлению и ужасу Жреца Бойни, военачальник воспринял новость с улыбкой.

– Хорошая смерть! – произнес Ловчий Смерти. – Чего еще может желать воин?

Следующим был сражен Кровоосквернитель Черен. Он воткнул своего идола в землю, и, окруженный отрядом Кровавых Воинов, яростно защищал его. Черен воззвал к силе идола, призывая гнев Кхорна. Реальность вокруг него раскололась, и царство Хаоса слилось с миром смертных. Атаковавшие его отряды Грозорожденных состояли из огромных воинов с топорами в рост человека, способных одним ударом расчленив нескольких берсеркеров. Как только земля стала медной, а воздух наполнился сернистыми испарениями, продвижение Грозорожденных замедлилось, но этого было недостаточно. Они оттеснили магию Хаоса, с каждым шагом сражая Кровавых Воинов, и вот Черен пал.

Он умер с топором в руках, и с именем Кхорна на устах. С его смертью оборона левого фланга Налетчиков рухнула, а победа стала казаться все более призрачной.

Дрейн повернулся к Креву.

– Милорд, умоляю вас, позвольте мне вступить в битву! Мы проиграем, если только...

– Ты вступишь в битву тогда, когда я этого пожелаю. И не раньше, Жрец Бойни.

– Милорд, я не понимаю вашей стратегии!

Крев повернулся к нему, яростно сверкая глазами. Впервые Дрейн заметил нимб силы, окружавший военачальника. Он поклонился и отошел в сторону. У Дрейна зародились очень мрачные подозрения относительно цели, которой на самом деле добивается Крев.

На правом фланге Крушитель Черепов и его небольшой боевой отряд Пожинающих Ярость столкнулись с предводителем воинства Грозорожденных. Первым же серьезным взмахом наковальни Гарса пробил череп зверя, на котором ехал Лорд-Целестант, и сбросил того на землю. Последующий удар был заблокирован молотом Грозорожденного, что дало воину Зигмара время подняться на ноги. Военачальник сбросил плащ и повернулся лицом к Крушителю Черепов, в то время как его телохранитель, вооруженный руническим посохом, сражался с Пожинающими Ярость.

Битва между Лордом-Целестантом и Крушителем Черепов стала долгой и

изнурительной. С каждым взмахом наковальни Гарса пробивал зигмаритовые пластины брони и ломал кости, но чемпиона Бога-Короля было не сломить. Там, где его молот задевал тело Крушителя Черепов, проскакивала молния, обжигающая плоть. Схватка затягивалась, оба воина начали замедляться. В конце концов Гарса бросил свое оружие, и с яростным нечленораздельным ревом устремился к Грозорожденному. Он сорвал с головы воина бирюзовый шлем, и, схватив военачальника за горло, приподнял над землей, усиливая свою хватку. Даже когда его кости лопнули, а горло было раздавлено, Грозорожденный использовал последние силы, чтобы нанести мощный удар. Боек молота чемпиона Зигмара, заполнив пространство разрядами небесной силы, уничтожил тело Крушителя Черепов.

Оба воина упали на землю. Тело Грозорожденного исчезло в потрескивающей дуге энергии, устремляясь ввысь, а Гарсу втоптали в грязь.

Остальные Несущие Смерть пали, когда Грозорожденные прорвали последние ряды Ловчих Смерти. Их гибель не была славной, но они держались до последнего и пролили достаточно крови.

– Теперь ты понимаешь, Жрец Бойни?

Дрейн обернулся и увидел Крева, стоящего позади с топором в руке. Военачальник казался еще больше, чем когда-либо, сила, что протекала вокруг него, теперь, казалось, наполняла все его тело. Жрец медленно покачал головой.

– Нет, милорд. Это не победа. И все же сила вокруг вас осязаема. Каков бы ни был ваш план, он удался.

– Почти, мой старый друг. Осталось сделать еще кое-что, – военачальник поднял свой топор, и внезапно Дрейн все понял.

– Эта битва никогда не станет твоей восьмой победой, – произнес он. – Так оно всегда и было.

– Кхорну все равно, откуда течет кровь, и ты это прекрасно знаешь, – Крев кивнул и двинулся вперед. – Он принимает смерть своих последователей также охотно, как и врагов. Иногда они оказываются даже предпочтительнее. Кхорн жаждет черепов, Дрейн, и это единственное, что он не может взять от мерзких Грозорожденных.

– Битвы, которые мы выиграли, привлекли внимание Кровавого Бога к тебе! – воскликнул Жрец бойни. – Но настоящей жертвой станут черепа твоих чемпионов.

– Восемь черепов достойных героев, отданные в битве. Первый он забрал сам, когда я попросил. Вот тогда-то я все понял.

– Дуэль, – прошептал Дрейн.

– Да! Сегодня он забрал еще шесть. Остается только один, Жрец Бойни. Твой.

Отдашь его добровольно или же станешь биться?

Дрейн глубоко вздохнул и поднял свой топор, крепко сжав его обеими руками.

– Я сражусь с тобой, Крев Ловчий Смерти. Моя честь не позволит мне поступить иначе.

– Хорошо, – улыбнулся Крев. – Умри достойно, Дрейн.

Мерос Хранитель Клятв, Лорд-Реликтор Поборников, поднял руку, чтобы остановить наступление Обвинителей.

– Подождите, – приказал он. – Что там происходит?

На гребне холма, позади разбитых остатков орды Хаоса, столкнулись в битве две фигуры. Они были настоящими гигантами – один худой и поджарый, а второй громоздкий и светящийся едва сдерживаемой силой. Оба воина сражались со впечатляющим мастерством, размахивая огромными топорами с быстротой и изяществом, уклоняясь и парируя, как истинные бойцы.

– Они набросились друг на друга, – усмехнулся Иатор, Первый Вершитель. Воин поднял лук и наложил на тетиву стрелу. – Мне стоит решить исход битвы, милорд?

– Нет, – Мерос покачал головой. – Думаю, нам не стоит вмешиваться.

Он еще пожалеет о своем решении, пусть и недолго. Пока Лорд-Реликтор смотрел на битву, более массивная фигура одержала вверх, нанеся удар, разрубивший рукоять топора противника, и отбросила противника. Затем воин ударил сверху вниз. Топор рассек худощавого бойца от паха до ключицы. Победенный рухнул на землю, а победитель отбросил свой топор и начал смеяться. Аура силы вокруг него стала ослепительно яркой и Меросу пришлось отвести взгляд. Лорд-Реликтор почувствовал перемену в воздухе, и все его чувства закричали об опасности.

– Стреляйте в него! – закричал Лорд-Реликтор. – Убейте его, прежде чем...

Но было уже слишком поздно. Смех фигуры превратился в крик боли, ярости и... торжества? Свет померк и Мерос огляделся. Кожа воина распадалась, мышцы таяли, а вены распускались, образуя вокруг фигуры кровавое облако. Его кости растягивались и деформировались, разрастаясь и покрываясь чем-то, похожим на медь. Кровавое облако вновь сомкнулось на увеличенном скелете, облекая его в мускулы и плоть – влажную и кроваво-красную.

– Демон, – выдохнул Мерос. – Демон! Убейте его!

Обвинители прицелились и выстрелили, но их стрелы распались около фигуры. Демон вновь засмеялся, теперь этот звук стал более гулким и нечеловеческим. Только что переродившийся демон-принц повернулся к Меросу и

ухмыльнулся, обнажив ряды заостренных клыков в окровавленной пасти. Он взмахнул рукой, в которой возник огромный топор.

Демон-принц вскинул свое оружие в воздух...

– *Придите, дети Кровавого Бога!* – взревел он, и из ниоткуда появились существа из крови и меди. Худые и длинноногие, с зазубренными мечами в руках, ряд за рядом они материализовывались, проникая в мир смертных через истончившийся барьер между реальностью и хаосом.

– Мы проиграли эту битву, – крикнул Мерос. – Отступайте, братья. Отступаем!

Они отступали, но Мерос не мог оторвать глаз от демон-принца. Существо взмыло в воздух, несомое огромными черными крыльями, и устремилось к нему.

Мерос Хранитель Клятв умер в одно мгновение. Он даже не успел поднять свой молот.

Крев Ловчий Смерти, демон-принц Кхорна, оторвал голову Грозорожденного от тела и отбросил в сторону, где она рассеялась во вспышке света. Вокруг него орда демонов, хлынувшая из царства Кровавого Бога, набросилась с адскими клинками на Небесных Воинов. Грозорожденные храбро сражались, но демонов было слишком много, а силы воинов Зигмара истощились после сражения с Ловчими Смерти.

Вскоре битва закончилась.

Крев Ловчий Смерти одержал восьмую победу.

Переводчик – Krysoogr

БЕСКОНЕЧНАЯ ГРОЗА

НИК КАЙМ

Гхаар'ет, называемый своими последователями Сыном Войны, наблюдал за грозой в напряженном молчании. Все его соперники были мертвы, превратились в кровь и внутренности у его ног и ног его воинов. Небольшое войско, но они победили их. Порубленные части тел Арканитов, расшвырянные по всему Гаргантюанскому хребту, были свидетельством растущей мощи и амбиций Кователей Крови и Сына Войны. Вскоре весь План Зверя принадлежал бы ему и Кхорну.

До этого момента. До грозы...

Она с горячностью билась в небе, буря ярилась, сверкали яростные лазурные молнии.

– Что это означает, Скарку?

Жрец бойни остановился на куче черепов, запрокинул голову и посмотрел на темнеющее небо. Зловещие сумерки опустились на горы, бросая тени поперек огромных древних костей, из-за которых хребет и получил свое название.

– Это знамение, – прошептал он через бритвенно-острые зубы. - Призыв. Кхорн зовет нас в бой, Сын Войны.

Гхаар'ет чувствовал то же в своей крови - жестокий, ненасытный позыв. Призрачный сильный ветер неистовствовал на хребте, избавляя воздух от зловония крови и заменяя его чем-то другим. Дождь... сталь... молнии. Ворча, Гхаар'ет надел шлем из черного железа. Глазные щели изображала метка Кхорна, поднимаясь над головой парой рогов. Шлем, словно влитой, вцепился ему в лицо. Другие отметки оскверняли его голую плоть - подсчет убийств и проклятья демонов.

– Оставьте это мясо, – проворчал Сын Войны своим воинам, взяв свой адолезвийный топор, застрявший в трупе короля-колдуна Арканитов.

Налетчики его Кователей Крови оставили туши Арканитов и взялись за оружие. Некоторые недовольно роптали, но перспектива близкой битвы и убийства подавляла любое серьезное недовольство.

– Темный пир может подождать, – сказал он Скарку, привязывавшему к поясу рубиново-красный череп. Он взял с трупа Арканита его украшенную перьями боевую маску, скрыв под ней оскаленный рот.

– Кхорн вновь зовет, – сказал жрец.

– И пусть кровь течет... – ответил Гхаар'ет, но его взгляд был прикован к молниям, низвергающимся с небес.

После они спустились с Гаргантюанского хребта, пересекли сложенный из костей Мост Бездны и достигли Варнагорной равнины. Четыре огромных тотема на красной земле этой глубокой долины поднимались так высоко, что, казалось, пробивали облака. Никого из тех, кто поднялся по ним достаточно высоко, больше не видели. Ходили слухи, что эти тотемы, высеченные в виде лиц чудовищных левиафанов, были творением рук смертных, построенные, дабы служить мостом между мирами.

Подобные разговоры разжигали в Гхаар'ете гнев, и он убивал всякого, кто посмел повторить этот слух. Но когда он увидел золотого воина, стоявшего между этих четырех столбов, он начал задаваться вопросом, не были ли дураки, чьи черепа теперь украшали его вешалку для трофеев, действительно правы.

Но теперь это не имело значения. Когда золотой воин повернулся, Гхаар'ет увидел мощь его движений и бесстрастную маску и понял, что нашел достойного противника своей ярости. Скарку что-то бессвязно выкрикивал, плюясь кровавой слюзью, ярость настигла его.

Гхаар'ет поумерил гнев жреца бойни и остудил горячую кровь своих воинов.

— Осторожнее, — произнес он, не отводя взгляда от золотого воина, размахивавшего молотом и щитом с изображением чистого неба, подобного которому Гхаар'ет никогда прежде не видел. — Этот мой.

Он поработил многие другие боевые банды, уничтожив тех, кто не хотел ему подчиняться... Три Глаза, Змеецы, даже Изменители Плоти Арканиты, чья кровь все еще алела на клинке его топора. Но никогда в своей жизни он не видел боевых банд с символикой, похожей на эту. Его кровь горячилась, когда он представлял бой с этим воином.

Никто не смеет перечить ему - Гхаар'ет убил всех своих соперников Кователей Крови, поэтому, когда он шагнул на площадку между тотемами, он рассчитывал лично уничтожить этого чемпиона.

— Ты смотришь, мой повелитель Кхорн? — прошептал он, прежде чем указать на золотого воина топором. - Грозовой Налетчик... — крикнул он навстречу буре и ветру, которая поднялась навстречу ему, — Мой топор жаждет твоей крови! Твой череп украсит мой победный храм. — С грозовых небес на его золотые доспехи проскочил разряд. Гхаар'ет мог думать об этом воине только как о грозовом налетчике, и когда тот заговорил, голос его оказался воистину громовым.

— И вот, Зигмар видит всю испорченность Хаоса и все многообразие порожденного им зла.

Гхаар'ет нахмурился, — Зигмар? — он неудержимо расхохотался, когда грозовой налетчик указал на него молотом и принял вызов. — Зигмар мертв! Кхорн убил его, высосал мозг из его костей и пил его кровь, пока в сморщенном трупe не осталось ничего! Ха! Ты не от Зигмара, мерзавец. Сейчас я покажу тебе, почему...

Он навалился на золотого воина, размахивая топором. Первый удар Гхаар'ета пришелся на щит воина, который издал звон, резонирующий с бурей. Отпрыгивая в сторону, уклоняясь от ответного удара молота Гхаар'ет ударил шипованным кулаком в незащищенный бок золотого воина и был вознагражден стоном боли. Тогда Грозовой Налетчик нанес ответный удар, пришедшийся в плечо чемпиона Хаоса, обжегший его яростью молнии. Гхаар'ет отпрянул, но превозмог боль, чтобы изучить красную жидкость, оставшуюся на лезвиях кулака.

– Итак, под этими золотыми доспехами скрывается плоть. Ты кровоточишь.

Тяжело дыша, золотой воин закричал - Азир! Он двинул его щитом с трещиной в том месте, куда глубоко впился гхаар'етовый топор, но Сын Войны успел увернуться. Он завертелся - ноги заплясали, он замахнулся топором - все единым движением, пока не почувствовал хруст связок и костей.

– Ты должен кое-что понять, Грозовой Налетчик... – Гхаар'ет преследовал золотого воина, который, шатаясь, пытался уйти прочь. Но он не мог уйти далеко. Адский клинок впился в золотого воина и Гхаар'ет сжал рукоять, словно поводок.

Фонтан крови вырвался из рта золотого воина и Гхаар'ет слышал, как кровь хлещет внутри золотой маски, прежде чем стечь по шее воина. Грозовой воин попытался что-то ответить, но вместо этого упал на колени.

– Это земля Кхорна, – сказал Гхаар'ет, вырывая свой топор и вызвав вопль агонии от противника. – И он сделал меня ее хранителем.

– Сейчас... – начал он, перехватывая рукоять топора обеими руками и разглядывая шею золотого воина, – Я тебя... – ослепительная вспышка света прервала его клятву, молния с прожилками вырвалась в бурлящие небеса, забрав с собой труп и снаряжение воина.

Гхаар'ет проследил за ней и увидел, что он вел за тотемы.

– В этой грозе я чувствую запах войны. – сказал он своим последователям, которые собрались, дабы увидеть его победу.

Схватив свой топор, он поставил одну обутую ногу на тотем, укрепился и начал подниматься...

В Лавовых песках появилась пасть змия, пожиравшая корчащихся в агонии кровавых налетчиков, исчезающих в ее огромных челюстях. Они стояли слишком близко к пасти великого зверя, они были слишком медленны и слабы, чтобы выбраться из песка, притягивающегося напрямиком в пасть. Их товарищи из Связанных Кровью громко хохотали над их несчастьем. Таким образом Кователи Крови скрывали собственный страх.

Через пасть змия проглядывал гигантский пищевод, пульсирующий, горящий омут, втягивающий в себя песок и изрыгающий огонь.

Это был не просто зверь - врата в другое место, другой мир. Когда Сын Войны залез на тотем, слева, в ущельях Гаргантюанского хребта образовался огненный ад из лавовых песков. Гхаар'ет знал, что именно может ему дать пересечение этого места.

Последователей, черепа и благосклонность Кровавого Бога. Великое множество воинов присоединилось к его армии с тех пор как он победил Грозового Налетчика и взобрался на тотем без страха и сомнений, но, как и у Кхорна, его жажда крови и власти никогда не может быть утолена. Он всегда хотел большего.

Гхаар'ет стоял на палубе ржавого металлического адского баркаса с царским высокомерием, одной ногой опираясь на палубу, а другой - увенчанный лезвием нос. Стремясь избежать участи своих съеденных товарищей гребцы гнали броненосец из всех сил, разжигая кровь в своем сердце, чтобы питать кости кормы, и прилагая усилия, необходимые для уклонения.

Они убьют его прежде, чем переберутся через это место. Гхаар'ет чувствовал, что битва уже началась. Убийство было в его мозгу. Для него это было как глоток воздуха, и его внешний вид подтверждал это. Гхаар'етовы доспехи, подарок повелителя Кхорна, на солнце светились красным. Он взмахнул копьем, которое держал в одной руке.

— Смотрите! — проревел он толпе своих воинов. — Смотрите, какого зверя я укротил!

Бросив копье, срезавшее один из клыков пасте-змия, он заметил маленькое пятнышко на горизонте.

Грозовой фронт.

— Другие воины хотят удержать нас от нашей награды, Скарку, — пробормотал он черепу, привязанному к поясу. Предзнаменования Скарку были полезны, в отличие от его вызова Сыну Войны. Никто не может бросить ему вызов и выжить. Он поклялся в этом Кхорну.

Прищурившись, Гхаар'ет присмотрелся к пятну через горячее огненное дыхание пасте-змия, вырывавшееся из носа твари. Пепел и огонь полились на его доспехи с неба, но он стряхнул их, словно нечто незначительное. Его внимание было сфокусировано на горизонте. В следующие несколько секунд пятнышко увеличилось.

Это была когорта крылатых воинов, сияющих нестерпимым блеском позолоты. Они быстро приближались, вооруженные дротиками. Их предводитель был вооружен трезубцем. Гхаар'ет прищурил глаза и признал в нем лидера, несмотря на незнакомое снаряжение.

У него вырвалось проклятие.

— Грозовой Налетчик...

Обращаясь к своему кузнецу черепов, он кипел от гнева.

— Йаарген - сбить их!

Молнии ударили шесть раз. Крылатые воины налетели на адскую баржу, сжимая в руках копья, созданные из небесной ярости. Пять гхаар'етовых воинов погибли почти мгновенно, пронзенные небесными дротиками.

Выжил только Йаарген, уклонившись от удара, прежде чем бросить во врага наковальню, прикованную к цепи. Он попал одному из крылатых в спину. Тот ослабел и рухнул вниз, словно сверкающая комета. Воин ударился о палубу адской баржи, но отправился обратно в небо прежде, чем его коснулись ножи кхорнитов.

Гхаар'ет соскочил с носа и перебежал на другую сторону. Судно попало в водоворот, и крылатые воины преследовали кхорнитов, одержимые жаждой отомстить за своего павшего товарища.

Йаарген притянул к себе свою наковальню, металл уже начал плавиться от нестерпимого жара Лавовых песков. Кузнец черепов начал раскачивать свое оружие во второй раз. Завертев три дуги перед вооруженным трезубцем воином, он издал полный гнева рев под кроваво-красным небом. Но Гхаар'ет отозвал кузнеца черепов.

– Грозовой Налетчик! – выкрикнул он, – Это ты, не так ли? Кхорн послал тебя ко мне, дабы ты еще раз умер от моего топора.

– Меня перековали. – ответил Грозовой Налетчик, его молниевые крылья держали его над палубой. Он смотрел на Сына Войны свысока. – Зигмар. Благодаря ему мы встретились снова.

Гхаар'ет рассмеялся. Этот золотой такой забавный, такой самонадеянный.

– Тогда давай, Грозовой Налетчик, – произнес он, отступив назад и указывая на палубу. – Или ты нападешь на меня с неба, словно трус.

Какое-то чувство, возможно гнев, блеснуло за глазницами маски Грозового Налетчика. Он на мгновение отвлекся, подлетев слишком близко к пасте-змю, и ему пришлось быстро уворачиваться, чтобы избежать струи пламени, вырвавшейся из глотки зверя. Он все еще крутился, когда Гхаар'ет метнул в него свое раскалывающее копьё. Своей облаченной в кроваво-красный металл рукой он с почти демонической силой направил оружие в золотого воина. Его копьё пронзило Грозового Налетчика и почти разорвало пополам.

Золотой воин, хаотично крутясь, отлетел в сторону зияющей пасти змия, из его легких текла кровь. Гхаар'ет снова окликнул его.

– Возвращайся к своему беспомощному богу, Грозовой Налетчик.

Он смотрел, как умирающий воин провалился в пищевод пасте-змия и улыбнулся, когда молния, знаменующая смерть Грозового Налетчика, яростно взлетела над песками. Дым с проблесками огня поднимался от пасти зверя, постепенно затухая.

Пасте-змий был мертв и врата в другой мир были открыты - Сын Войны чувствовал это. Неважно, куда вел этот проход, важно лишь то, что там мог продолжиться его крестовый поход, его резня.

– Гребцы! – взревел он слугам на адской барже. – Ведите нас вниз, в глотку зверя, где мы можем принести Кхорну бесконечную пользу.

Хотя холод и немного вымораживал вонь гигантских трупов, он не мог полностью очистить воздух от сернистых испарений.

Гхаар'ет зарычал из-под демонической маски-шлема, игнорируя нападки существа, заключенного внутри его. Это только раздражало зверя, на чьей спине он ехал - бронированного монстра из крови и меди, пожалованного ему Кхорном.

Кислотный снег, странное атмосферное явление, жалил его оголенную плоть. Он зашипел и стер его со своих новых крововыкованных доспехов, за несколько дней битвы уже покрытых зарубками. Тучные были разбиты, он и его армия прошли по их гниющим подо льдом и снегом гигантским останкам. Возможно, некоторые из этих ур-гаргантов, в которых не было никаких следов сознания, никогда и не жили, другие, стеной, бесконечно ползли через снег. В конце этого пути лежал другой мир. Гхаар'ет проезжал по их спинам, чтобы добраться до него.

– Слава Кхорну... – пробормотал он, радуясь своему последнему триумфу, но потом он увидел преграду...

Трупы-титаны завели их в овраг, который пересекал ледяной мост, достаточно высокий и широкий, чтобы они смогли пройти под ним. Но под ним стояла армия золотых воинов, крепко сжимая оружие в латных перчатках - настолько непоколебимые, что на миг ему показалось, что это статуи. Иллюзию развеяли звуки труб.

Гхаар'ет взревел перед тем, как золотые паладины бросились в атаку. Он высоко поднял топор, крича своим воинам - Обагрите красным этот лед и положите свои трофеи у подножия медного трона!

Внезапно трупы-титаны стали полем боя, когда золотые воины спустились на них. Громоподобная какофония поразила жалкие оболочки ур-гаргантов, проникая сквозь шершавую плоть и кости, паладины, как только прибыли, тут же выстроились в ряды.

Гхаар'ет пустил зверя прямо в ряды противника, его орда Кователей Крови тяжело следовала за ним. Паладин умер, когда в него вонзился безжалостный медный рог. Рог пробил тело воина с такой силой, что струя крови оросила маски его товарищей, стоящих позади. Рыча, Гхаар'ет отсек ему голову прежде, чем молния забрала его.

Он продолжил скачку, не обращая внимание на бушующую вокруг него ярость и вогнал подкованные сталью копыта во второго паладина. Когда скрежет щебня и металла прозвучал над полем битвы, взор Гхаар'ета обратился на фигуру с сияющим синим плюмажем на голове и в лицевой маске, выполненной в виде раздвоенной молнии.

Гхаар'етово сердце дрогнуло, когда он разглядел через кровопролитные рукопашные схватки, кто этот воин.

– Невозможно... – с каждым вдохом лед в его венах преобразовывался в кипящий гнев. – Не может быть! - взревел он.

Этого не могло быть.

– Грозовой Налетчик...

В кулаке высокого паладина был зажат могучий молот. Он уже собрал свою страшную дань с армии Кователей Крови и обратил внимание на их лидера.

– Я вижу тебя, разоритель, – произнес он голосом, глубоким и резонировавшим, как грозовой фронт. – Ты никогда не избавишься от меня.

Он казался теперь гораздо холоднее, этот золотой воин, словно был вовсе не человеком, а заключенным в доспех воплощением молнии.

– Не человек... – прошептал Гхаар'ет. – Ни один человек не смог бы остаться в живых... – он воздел топор ввысь, призывая своего яростного бога, – Будь ты хоть бессмертным, хоть Изменителем-колдуном, я все равно получу твою голову, Грозовой Налетчик!

Широко взмахнув топором, Гхаар'ет пришпорил зверя в направлении своего заклятого врага. Никто не мог помешать ему - и паладины, и Кователи Крови, вставшие на его пути, находили смерть от его клинка или скакуна.

Схватка началась на покрытом ледяной коркой труп-титане.

Грозовой Налетчик взмахнул молниевым молотом, встречаясь с рукоятью адовыкованного клинка, порождая шторм, вспыхнувший белым светом. Не в силах отказаться от непримиримой вражды, кхорнит-военачальник и небесный паладин сражались друг против друга. Холм из трупов вокруг них все рос - все воины, пытавшиеся вмешаться в их схватку, были уничтожены. Воинов-Кователей Крови, убитых паладинами, накопилось так много, что они образовали стену из мертвецов, а на том месте, где Гхаар'ет отослал воинов-паладинов обратно на небеса, зияли почерневшие кольца выжженной земли.

Сейчас никто не осмеливался испытать на себе гнев любого из этих бойцов, и они сошлись между собой.

Презрев оборону, Гхаар'ет обратился к ярости своего повелителя и обрушил удары своего топора на поднятый молот.

– Грозовой Налетчик... – выплюнул он словно ругательство, тяжело дыша. – Почему... ты не желаешь... умереть!

Последний из его ударов расколол напополам рукоять паладинского молота, лезвие топора вонзилось в грудь воина. Даже тяжело раненый, тот продолжал борьбу, избивая незащищенный бок Гхаар'ета тем, что осталось от его молота. Ему не хватало пространства для удара обеими руками, но каждый его удар вызывал у военачальника крики боли.

Крепче схватившись за топор, Гхаар'ет бил снова и снова, разбивая паладина в клочья, забрызгивая свое лицо и доспехи кровью до тех пор, пока от его заклятого врага не осталось ничего.

На мгновение изломанный труп задержался на спине гиганта, и Гхаар'ет уже возликовал, думая, что наконец добился победы. Но тут пришла молния и, несмотря на то что Сын Войны уже схватился за его лицевую пластину, забрала паладина обратно на небеса.

Битва почти закончилась, и, хотя золотые воины нанесли тяжелые потери, Кователи Крови вновь восторжествовали. Последний из паладинов упал на спину трупа-титана. Их великое паломничество подходило к концу и новый мир вновь манил их. Держа пред лицом свои обожженные руки, Гхаар'ет устремил взгляд на небо.

– Скоро мы встретимся вновь, – прошептал он. – Грозовой Налетчик...

Звуки охотничьих рогов неслись по воздуху Бездонной Ямы. Оставшиеся Кователи Крови брели по ней уже несколько дней. Окровавленные, израненные - их почти сломили.

– Унквар, они близко? Говори! – потребовал ответа Гхаар'ет от своего Кровоизбранного. Двадцать выживших некогда возглавлял смертоносец, но сейчас перед ним стояло лишь четверо.

Покрытый грязью из ям и десятком красных, загнивающих ран, Унквар открыл рот, чтобы ответить, когда раздвоенная стрела пронзила его затылок. Вместо слов из его горла вырвался фонтан крови, окативший Сына Войны.

– Берите свои клинки! – закричал тот, призывая своих людей выстроиться в оборонительный круг, но двигались те с трудом. Они только что прошли по гноящемуся отстойнику, тянувшемуся насколько хватало зрения, сквозь грязные миазмы чернели ямы. Беспокойные трупы корчились и гнили в их глубинах. Они набросились на Кователей Крови - жаждущие их плоти, но слишком слабые.

Сам Гхаар'ет возвышался из ям, словно медная гора, но он также был по пояс в грязи, как и его люди. Он закричал на них. Сын Войны приказал кровавым воинам защищать своего повелителя, они настороженно разглядывали тени, бесновавшиеся на самом краю зрения. Желтушная духота повисла над этим болотом, окружив последователей Кхорна с нечестивой разумностью. Даже чумные мухи волновали их меньше того, что было за границей. Несколько мгновений ничего не происходило. Унквар уже утонул в трясине, его товарищи безуспешно пытались держать убивших его в страхе. Некая большая опасность таилась за пределами круга, и все глаза кхорнитов пытались обнаружить ее.

Когда жужжание чумных мух прекратилось, покой Гхаар'ета уже окончательно пропал. Его догадка оправдалась, когда молния ударила прямо в центр порядков Кователей Крови.

Сожженные и изломанные тела взлетели в воздух. Молния ударила с такой силой, что превратила болотную воду в пар. Когда вспышка от молнии рассеялась, на кольце почерневшей земли остались стоять ряды золотых воинов.

Бронированная стена щитов образовала идеальное кольцо вокруг лучников, в самом центре стоял предводитель с фонарем - вид маяка опалял Кователей Крови и отнимал у них ярость. Прошло несколько секунд, а враждующие стороны, которых отделяло друг от друга только несколько шагов, с ненавистью наблюдали друг за другом. Гхаар'ет взвесил топор в руке.

— Убить их всех!

Давка была абсолютно дикой и кровавой. Гхаар'ет пристально смотрел на сияющий свет, кожа вокруг глаз покрылась волдырями, но сквозь них проглядывали глаза.

— Грозовой Налетчик! — ревел он, ища своего старого противника, но предводитель с фонарем был не один.

Он рубанул золотого воина, подошедшего слишком близко, продвигаясь все глубже во вражеские порядки, пытаясь найти того, кто преследовал его в кошмарах.

— Где ты, пес?

Он ударом снизу убил еще одного врага, разбив щит и послав молнию обратно в грязное небо. На мгновение желтые облака разошлись, пропуская молнию, и Гхаар'ет мельком увидел волшебное небо. Когда тьма вновь накрыла мир, тень мелькнула настолько быстро, что Гхаар'ет почти пропустил ее.

Он блокировал удар молота рукоятью топора, толкая врага. Схватив ближайшего подчиненного за плечо, прошипел ему, - Он здесь. Он пришел сюда за мной.

Кровавый угар затмевал послушника Кхорна, но Гхаар'ет не смотрел на безумную битву. Его внимание было приковано к тем, кто парил в небесах. Он чувствовал его. Чувствовал его присутствие...

— Где ты... — прохрипел он, не осознавая неминуемое поражение своих воинов, - Грозовой Налетчик?

Тучи крылатых тварей спустились через испарения, плоть горела от прикосновения их усиков. Гхаар'ет повернулся в их сторону. Ему хватило мгновения, чтобы понять, что это не животное, а воин в броне.

И когда их глаза встретились, Сын Войны понял, что его конец близок.

— Я здесь, — холодно произнес Грозовой Налетчик и пустил зазубренную сверкающую стрелу со своего лука.

Боль тысячью ножей пронзила тело Гхаар'ета. Он хотел было посмеяться над этим трагическим концом, но агония не позволила ему.

– Вы трупы, – бормотал он, пока жизненные силы покидали его тело и упал в грязь. Холодные, мертвые пальцы ухватились за его доспехи, но он, не смотря оторвал их, не желая погибать не от врага.

Никакого торжества или ликования не замечалось в глазах грозового налетчика - Гхаар'ет мог их достаточно хорошо видеть через прорези позолоченной маски.

– Ты труп... – на последнем вдохе прошептал он свои последние слова.

И Грозовой Налетчик произнес последние слова, которые он услышит.

– Я жив.

Рыцарь-венатор взлетел высоко над Лазурной равниной, его звездный орел летел рядом с ним. Крысюки были полностью разгромлены, но их облаченные в черное ассасины спаслись во время резни, и теперь он со своим товарищем разыскивали их среди упавших статуй из кристаллов азурита.

История этого города скрывалась в веках, рыцарь-венатор позабыл многое из своего прошлого - даже имя. Зигмар сделал его бессмертным, но взамен забрал то, что делало его человеком - память, сочувствие, даже эмоции. Он воспринимал себя только как Грозового Налетчика, но не помнил почему.

Он наткнулся на военную банду, идущую через руины - фанатики Хаоса, ищущие легкую добычу после битвы. Как только рыцарь-венатор заметил их, маленькие осколки памяти вернулись к нему. Бросив взгляд на свою птицу, он, словно копье, ринулся сквозь клубящиеся облака. Немного натянув тетиву, он формировал стрелу небесной энергии. Среди толпы стоял зверь, смотрящий прямо на него. Мерзкое существо. Наполовину человек, наполовину чудовище. Клоки грубых волос словно грива спадали по оплетенному развитой мускулатурой корпусу. Кожа монстра сияла красным и из плоти торчали шипы.

Невероятно, но он единственный заметил его, и, хотя он и был искажен и видоизменен, Грозовой Налетчик увидел в единственном глазу чудовища узнавание.

Он поднялся на задние лапы, игнорируя терзающую его спину плеть жирного кровавого дикаря-загонщика. Длинный, черный язык выскользнул из пасти зверя и, сквозь вопли, пытался что-то сказать...

– Грозовой Налетчик!

Воспоминания нахлынули на рыцаря-венатора в одно мгновение.

Прищурившись, он прицелился и выстрелил...

Переводчик – Йорик

КРИСТАЛЛ СУДЕБ ГАЙ ХЕЙЛИ

– Ты уверен, что это сработает, чародей? – мрачно поинтересовался герцог Фострин, владыка Небесных Отмелей.

– Да, да! Конечно, – чародей Чаликс скрестил свои руки на груди и сгорбился так, словно решил поклониться, для разнообразия проявив хотя бы тень почтения к герцогу. Фострин долгое мгновение сверлил взглядом костлявого чародея. Тот услужливо скалил в ответ острые зубы.

– Так у вас оно есть или нет? – наконец, спросил чародей.

Фострин махнул рукой, и его Избранные пять воинов, почти столь же грозных, как и он сам, вошли в зал.

– Вулкрис, Бартон, Хуриос, Двефт и Магаззар, – назвал Чаликс их всех по именам. Все собравшиеся в башне обрели благословения своего божества, но дары, ниспосланные Тзинчем воителям, разительно отличались от его сошедшей на провидцев благодати. Чаликс был маленьким, щуплым, сквозь его синюю кожу выпирали кости. Избранные Фострина же превратились в гигантов, возвысившись благодаря колдовству. Их тела закрывали сверкающие доспехи цветов зелени и пурпура, а лица скрывали безликие шлемы.

Вулкрис и Двефт выступили вперёд, таща извивающийся мешок, и бросили его на пол прямо перед колдуном. Изнутри что-то заскулило.

– Только не бейте его! – взмолился колдун. – Как оно? Оно прекрасно? Достойное ли это подношение для нашего господина?

– Мы гнались за проклятой тварью по всему руссетскому острову, – сказал Фострин. – И почти поймали её, когда местное племя решило бросить нам вызов. Слишком многие обнаглели, прослышав о вторжении Зигмара, и это племя не стало исключением. Когда же мы расправились с ними и погнались за тварью вновь, то Вулкрис едва не рухнул навстречу смерти с маррондовых скал. Оно стоило нам многих сил, так что лучше бы оно того стоило.

– Тогда, тогда... дайте же мне взглянуть! – нетерпеливо подскочил чародей. Вулкрис поднял мешок, сорвал верёвку, а затем вместе с Двефтом потянул его вниз, открыв голову изуродованного существа.

Пол твари было невозможно определить. Её голова превратилась в выгнутый эллипс, более широкий и тяжёлый на одной стороне, отчего существо склоняло её влево. На худой правой стороне губы трёх маленьких ртов корчились и извивались вдоль изуродованных зубов, а семь глаз, два из которых затянула молочная пелена

слепоты, были натыканы на лице где попало. На положенном месте находился лишь нос, но и тот был серьёзно искажён.

– Восхитительно! – причмокнул чародей. – Просто прекрасно! – чтобы полностью оценить добычу, он рывком стянул с неё мешок. Мутант был одет в тунику из грубой ткани, сквозь которую торчали три руки, тонких, словно палки, и заканчивающихся трёхпалыми ладонями. Затылок, плечи и икры поросли похожими на проволоку волосами. Ноги были прекрасно сложенными и мускулистыми, но ступни казались слишком большими для тела. Существо дёрнулось, когда Чаликс взял его длинными пальцами за шишковатый подбородок и потянул уродливую голову вверх.

Позади чародея стояло высокое зеркало в сверкающей серебряной раме, в которой сплелись воедино тысяча образов святых служителей Тзинча. Оно ловило свет, сияющий среди колонн зала, такой чистый и резкий здесь, на самой вершине, и отбрасывало его к куполу потолка. По фрескам проносилась рябь света, такая же стремительная и мимолётная, как отражения в серебристых реках Анврока. Фострин избегал смотреть на потолок, опасаясь того, что могли сказать ему узоры ряби. Вместо этого он глядел на своё отражение, нависшее над глупо ухмыляющимся чародеем. На его лице сияли образы, которыми его кожу соизволил отметить Тзинч. Чаликс шагнул в сторону, чтобы мутант смог себя увидеть.

Напуганное существо моргнуло и печально застонало. Из одного слепого глаза потекли густые жёлтые слёзы. Чародей ухмыльнулся ещё шире, наслаждаясь муками твари.

– Ах, ах, ну не плачь! Ты воистину благословен нашим владыкой Тзинчем! Ты совершенен! Твоё тело отмечено столь случайными изменениями, что ты станешь прекрасным подношением Изменяющему Пути.

Мутант заскулил, пытаясь уползти. Чаликс не отпускал его.

– Да, лорд Фострин, у нас есть всё, что нам нужно. Мы можем начать! – Существо попятилось, едва Чаликс выпустил его лицо, чтобы достать что-то из длинных рукавов. Чародей протянул вперёд руку, сжимая кулак. – Смотри, смотри же! Видишь? Я не причиню тебе боли. Давай, приглядишься! Мутант нахмурился, втягивая кривым носом воздух. Чаликс открыл руку, показав щепотку сверкающего порошка.

– Разве он не прекрасен? – подбодрил существо чародей, и мутант подался вперёд. Чаликс выдохнул, и облако полетело в лицо мутанта.

Существо забилось, брызжа слюной, его глаза закатились в глазницах, выгнулось, а затем рухнуло на мраморный пол.

– Хорошо, как же хорошо! – хихикнул Чаликс. Семеня ногами, он подошёл к стоящему в углу зала шкафу и вытащил шкатулку, полную цветных мелков. – Вы

прекрасно потрудились, герцог Фострин. Я награжу вас достойно, да, как мы и договаривались. Вам достанется много оружия и доспехов.

– Просто сделай всё как надо. Сколько времени это займёт, Чаликс? – Терпение, терпение! – усмехнулся колдун, садясь на мрамор рядом с мутантом, и открыл шкатулку. – Я закончу до заката, да. Тогда мы будем готовы.

Фострин покосился на Вулкриса. Заскрипели кожаные перчатки воина, когда он сменил хватку на оружии.

– Садитесь, наслаждайтесь! Ешьте, пейте! – радушно предложил Чаликс. В нише вспыхнул свет, открыв для взгляда стол, заставленный фруктами и флягами с вином. – Перекусите, пока я работаю.

Фострин резко отвернулся. Его воины не прикоснулись к еде, вместо этого направившись к двери и встав на страже. Двое направили свои взгляды на девять тысяч ступеней башни, а другие остались внутри, смотря сквозь безликие маски на Чаликса. Колдун, высокомерно не замечавший их ненависти, что-то тихо напевал. Фострин же подошёл к расставленным у окон телескопам, чтобы взглянуть на Висячие Ущелья Анврока.

Башня Чаликса вздымалась ввысь на тысячи метров над небольшим островком на самом краю Небесных Отмелей, как звалось герцогство Фострина. Вдали от великих земель Анврока, Денврока и Кантрука Висячие Ущелья разделялись на части, пронизанные богатыми жилами металла и образующие в бескрайних небесах огромных архипелаг. Острова заросли растениями сверху донизу, ведь кружившее вокруг солнце освещало и их вершины, и подножия. Вдали в тысячах километров виднелся великий континент, казавшийся серой и бесформенной тучей, но внимание Фострина приковывали три главных земли Висячих Ущелий. Он присел у одного из инструментов чародея и заглянул в кристаллические линзы.

Над всеми ними бушевали грозовые облака, извергая яростные молнии. Анврок окружали огромные пики Ваультеновых гор, где в незапамятные времена построили сторожевые башни, давно разрушенные, но отстраиваемые вновь. На них мелькали крошечные огоньки, бывшие на самом деле развевающимися по ветру огромными знамёнами. В такой дали было невозможно различить символы на знамёнах, но само их присутствие означало одно – эта земля принадлежит Зигмару.

Фострин вёл телескоп вдоль гряды, пока его взгляд не обратился на Аргентина, небесного змия. Согревавшее металлическое море Великого Горнила пламя сражалось само с собой, привычные искрящиеся цвета корчились и боролись с чистым белым пламенем. Зверь был явно встревожен, и его исполинское тело

извивалось и содрогалось, сплеталось и вытягивалось от безмолвной муки, пока Хаос и Порядок сражались за его душу. «*Это лишь вопрос времени*» - подумал Фострин. Несомненно, следующим будет кристаллический курослик Витрикс. Все земли вокруг великого змея пали или оспаривались. За распахнутыми челюстями Аргентина на краю Великого Горнило тоже развевались знамёна Бога-Короля.

– Анврок пал, Горнило захвачено, Денврок осаждён, – вздохнул Фострин. – Маэрак и король Тронд мертвы, Кайр изгнан, Ифрикс уничтожен... скоро придёт наш черёд.

– Нет, если мы преуспеем, – возразил Чаликс, продолжая выводить круги. Верьте, герцог Фострин. Планы Великого Изменщика часто оказываются многоходовочками. Теперь помолчите! Я работаю быстрее, когда меня не отвлекают.

Фострин вновь посмотрел на покорённые земли, ища среди них хотя бы проблеск возвращения Хаоса. Но не увидел ничего, хотя и смотрел, пока не заболели глаза.

Солнце спускалось по небосводу, чтобы осветить подножия Висящих Ущелий. Следом за ним на вершины больших земель прокрадывалась тьма, но острова были слишком маленькими, чтобы заслонить солнце, и потому на Небесные Отмели никогда не приходила истинная ночь. Странное сияние опустившегося солнца сверкало вокруг островов, поднимая к небу высокие столпы тьмы. Воздух в зале Чаликса пропитался синей тенью, и лишь зеркало ярко сияло, словно не отпуская схваченный свет.

– Готово! – воскликнул чародей. Он встал, отряхнул руки и оглядел свои труды – череду украшенных кругов, пересекающихся на полу.

– Вижу, ты закончил рисовать, – проворчал герцог. – И скоро мы отправимся в прибежище Оракула?

– Достаточно скоро. Само заклинание относительно несложное. Времени требуют лишь приготовления.

– И это откроет нам путь во владения Кайра?

– О да, – усмехнулся Чаликс, кладя шкатулку обратно в шкаф, и вытащил длинный нож. Затем чародей вынул его из ножен и критическим взглядом окинул клинок – немного выгнутый, шириной чуть больше пальца, тонкий как ехидная насмешка и стократ более острый. Удовлетворившись увиденным, Чаликс подошёл к мутанту и пинком перевернул его на спину, - Великий Оракул оказался небрежен. Естественно, что столь одарённый благоговением Тзинча слугитель не задумывается о поражении, но ему следовало бы сделать это, о да. Теперь его нет, а логово его открыто для всех, у кого есть достойное подношение, подобающее снаряжение и требующееся мастерство. Ты обеспечил мне два материальных ингредиента, тогда как в моей скромной персоне заключена самая важная часть из

всех – знание!

Чаликс опустил на колени и вонзил нож глубоко в грудь мутанта.

Опьянённое наркотическими парами существо смогло лишь протестуя выдохнуть, умирая. Из его грудной клетки фонтанами забила кровь, когда колдун вырезал тёмное сердце наружу, разорвав соединительные ткани одну за другой. Он нагнулся над несоразмерным органом и прошептал какие-то неразборчивые слова, резанувшие уши Фострина. Когда же он закончил бормотать, то отвёл руку за спину и изо всех сил метнул добычу прямо в зеркало.

– Прими же искажённое сердце ради искажённого сердца, о великий Тзинч! – закричал колдун.

Грянуло. Окровавленный кусок мяса исчез, а осколки взорвавшегося зеркала полетели в комнату. Герцог поднял руку, чтобы прикрыть лицо, но удара так и не последовало. Осколки остановились на полпути, а затем полетели назад, словно момент взрыва обратился вспять. Стекло не встало обратно в раму, но сложилось в многогранную арку, сверкающую, словно порченная радуга.

Зеркало стало дверью. За ней тянулся коридор из сияющих кристаллов, ведущий к неровным ступеням. Наружу вырвался порыв сухого и стылого воздуха, а где-то далеко протрубил рог.

– Врата открыты, о да! – счастливо кивнул Чаликс, радуясь своему успеху.

Фострин надел шлем и обнажил меч. Колдун уже бесстрашно шёл к вратам, лишь подняв полы, чтобы не вымазать их в луже крови. Избранные последовали за ним, и герцог вошёл последним.

По туннелю разнёсся треск и скрип.

– Мы словно вошли внутрь остатков зеркала, – прошептал Вулкрис, – и идём по осколкам стекла.

– Ты ближе к истине, чем думаешь, – усмехнулся Чаликс. – Это окраина Кристального Лабиринта владыки Тзинча, часть его, но отделённая от целого. Здесь ничто не является тем, чем кажется, всё иллюзорно и подобно искажённому отражению тени мысли. Нам не следует медлить в поисках логова владыки Кайра, иначе нас заметят, а смертным не место во Владениях Хаоса...

Колдун поднимался по ступеням, а Фострин и его избранные следовали за ним. Путь вперёд был неотличим от пути назад, направление пути - непостоянным и необъяснимым. Герцог не мог сказать наверняка, был ли верх верхом, а низ – низом, шли ли они дальше или возвращались в логово Чаликса, незаметно свернув. За стенами рябили бесчисленные образы, и не раз Фострин чувствовал на себе взгляды, а резко оборачиваясь видел, как его собственные отражения двигались не в такт действиям. За обманчивыми миражами крались тёмные силуэты, подползающие к стеклянистой поверхности, а затем уносящиеся прочь, оставляя за собой запах благовоний. Даже грозным избранным было не по себе, но маг спокойно семенил вперёд, не медля и не тревожась. Время начало растягиваться.

Фострин не мог определить, как долго они взбирались по ступеням, пока тропа не разошлась на десятки туннелей, менявшихся местами, когда никто на них не смотрел.

– Куда идём, чародей? – мрачно поинтересовался герцог.

– Терпение, терпение. У меня всё под рукой, – Чаликс протянул руку и вытащил откуда-то из глубин одеяний цепь. На её конце висело одинокое синее перо. Он быстро укрыл его рукой. – Это пёрышко непростое, взято оно из крыла Повелителя Перемен. Оно укажет нам путь.

– Оно обманет нас, – проворчал Магаззар.

– Оно зачаровано, – хихикнул Чаликс, качая головой. – Много крови пролил я, дабы добыть его, и весьма ужасные сделки заключил, чтобы познать тайны этой магии. Но тайны я познал, – говоря, он наблюдал, как раскачивается перо. Наконец, оно повернулось и указало на ничем не примечательный проход. Колдун без всяких сомнений направился туда, – За мной!

Ступени выравнивались, а затем привели их в пещеру, где ослепительно сияющие стены тянулись вверх и вниз так далеко, что исчезали в мерцающей дымке. От выхода из пещеры на ту сторону вёл тонкий кристаллический мостик, тянувшийся до другого прохода, казавшегося лишь синим пятном на фоне сияния.

– О да, всё как описано! – довольно пробормотал Чаликс. – Идёмте! – махнул он рукой, ступая на мостик. – И осторожней, здесь скользко.

Последним шёл Магаззар. Когда он вошёл на мост, то от кристаллов донеслась чистая звенящая нота. Яркая белизна сияния омрачилась, став тёмно-красной, как кровь. Из глубин донёсся пронзительный вопль.

– Быстрее! – окликнул их Чаликс. Он подобрал полы и ускорил шаг и припустил рысью. За ним тяжело шагали герцог Фострин и его избранные, и от их могучей поступи хрупкий мостик дрожал. Он был настолько узким, что Фострин едва мог расставить ноги. Вопли приближались. Магаззар заглянул через край и закричал своим товарищам, предупреждая об увиденном. Фострин обернулся. Размытый вихрь сорвал голову избранного с его могучих плеч. Из разорванной шеи фонтаном забила кровь, и труп рухнул с моста, размахивая руками. Из глубин вырывались всё новые силуэты, вопящие, хлещущие непрошенных гостей шипастыми хвостами. Вулкрис ударил топором, глубоко погрузив его в одну из тварей, и раненное существо отшатнулось, таща за собой избранного. Воин зашатался на краю и рухнул бы, если бы Фострин не удержал его за плащ, несмотря на то что его собственные ноги скользили по стеклу.

– Похоже, эти демонические звери – сторожевые псы Кайра, – заметил герцог. Твари плотным косяком проносились вокруг моста, а их жуткие крики эхом отдавались от стен пещеры.

– Они снова летят! – закричал Хуриос.

– Готовьтесь! – приказал Фострин. Избранные упёрлись ногами и приготовили оружие. Крикуны вновь устремились на них всей стаей, дрожа от предвкушения, но в этот раз воители были готовы. Избранные рубили, рассекая широкие тела, и уворачивались от хлещущих хвостов проносившихся над их головами тварей. Наконец, крикуны улетели, устремившись к дальней стене пещеры.

– Бегите! – закричал Фострин. И воины побежали, так быстро, как осмелились. Чародей уже был рядом с концом моста.

Ещё дважды им приходилось останавливаться, чтобы повергнуть крикунов, а затем, отогнав зверей, воины бежали. Так они добрались до дальней стороны туннеля. Первым вошёл Фострин, затем Вулкрис, Двефт, Хуриос и, наконец, Бартон. Но когда тот шагнул внутрь, то в последний раз услышал позади приближающиеся крики. Шипастые хвосты пронзили его грудь и потащили назад.

– Помогите мне! – закричал избранный. Двефт бросился вперёд, протягивая руку, но слишком поздно. Стая оторвала Бартона от земли и унесла ввысь прежде, чем тот успел ухватиться. Полёт тварей замедлился, и они собрались вокруг обречённого воина. Крикуны кружили и петляли вокруг, то отдаляясь, то пикируя, чтобы врыть особо вкусные кусочки от сопротивляющейся добычи.

– Бартона уже не спасти, – вздохнул Двефт.

– Но почему чародей не использовал свою магию? – спросил Хуриос.

– Здесь она лишь навлечёт на нас гибель, – проворчал Фострин. – И помогут нам лишь мечи и доблесть.

Бартон прекратил двигаться. Кровь полетела во все стороны от кормящейся стаи крикунов.

– Значит, нам достанется больше добычи, – пожал плечами Вулкрис.

Они шли днями или так казалось, но не испытывали нужды ни в еде, ни в воде, ни в других потребностях тела. Чаликс вёл их сквозь леса из дрожащих камней в место, где небом была поверхность безмятежного водоёма, где плавали странные сияющие существа. Они карабкались по лестницам, которые не заканчивались, но вели к своему началу. Воины провели дни в лабиринте, слыша насмешки собственных далёких голосов, а вышли из него в стылой пустоши из соляных шпилей, где на них напали скачущие розовые демоны. После смерти каждый из них распадался на двух меньших жалких голубых существ. Эти твари были многочисленными, однако трусливыми, и бежали, когда Фострин убил их вожака. Искажалось и время, и разум. Герцог больше не мог уследить за порядком событий. Дни тянулись мгновения, а секунды растягивались на года. Фострин так и не понял, сколько же они шли. Возможно, прошёл лишь день, а быть может и целый век. Он знал лишь, что моргнул, и увидел, что они пришли и стоят у выхода из грязной пещеры, вырубленной в огромном жёлтом утёсе. Снаружи во всех

направлениях тянулась равнина из безупречного зелёного стекла, исчезая в сиянии и источая кислотный свет.

– Вот мы и добрались до логова Кайра, – прошептал Чаликс. Колдун словно постарел и выглядел затравленным.

– Я ничего не вижу, – проворчал Вулкрис. Он шагнул вперёд. Чаликс протянул руку, пытаясь остановить его, но избранный оттолкнул его. – Я устал ждать, судьба ждёт.

– Постой! Нужно сначала снять последние обереги! – закричал колдун.

– Я устал ждать, – повторил Вулкрис. – Судьба ждёт.

– Держите его! – приказал герцог.

Хуриос и Двефт бросились наперерез, но все их усилия были тщетны. Избранный теснил собратьев, таща их вперёд по гладкому стеклу.

– Я устал ждать, – вновь произнёс Вулкрис пустым и тяжёлым голосом. Он шагал вперёд так, словно и не было никаких преград. – Судьба ждёт.

Фострин выбежал из пещеры на помощь своим воинам и вклинился между ними, упираясь в грудь избранного.

– Он зачарован! – закричал Хуриос.

– Я устал ждать.

– Слишком поздно! Назад, сойдите со стекла! – закричал Чаликс. – Что-то идёт

– Судьба ждёт.

Фострин оглянулся через плечо. Из головокружительной дымки появилась мрачная тень – воин, идущий прямо к утёсу и входу в пещеру.

– Внемлите чародею. Оставьте его, – приказал Фострин. – Уходите с равнины.

Хуриос рухнул, выпустив Вулкриса, Двефт отшатнулся, а сам герцог отскочил в сторону. Избранный шёл дальше, не быстрее не медленнее, чем во время тщетных попыток других его остановить. Фострин добежал до края равнины и укрылся в пещере, откуда начал наблюдать за приближающимся воином. Он прищурился. В воине было что-то знакомое.

– Это тоже Вулкрис! – воскликнул Фострин. – Он раздвоился!

Воин был облачён в те же доспехи, что и Вулкрис, и выглядел одинаково с ним во всём за тем исключением, что левое на избранном стало правым на его двойнике и наоборот.

– Его отражение, – выдохнул Хуриос.

Воины остановились на расстоянии вытянутой руки друг от друга, подняли топоры и атаковали.

Восемь раз они наносили одинаковые удары, и восемь раз рукояти их двухлезвийных топоров сшибались вместе. На девятый раз лезвия топором пронесли мимо друг друга и глубоко до самых сердец вонзились в тела Вулкриса и его двойника. Воины запрокинули головы и завопили, а затем взорвались,

исчезнув в ревущих столпах пламени, что унеслись к далёкому горизонту и слились к неизменным сиянием.

– Смотрите! – воскликнул Чаликс. – Пролилась кровь, ставшая последним ключом.

Реальность моргнула. Равнина исчезла, а на её месте возник зал, многогранный и угловатый, словно алмаз изнутри. И в каждой грани отражался пристально смотрящий птичий глаз. Посреди зала высилась золотая статуя владыки Кайра, а над её распростёртыми крыльями парил кристалл размером с большой палец, чёрный как полночь. Улыбаясь от алчного предвкушения, Чаликс побежал к нему. Глаза подозрительно прищурились.

– Сердце Кайра Судьбоплёта, Кристалл Судеб! Смотрите, оно почти восстановилось. Мы прибыли как раз вовремя, – прошептал маг.

– Где сокровища, чародей? – потребовал ответа Хуриос. – Ты обещал нам зачарованное оружие, орудия великой мощи.

– Подождите, – Чаликс выхватил из воздуха кристалл. – С ним возможно всё.

Хуриос и Двефт сердито зашагали, осматриваясь, но поиски были недолгими. В зале не было ничего, кроме статуи и кристалла.

– И как же ты заплатишь нам? – поинтересовался Двефт. – Здесь пусто, как в голове слаанешита!

– Говори, чародей, – сказал Фострин, поднимая меч. Воины окружили Чаликса. – Что с нашей сделкой?

Двефт и Хуриос напряглись, готовясь к бою. Колдун нехорошо усмехнулся.

– Вот плата, которую вы заслужили и так хотите! – закричал он, поднимая кристалл. Из него вырвались полосы зазубренной тьмы, пронзившие Двефта и Хуриоса и мгновенно обратившие их в кристаллические статуи, что приросли к полу.

– Какие же вы глупцы, – фыркнул чародей. – Неужели вы думали, что я поделюсь любой добычей с отброса...

Глаза Чаликса расширились, а челюсть отвисла. Со скрежетом из его живота вырвался меч Фострина, а затем с кончика меча упала капля медяной крови. Герцог протянул руку, беря кристалл из слабеющих пальцев мага.

– Спасибо тебе, Чаликс, за то, что ты привёл меня сюда.

Фострин вырвал меч, и колдун рухнул со сдавленным криком. Пока жизнь Чаликса утекала, герцог смотрел на кристалл, замороженно наблюдая игру света на гранях.

– Ты... ты не был обращён? – поражённо выдохнул маг. Фострин сорвал шлем, с лязгом покотившийся по полу, и заглянул в глаза умирающего колдуна.

– Спасибо моему деду, – он щёлкнул пальцами по кольцу на латной перчатке, по простой серебристой полосе. – Он передал мне это, а также свиток, содержащий

мрачные тайны. Ты думал обмануть меня, Чаликс, рассчитывал сыграть на моём невежестве. Все вы, колдуны, одинаково презираете лучших людей. Я знаю, что можно сделать с этим, – он высоко поднял кристалл и улыбнулся, сжимая пальцы. – Душа демона теперь моя.

– Отдай её мне... Фострин... пока не поздно! – простонал Чаликс, протягивая дрожащую руку. Из его рта текла кровь.

– Уже поздно. Знаешь, ты и тебе подобные слишком долго заправляли в ущельях Анврока. Пришло время для нового порядка, созданного достойными мужами.

– Ты не понимаешь, что творишь!

– О, но я понимаю, – сказал Фострин. – И у меня есть план. Ведь ты боишься только демонов нашего владыки, не так ли, Чаликс? Я видел, как ты лебезишь и пресмыкаешься перед ними, вымаливая благосклонность. Я хочу стать одним из них. Я поглощу сердце и перерожусь, а затем вернусь в Анврок и расправлюсь с твоими жалкими сородичами. Я буду лично общаться с Тзинчем, безо всяких посредников, повелевать землями во имя Великого Изменителя, а лорды островов и ущелий вновь станут законными правителями, а не рабами капризов чародеев...

Он высоко поднял кристалл. Глаза сверлили герцога взглядами из граней.

– А после этого я соберу армию и изгоню воинства Зигмара из наших земель во славу Тзинча.

Чаликс выкашлял комок тёмной крови, и лишь тогда Фострин понял, что чародей смеётся над ним.

– Какой же ты глупец... ты ничего не ведаешь о природе Хаоса. Демон не может стать владыкой людей. Ты ничего не знаешь о...

Меч Фострина опустился, расколов череп колдуна. Чаликс рухнул и умолк навеки.

– Возможно я и глупец, но ведь ты – мертвец. Завидуешь мне? – Фострин поднял кристалл, зажав его между большим и указательным пальцами. Изнутри сердца сочилась сила, размывая воздух, словно очаг. – Конечно, стоило бы захватить мёд, чтобы запить...

Он засунул кристалл в рот. Грани рассекли язык, но Фострин не ощутил боли. С огромным трудом он проглотил сердце, чувствуя, как острые края царапают пищевод до самого желудка. Несколько мгновений он стоял неподвижно и не чувствуя ничего, а затем содрогнулся от внезапной муки, согнулся пополам и завыл. Всё тело вспыхнуло и зашипело так, словно в тело впились миллионы острых игл и вырывались сей же миг. Герцог зажмурился, чувствуя, как мир вокруг наполняет безвременье ослепительной боли.

Прошла вечность - или так казалось? – а затем всё прекратилось. Фострин обнаружил, что сжался в клубок. Он осторожно выпрямился и поднял огромные руки к изумлённым глазам. Его плоть потемнела и покрылась

фиолетовыми крапинками, а из пальцев вытянулись длинные когти. Он содрогнулся, ощутив нечто странное за плечами, и позади распахнулись крылья, перепончатые, словно у летучей мыши. В кристалле пещеры отразилось его новое лицо: длинное, покрытое шипами и коронованное тремя рогами, похожими на скимитары. Улыбка открыла широкие зубы. Он ощупывал своё лицо руками и чувствовал, как при прикосновении по плоти расходится сила. Фострин расхохотался и выпрямился на своих мускулистых ногах. Герцог глубоко вздохнул. Используя кристаллические стены словно зеркало, он глядел на своё новое вместилище духа, оглядывая себя с ног до головы.

И он был очень доволен увиденным.

– ***О сила, о могущество!*** – взревел он. – ***Посмотрим же, как осмелятся ли жалкие колдуны Анврока бросить вызов новому императору! Я убью всех, кто не подчинится мне.***

Он обернулся, ища выход наружу, желая уйти и начать своё правление. Но не увидел ничего. Герцог вновь обернулся, думая, что позабыл, где дверь, но с растущим ужасом осознал, что она исчезла. Каждая грань была такой же, через каждую продолжал смотреть прищурившийся глаз, но на месте входа осталась лишь гладкая панель кристалла. Фострин бросился к ней и ударил. Она не поддавалась. Крича, новорождённый демон колотил её руками изо всех сил, бушуя, пока что-то не привлекло его внимание. Он прижался к стене. Сквозь отражения и смотрящие глаза можно было различить детали, то, что таилось за стеклянистым материалом. На полу пространства по ту сторону стены лежало тело Чаликса, огромное, словно великан. Фострин резко обернулся. Да, там стояли искажённые стеклянные статуи Хуриоса и Двефта, также словно выросшие. За ними виднелся тёмный проём двери, далёкий и похожий на пещеру. Его темница была во всём подобна меньшей копии логова Кайра. Наконец, осознавший всё, герцог посмотрел вниз. Даже сквозь все искажающие отражения он увидел золотую статую и понял, что заточён в сердце Судьбоплёта.

Снаружи раздался шелест мантии и сухой двойной смехок. Глаза в кристалльных стенах моргнули, а потом осталось лишь четыре глаза. А затем исчезли и они, сменившись огромными когтями, схватившими кристалл и поднявшими его ввысь. Фострин пошатнулся, когда сердце наклонилось, и понял, что на него смотрят два морщинистых лица. Кайр Судьбоплёт заглянул внутрь.

– ***Он не видит того, что вижу я,*** – сказала первая голова и насмешливо щёлкнула клювом. – ***и какой должна быть его судьба?***

– ***Стоит ли мне сказать ему? Он не знал, какая будет его судьба, когда решил прийти сюда, не знает и сейчас,*** – усмехнулась вторая. Обе головы с умилением разглядывали схваченного герцога. – ***Или нам оставить это как сюрприз?***

– **Кайр!** – закричал Фострин, вцепившись в кристалл новыми руками – не могучими, но крошечными, словно лапы гомункула. – **Выпусти меня!**

Демон недовольно щёлкнул клювом и затряс сердце.

– **Лордом Кайром меня зовут! И я твой владыка. Обращайся ко мне подобающе.**

Фострин пролетел через зал и тяжело ударился о стену. Наконец, Кайр закончил его трести.

– **Но вы мертвы, милорд,** – прошептал герцог.

– **Оно так и не услышало своего колдуна. Я не могу умереть, малыш.**

– **Я никогда не умираю,** – добавила вторая голова. – **Я это видел.**

– **Я вечен, я всегда был, я всегда буду.**

– **Но тебе нужно восстановиться,** – недоверчиво выдохнул Фострин. – **Чаликс сказал, что...**

– **Как можно сделать постоянную переменной?** – обе головы усмехнулись.

– **У меня нет начала.**

– **И у меня нет конца,** – закончила вторая голова. – **Как можно превратить круг в прямую?**

– **Я демон, я ровня тебе! Я поглотил твоё сердце! У тебя нет права держать меня в заточении.**

Обе головы расхохотались.

– **Ты всё не так понял,** – начала первая голова. Внешняя пещера начала исчезать, распадаться на лучи переливающегося света, унося с собой тела мертвецов. – **Как среди людей есть порядки очерёдности и положения, так они есть и среди демонов.**

– **Ты видел нам подобных в своём мире, но всё не так понял. То были одинокие посланники. Здесь же наши владения,** – пояснила вторая голова. Исчезли последние тени пещеры. Кайр ударил могучими крыльями и воспарил, купаясь в ослепительном свете, отражающемся от острых углов.

– **Узри же!** – прокаркал Оракул. – **Кристалльный Лабиринт Тзинча!**

И с темницы Фострина спала пелена. Его глазам престал бесконечный пейзаж из искажённых кристалльных пещер, кишящих демоническими служителями Тзинча. Они тянулись вдаль, наполняя лабиринт, изливаясь из Царства Хаоса, из Владений Смертных в запределье и бесчисленные вечности. Они строили козни, интригуя против миров смертных, служителей других богов и друг друга. От увиденного Фострин отшатнулся, но уже не мог это развидеть. Теперь он был одним из демонов, и все их заботы были и его заботами. Их переплетения планов теснились и шептали в разуме герцога. Таким был ждущий его ад, вечность интриг, стократ худшая, чем владычество смертных колдунов.

– *Нет! Нет! Выпусти меня, - взмолился Фострин. – Я не хочу быть частью этого, я буду править Висящими Ущельями Анврока и заберу их ради владыки Тзинча! Такой будет моя служба! Я клянусь, что сделаю это!*

– *Цык-цок-цыц, – прошептал Кайр. – Я не предвидел этого для тебя. Какой же жалкий клочок реальности ты предлагаешь Великому Изменителю. Ты оскорбляешь его.*

– *Наши мечты так часто ведут нас к гибели, – сказала Фострину другая голова. – Не расстраивайся, это не совсем твоя вина. Можешь поблагодарить своего прадеда, так прилежно хранившего посланные нами дары, передававшего их от отца к сыну. И теперь, когда свершился замысел, начинается новый. Мне нужен новый слуга. Ты подойдёшь. Отныне твоё место здесь. Фострин, ты переродился в демона, но достиг этого обманом.*

– *Владыка Тзинч одобряет, но есть правила, – добавила вторая голова.*

– *Правила, которые должны соблюдать все в лабиринте!*

– *Девять вечностей и один день ты будешь служить мне, – объявил Кайр. – Лишь тогда ты заслужишь украденную силу. Теперь направимся же в Шепчущий Пандемониум. Там мы начнём твоё обучение. Лишь познав боль и безумие, которые смертным познать не дано, ты станешь готов к следующей пытке.*

– *Мало-помалу мы вырвем из твоей души всё, пока ты не будешь полностью принадлежать Тзинчу, – пообещала вторая голова.*

Захочетав, Кайр взмахнул посохом и спикировал навстречу бесконечным интригам царства Тзинча, унося с собой кричащего Фострина.

Переводчик – Serpen

ПОТЕРЯВШИЕ БОГА ДЭВИД ГАЙМЕР

Тогда

– Сколько прошло, Яго?

Старый отшельник, именуемый горцами Дарвиша Демоническим Оракулом, носил плащ из прирученных теней и паучьего шёлка, с плотно натянутым капюшоном, скрывавшим его лицо, за исключением кончика носа, подбородка, изогнутого словно лунный серп, и печального тембра в голосе. Кожа была сухой и шелушащейся и имела голубоватый оттенок.

Оракул сидел в углу пещеры, скрестив ноги, затенённая чаша его капюшона пила жуткий огонь. Костёр не давал тепла, от него не было света. Его пламя дрожало, словно саженец на тёмном ветру - тварь из масла и Улгу.

– Сколько времени прошло с тех пор, как подобный цвет появлялся в Истерзанных Землях? – спросил Оракул.

Шахлия беспокойно ждала, преклонив колено и положив одну руку на лакированную золотом набедренную пластину. Изваянная на ней картина изображала птиц в полёте, зверей в игре, мужчин и женщин в объятиях страсти. Странный огонь Оракула находил каждую вмятинку и трещинку, каждый похотливо смотрящий глаз и ненасытный рот и наполнял их тенью. Золотое стало коричневым, что серебрилось - потускнело, что было фиолетовым стало темнее чёрного. Мелкие детали изысканного творения мастера покрывал песок дальних дорог, но оно было - и будет всегда - прекрасно. Её богато украшенный меч упирался остриём в землю, удерживаемый рукой за извилистое лезвие.

Как и всегда, она - хотя в обыденной речи и не хватало достаточно нюансов, чтобы описать, а тем более охарактеризовать её пол, в последнее время она чувствовала себя как «она» - долго и тщательно раздумывала, прежде чем ответить.

– Я спрошу их, Яго, – пробормотал Оракул в тeneвое пламя, пока Шахлия ещё думала. Затем он перестал шептать и, казалось, прислушался к чему-то. Огонь изгибался и мерцал. Наблюдая эту сверхъестественную беседу, она почувствовала глухую знакомую пустоту в своём сердце. Оракул поднял взгляд скрытых капюшоном глаз, ряд острых зубов уловил не-блеск и вспыхнул. – Какая сила привела тебя сюда, странник?

– Моя собственная, – тотчас же ответила Шахлия.

– Ты заблуждаешься, заблуждаешься. Она заблуждается, Яго. Это опасная страна для Искателей, у которых нет покровителя. Кому ты молишься, я имею в

виду. Нам любопытно. Когда ты страдаешь от боли, когда путь ускользает от тебя, когда несчётные враги окружают тебя и ты всем своим существом хочешь обрушить на них адское пламя, к кому или чему ты обращаешься?

От входа в пещеру раздалось медвежье ворчание, когда пошевелился Круциакс из Затупленных Ножей.

– Ты оракул, ты и расскажешь нам.

– А если я не смогу?

– Что ж, для таких, неспособных исполнять своё предназначение, мы найдём другое применение. Более... приятное.

И опять эта вспышка улыбки из-под укрывших капюшон теней.

– А когда ты вызываешь к подобным силам, - вмешалась Шахлия, - они отвечают?

– Иногда они делают это. Иногда - нет, – последовал ответ Оракула.

– Возможно, я меньше нуждаюсь в подобной помощи. Возможно, я даже откажусь, если она будет мне предложена.

Оракул наклонился вперёд, и из-под капюшона раздался хохот, напоминающий шипение.

– И всё же, ты ищешь Его.

– В этом и есть суть игры. Она идёт своим чередом и, в конце концов, приводит либо к победе, либо к поражению.

Жажда, что билась у неё в груди, что ненавидела тишину, презирала бездействие, вновь на мгновение причинила ей боль. С каждым ударом сердца она побуждала её прочесать эти горы хоть на четвереньках и никогда, никогда не останавливаться.

– Я знаю игру, Искатель, – сказал Оракул. – Мы с Яго часто играем, и мы знаем свою роль в твоей. О да, мы знаем.

Жуткий свист прервал затейливую речь Оракула, и отшельник снял горшок из чёрного железа с треноги, установленной над огнём цвета слоновой кости. Крик прожурчал прочь, когда он налил суп в чашку из паучьей раковины, и густой пар с шипением осел на стенах пещеры.

– Это пустая трата времени, – прорычал Круциакс.

Шахлия бросила взгляд назад, через свой украшенный рельефом наплечник.

Трое её величайших возвышенных чемпионов заслоняли от ветра скалистую пасть пещеры. Впереди возвышался Круциакс. Он был угрюмым, покрытым татуировками в пурпурных и синих тонах, напоминающими синяки, наполовину облачён в игольчатую кольчугу, а наполовину - в ремни, пряжки и ленты, которые скрепляли его одеяния и из которых торчали разнообразные шипы как наружу, так и внутрь.

Позади и правее стояла Префурия, прямая и тихая, как и экзотическое копье с наконечником в виде клешни, которое она держала в руке. Лёгкая золотая пудра на

лице и ногтях возвышала её безупречную внешность на личный апогей совершенства.

Третий чемпион в другой компании бы, безусловно, был первым, на кого упал взгляд. Красота Хел`эйн была ошеломляющей, но ужасающего, заставляющего цепенеть от ужаса рода. Её глаза тонули в жёлтой сурьме. Её шипастая причёска колыхалась ветром. Свои изящные короткие мечи она крепко прижимала к груди, а плащ, покрывавший костюм из зеркальных чешуек, ласкал его сотнями вороватых, полных ненависти к себе лёгких прикосновений.

В любом отряде, посвящённом какой-либо силе Хаоса, лидер управлял страхом и уважением, с покровительством даруемым божественной милостью и купленным славой. Не она. Она вела отряд потому, что больше это никому не было нужно. Это была даже не апатия. У них были свои собственные страсти, свои способы воздать хвалу, но ни один не был похож на её.

Глаза Круциакса выпучились на его татуированном безволосом лице. Они были полны боли, памяти о ней и надежды на неё, когда он обратился к Шахлии.

– Он интриган, он нам не поможет.

– Наши поиски привели нас сюда, – бросила через плечо Шахлия и снова вернулась к Оракулу. – Мы следовали за полётом однокрылого ворона в высокие земли и через реку, а затем убили дарвишцев в ночь пиршеств, что окрасила небо в розовый цвет предзнаменования, словно восход солнца в стране теней. Мы взяли этот след, и он привёл нас сюда.

– Ты можешь помочь нам? – прошептала Хель`эйн, тихо, словно мышка.

– Мы можем, – ответил Оракул, хлопая сухими губами и отхлебнул парящийся отвар из своей чашки из паучьей скорлупы. – Я видел ночной мир и говорил с тенью. Я овладел путями ещё не свершившегося. Но такая помощь имеет свою цену, и даже под моим руководством вам надо будет обратиться за помощью ко мне же. Истерзанные земли смертоносны и вдвойне опасны для подобных вам, идущим в одиночку.

– Подобных нам?

Шахлия задала вопрос, но уже знала на него ответ - оба были этапами длинной, трудной, но, в конце концов, восхитительной игры, которые она должна была пройти, если хотела продолжать играть и дальше.

Оракул хмыкнул и отхлебнул бульона, – Потерявшим бога.

Сейчас

Истерзанные земли были местом огромных зубчатых вершин, что драли облака на чернильные лохмотья и разрывали их о тусклую луну. У самой высокой вершины не было имени, достаточно того, что все знали, что она самая высокая, и

Искатели потратили более недели тяжёлого пути, чтобы добраться до Дарвишского нагорья и обители Демонического Оракула.

Обветренные куски древней каменной кладки царапали небеса, торча из чёрных трав, словно пальцы замученных мертвецов - окраины того, что некогда было широко раскинувшимся храмом. За любую из подобных картин могло это место заслужить название «Истерзанные земли», но эпитет предназначался для израненных разрушенных душ, что влачили существование в этих руинах.

Сперва Шахлия подумала, что они были тенью. Она провела своих последователей по склону горы и прошла через растрескавшийся каркас давно сгнивших городских ворот, и с того самого момента, как они вошли, за ними шли. Льнули к стенам, скользили по закоулкам. Безликие. Многие напоминали обликом людей, но не меньше - как показали брошенные украдкой взгляды - были иными. Тени выглядели громадными созданиями с рогами, бивнями и панцирем, но их тела были совершенно непохожи на те, что могли бы отбрасывать подобные тени.

Света не было. Ни солнца, ни луны, ни звёзд. И всё же они были вокруг них, внутри каждой развалины и под каждой заваленной улицей. Прежде, чем Шахлия осознала, что это не просто тени, Искатели были окружены.

И, не издав ни звука, тени ударили.

Меч, что опустился на неё, был чёрным, как затмение, столь же трудно определимым, как ненависть призрака. Он испускал холод, жестокая острота которого не требовала физического края, чтобы резать.

Шахлия изогнулась назад, оперевшись пальцами закованной в броню руки в чёрные мраморные плиты. Лезвие прошелестело над ней. Она выгнулась назад, толчком опорной руки отпрянула от второго стремительного осколка холода и ударила в ответ. Её волнообразный клинок вскрыл грудь выходца с того света и развеял его тень по ветру. Она вскрикнула от удовольствия.

— Приди ко мне, тень моя! — где-то рядом закричала Хел`эйн.

Если бы, до сегодняшнего дня, Шахлию спросили, как убить тень, она бы не смогла дать ответ, но, казалось, с ними могли справиться обычные инструменты, и сейчас было слишком поздно, чтобы думать об этом. Второй по-прежнему наступал на неё и по-прежнему не издавал ни звука, и ещё больше теней безмолвно выскользнули из развалин, когда Шахлия отступила от него.

Все они были одинаково человекообразными, но горбившимися и сильными, с тяжёлыми челюстями, их плечи - прикрыты бронёй и шипами. Их оружие было столь же массивным, его зеркальная поверхность предназначалась, чтобы избивать врага, а не изящно нарезать на лоскуты. Дюжина или более тотчас же набросилась на неё, и она отразила их атаку соблазняющей последовательностью парирований, каждое из которых было ловким, оправленным в золото ходом.

Увлекательность её положения заставляла сердце биться быстрее. Она была жива. Какую бы ценность не имела эта жизнь, она отдавала предпочтение ей, а не единственной альтернативе. Даже сейчас.

Особенно сейчас.

Огромный клинок, которые держали чудовищные руки, устремился к её плечу. Она отбросила его в сторону движением наруча и двумя руками обхватила рукоять своего меча. Со словом силы змеящийся клинок замерцал в пурпурном пламени. Изящными взмахами она начертала в воздухе тонкие узоры. Тени таяли, превращаясь в восторженные лужи, когда их составная материя отдавалась жажде клинка.

С каждым разом, когда демона, обитающего в оружии, спускали с поводка, его воздействие уменьшалось. Однажды её клинок станет простым мечом, но это непостоянство было даром, который заставлял всё пылать ещё жарче.

Со вздохом сочувственной эйфории она вскочила на крошащийся фонтан и огляделась. Дряхлый мраморный монумент был центральным элементом перекрёстка, расположенного на второй трети пути в павший город, куда их послал Оракул. Ведущие через щебень дороги вырывались на улицы, покрытые рухнувшей славой и наполненные тенью. Покрытые трещинами стены и проломленные, зияющие дырами крыши покрывали горный склон на мили вокруг, лишь изредка к разорванным облакам поднимались башня или шпиль храма. Когда-то это место было великолепным.

– Ещё! – взревел Круциакс. – Больше!

Могучие взмахи его окровавленной цепи крушили текущие тени, но каждый раз, когда он делал паузу, будто бы специально, их удары, привлечённые резкой остановкой чемпиона, падали на его не закрытое бронёй тело, а затем тишину разрывал вопль муки, и гигант снова окунался с головой в битву. Его последователи сражались в том же самоистязающем стиле. Они были столь же жестоки, как тлетворные короли порчи, злобны, как любой берсерк из Присягнувших Крови, но многие уже были мертвы или же с агонизирующим стенанием обращались к Тёмному Принцу, дабы открыть Ему свои последние муки.

С другой стороны фонтана, окружённого судорожными вдохами и воплями её последователей, парные мечи Хел`эйн рассекали тени, словно те были тряпьем, недостойным королевы. Её рабы кричали восторженные хвалы так громко, как только могли глотки смертных - они рыдали от радости, от того, что их ушам открылось звуковое откровение: звон стали в холодной ночи и симфония топчущих по мраморным плитам ног. Сама Хел`эйн издала стон, прижав язык к зубам, и едва ли не умоляла самого отсутствующего Слаанеша прийти и узреть её разнузданную ярость.

Последняя дорога, что вела вверх, рассекая горы, принадлежала Префурии и её банде - облачённой в сверкающую броню элите Шахлии - Безбожникам.

Они были совершенны как вместе, так и каждый по отдельности. Каждый воин был красавцем, облачённым в золото, каждый эмалированный дюйм которого был испещрён гравировкой, резьбой и инкрустацией, возвышающей над основной функциональностью. Все вместе они являлись коллективным поклонением благодаря совершенству формы и действия, объединённой неотвратимости священного насилия.

Шахлия подняла меч и выкрикнула молитву. В пылу битвы уже не имело значения, что никто не услышит. Она выбрала свою цель. Раскалённый добела раздвоенный язык нечестивой энергии хлестнул по перекрёстку и уничтожил пачку окружавших Безбожников теней, что выбрались из скелетного каркаса древнего сооружения, очерчивающего площадь.

В тот же миг за спиной Круциакса вынырнула тень. И нанесла удар. Воин вскрикнул и задохнулся, когда теневой клинок вошёл ему в спину и вырвался из груди, разбрызгав ледяную кровь. Он посмотрел на неё, его глаза благодарили Шахлию за то, что та не вмешивалась. Она улыбнулась ему в ответ. У каждого из них была своя роль, и она разберётся с последствиями тогда, когда они наступят. В этом и заключалась игра.

Крик Круциакса превратился в булькающий смех, когда клинок покинул тело своей жертвы. Превратился в вопль неутолённых мучений, когда один из его воинов отбросил тень, прежде чем та успела завершить начатое. Неистовый крик распространился по всем его последователям, а затем перекинулся и на рабов Хел`эйн - так называемых Вырывающих зубы - когда тени медленно вышли из боя и сбежали обратно в свой город. Сама Хел`эйн плакала от мелкого и столь быстро миновавшего удовольствия.

Префурия указала на дорогу, которую защищала. Она не сказала ни слова. Там, за пирамидальными чёрными крышами, в пронизывающей всё тьме, мрачно сиял бронзовый минарет Астросанктума.

Тогда

— Тени хранят свои секреты, — сказал Оракул, махнув чешуйчатой рукой над не дающим света огнём. Порождаемые пламенем мерцающие тени свернулись в пальцах Оракула подобно червям, вытащенным из земли. — Вот почему Астросанктум и был помещён здесь, в Истерзанных землях.

— Найдём ли мы Его там?

Круциакс предавался размышлениям у стены пещеры, иногда, казалось, проявляя интерес к первобытным настенным рисункам, но всегда рядом с сидящим у огня Оракулом. Длинная цепь, которую он нёс, громко грохотала, когда он

неспешно пропускал её через руки: намотал, затянул, снова распустил. Столь безболезненные игрушки, как клинки, не интересовали Круциакса.

– Как ты думаешь, мог ли Он быть так близко, а ты этого не почувствовал? Возможно, ты и не мог. Как мы можем представить себе, каково это - быть тобой?

Круциакс зарычал, его цепь с громким звуком натянулась. Оракул шумно отхлебнул своего супа.

– Кто построил это? – спросила Шахлия.

– Прямо в точку, а Яго? Она многообещающая, не правда ли? – он поднял глаза от пальцев с привязанными к ним тенями и нашёл взглядом Шахлию. Он казался удивлённым. – Возможно, когда твоя душа утомится от твоих поисков, ты сможешь предложить её хозяину, который ценит подобные качества в своих слугах.

– Кто?

– Не знаю, – ответил Оракул, как будто незнание было редким подарком. – Он был уже давно разрушен, когда я приехал сюда в поисках уединения, а это случилось ещё до наступления Эры Хаоса. Из бесед с ветром можно подумать, что он был здесь ещё до того, как под ним вырос мир. Но можно ли верить историям ветра, а, Яго?

Тень, к которой он обращался, дёрнулась, но не ответила.

– Для чего это? – спросила Шахлия.

– Это обсерватория.

– Для чего?

– Для всего, – насмешливо прокудахтал Оракул. – Это самый тёмный уголок в очень тёмном владении. Светит здесь лишь тот свет, что вы приносите с собой, и лишь незначительная часть его теряется, убегает прочь, – он обхватил пальцами свою паучью скорлупу и посмотрел на восторженные отчаявшиеся лица. – Старые священники рассматривали вещи со всех уголков владений и из времён задолго до того, как владения были созданы. Тени этих вещей всё ещё в Астросанктуме. Это и есть то, для чего он был предназначен. Ничего не упускать.

– Ты имеешь в виду...

– Я имею в виду, что я понятия не имею, где находится Слаанеш, и вы не найдёте его в Истерзанных землях, но если вы уверены, что он вообще когда-то существовал, то в Астросанктуме сможете уловить Его тень.

Сейчас

Астросанктум стоял на высочайшем месте храмового города, лишь несколько сотен футов, источенных ветрами и тенью, скал поднимались дальше над полусферическим двориком, где располагалась обсерватория. Странный прибор Астросанктума доминировал над этим местом. Это был минарет, состоящий из

латунных пластин, собранных в переплетённые спирали. Каждую пластину покрывал непостижимый пиктографический шрифт прекрасный в своей сложности. Шахлия задалась вопросом, как этот замечательный инструмент выглядел, когда начинал работать, заполненный священниками и жрецами, и эти спирали со звоном двигались друг относительно друга, словно шестерёнки мировых часов.

Видение потускнело, и вместо этого она увидела тени. Шахлия вытащила клинок, но те не шевелились. Это были тени, отбрасываемые самим Астросанктумом. Луна и звёзды, хотя и были покрыты мраком этого мира, были достаточно высоко над облачным слоем, чтобы испускать сияние. Искатели разбрелись по двору, следуя вдоль периметра пограничных стен, в то время как Шахлия и Круциакс отправились напрямик к Астросанктуму.

Его стены были также из меди и столь же красивы. Шахлия заметила одного из Вырывающих зубы, что вглядывался, заворожённый, в один из подобных сегментов, на котором был изображён массивный ящер в золотом головном уборе.

– Я мог бы представить себе Принца Боли, живущим в подобном месте, – неохотно пробормотал Круциакс. Даже он был утращён духовной скорбью, что висела над обсерваторией.

Шахлия кивнула и продолжила свой путь к Астросанктуму.

Основание аппарата было головоломкой из колец, шестерёнок и идеограмм, которые казалось прислушивались к какому-то другому миру. Месту джунглей, солнца и рептилоподобных чудовищ. В нескольких местах были нажимные панели, маркированные иероглифическими рисунками. Она наугад нажала на несколько. Ничего не произошло. Круциакс присоединился к ней, выковыривая кровь из звеньев цепи ногтем, не закованной в латную перчатку руки.

«Он не найдёт крови в этом городе-мавзолее», внезапно осознала Шахлия.

Не все последователи Слаанеша стремились к своей утраченной цели так же, как она. Знал Круциакс или Хел`эйн, что их собственные отчаянные усилия по пробуждению их отсутствующего бога могли стоить им этого шанса? Кто скажет? Игра была непредсказуемой, и именно поэтому великолепной. Шахлия подозревала, что Принц Излишеств мог и не оставить следов на этом пути, и очередная потерянная возможность не слишком печалила её.

– Нам стоило притащить Оракула, – проворчал Круциакс. – Возможно. В следующий раз.

Обернувшись, она оглядела сумеречный двор, пытаясь понять, как управлять Астросанктумом, или где можно отыскать тени, что были собраны в минувшие века.

Силуэты изгибались и сворачивались около стен, ограничивающих двор, но всегда с другой стороны, как будто пиктограммы, изображённые на их

поверхности, каким-то образом мешали им пройти. Именно в этот миг Шахлия заметила, что и её собственная тень покинула её. Она вздрогнула от восхищения.

По всему двору, видя, что здесь нет ничего для них, её воины пали на колени, рыдая. Некоторые же праздновали, упиваясь ощущением неприятия.

– Будьте бдительны, – прошипела она, глядя на тени и стены, что удерживали их. У неё было странное чувство, что они не одиноки.

Она ощутила пульсацию в виске, и участок полупрозрачной стены показалось оплавился и вспучился, как будто что-то давило на него с другой стороны. Волна звёздного света пробилла ослабленный барьер, и из-за него шагнул громоздкий воин-ящер, одетый в броню из кости и серебра и вооружённый украшенным перьями копьём.

С сопровождением звонкого щелчка сомкнувшихся латунных пластин стена плотно закрылась за ним. В то же мгновение холоднокровное сознание ворвалось в её. Это были не слова - просто картинки и ощущения, строка иероглифов, выгравированных в сверкающей, ослепляющей боли, заполнившей её разум. Она узрела жгучий свет, многоярусные золотые зиккураты, заполненные украшенными перьями жрецами, их слугами и их воинскими когортами. Она ощутила себя оторванной. Брошенной. Тихо страдающей. Появилось последнее изображение. Два символа, один - солнца, другой - луны, которые она инстинктивно соединила в имя.

Затмение.

Она резким запоздалым рывком разорвала связь и вытащила из ножен клинок. Почти четыре десятка этих серафонов к тому времени уже вышли из стены через равные промежутки, окружив Искателей. С выворачивающим нутро наизнанку рёвом воины-ящеры рванули в атаку, которая сокрушила скорбящих слаанешитов, что оказались у них на пути.

С криком Круциакс развернулся и рванул к ближайшему ящеру. Своих воинов призвала Хел`эйн. Префурия сделала и то и то, её копьё с гудением разрезало воздух.

Шахлия не обратила на них внимания. Она отметила лидера нападавших, так же, как и он отметил её. Ящер был одним из первых явившихся среди руин. На голову выше своих воинов, как те были на голову выше самой Шахлии. Его чешуя была бледной, посеревшей от времени. Тяжёлые доспехи с выгравированными фазами луны защищали его могучее тело. Булава в его огромном, напоминающем кувалду кулаке была серебристой, с шипами, исходящими из неё подобно солнечным протуберанцам.

Затмение тоже, по-своему, был прекрасен.

Древний ящер бросился в атаку, постепенно набирая скорость. Сперва от него отлетел один воин Круциакса, затем второй, затем, подобно листу, встретившемуся

с бронированным носом корабля, сам Круциакс, когда старокровный махнул своей булавой.

Лишь когда упал Круциакс, использовавший свой шанс, Шахлия пришла в движение.

Ящер был ещё на расстоянии пары длин меча, когда Шахлия махнула клинком и произнесла слово, что должно было пробудить его томящуюся демоническую сущность. Розовая лента энергии вырвалась из клинка словно язык и рванула вперёд. Затмение опустил плечо и поднял руку, его доспехи явно имели защиту от магического удара, ибо колдовская плетъ расплескалась по наручу ящера.

Ей удалось пошатнуть его, хоть и слегка - могучая защита почти уступила враждебным ощущениям, навязанным его холонокровному телу, но всё-таки выстояла.

— Это ежедневная мука, не правда ли, быть покинутым? — спросила она, лишь в самую последнюю грозовую секунду выставив свой меч, чтобы встретить атаку старокровного.

А затем, ревя от ярости, в неё врезалась облачённая в серебро, сокрушающая всё на своём пути мощь. Мгновение ей казалось, что все слои её брони были сплюснуты и вдавлены в грудь, словно молотом. Шахлия ощутила, как её ноги оторвались от земли. В следующую секунду она уже летела. Воительница приземлилась на цыпочки, мгновенно сделав сальто назад, чтобы избавиться от нежелательной инерции. Выровнявшись, слаанешитка взмахнула мечом и улыбнулась.

— Ты должен получать удовольствие везде, где его только можно отыскать.

Когда жар его атаки схлынул, Затмение обрушил на неё булаву - удар, который мог бы снести её голову, если бы Шахлия не была достаточно ловкой, чтобы отойти и толкнуть его локтем. Парировав, она развернулась и тут же контратаковала. Её клинок скрежетнул по поверхности наруча серафона. Затмение небрежным движением локтя отбил его прочь и его кулак врезался в челюсть Шахлии, ошеломив и отшвырнув её назад с кроваво-красной улыбкой.

Она ощутила головокружение, как будто её только что убили, и она могла просто уплыть прочь. Тогда, может быть, она найдёт Его. Её сердце забилося так сильно, что она едва могла слышать что-то ещё. Ящер подошёл, высоко подняв булаву, а затем на Шахлию пал удар, что размазал бы её по плитам Астросанктума, если бы она не подставила свой клинок под углом, встретив сокрушительный удар и отведя булаву серафона в сторону. А затем, получив благодаря этому манёвру немного времени, нанесла свой удар. Её свободная рука совершила целую серию жестов, прежде чем ударила в бронированный живот ящера.

Эфирный поток извергся, попав в брюхо Затмения, оторвав ящера от земли и отшвырнув прочь. Он врезался в Астросанктум - древний аппарат изогнулся под его массой и пригвоздил Затмение к земле. Он издал полный разочарования рев, и

остальные ящеры вторили ему. Отбросив осторожность, они бросились на оставшихся Искателей с безразличной голодной яростью.

Они сражались скорее, как сами Искатели.

Шахлия подошла к пойманному в ловушку старокровному, пока его воины погибали от клинков и цепей, обращаясь в ослепительные вспышки света. Он дёрнулся и зарычал, но изогнутый металлический каркас удержал его. Спотыкаясь, Круциакс присоединился к Шахлии, вытирая с лица кровь. Его плечо оказалось сломанным, и к этому добавлялось пробитое лёгкое и ещё дюжина или больше других ран, на которые могучий воин даже не обращал внимания. Он смотрел на бьющегося в капкане ящера с тем же саморазрушительным голодом, который она видела в каждом из своих спутников. Его голос сорвался, когда он повернулся к ней.

— Это конец. Сколько ещё мы должны страдать ради Него, прежде чем Он прекратит игнорировать нас?

Шахлия пожала плечами и обезглавила всё ещё дергавшегося ящера единственным взмахом клинка. Звёздный свет в последний раз пал на это святое место, забытое собственными богами, пока Затмение тонкими струйками развеивался в небесах.

Тогда, как всегда.

— Что приводит нас к тому, чего мы хотим.

Оракул выпрямился, умудрившись сесть почти вертикально, загнутый вниз нос и вверх подбородок зажали не-свет подобно чешуйчатой синей клешне.

— Чего я хочу. Мы будем первыми, кто поговорит со Слаанешем, когда вы его найдёте.

— Нет, — твёрдо сказала Шахлия, даже не чувствуя надобности или желания объяснять почему.

— Нет, — почти одновременно с ней прорычал Круциакс.

Префурия крепко стиснула копьё, пока то не скрипнуло.

— Нет, — мгновение спустя раздалось рядом с ней хрупкое эхо.

— Вы можете говорить с тенью? — спросил Оракул. — Вы провели две полных эпохи в этом мире, изучая их тайные пути? Я мог бы спросить ответа у них, но эти знания не секретны и, я боюсь, они просто рассмеются, — он зашипел — Я презираю их насмешки, — взгляд из-под капюшона стрельнул в сторону Круциакса, что начал подходить к нему вдоль стены пещеры. — Не думай, что я один, Искатель. Не воображай, что я уязвим. Я не такой, как ты. Я никогда не бываю один.

— Нет, — раздался мягкий голос незаметной Хел`эйн.

— Дай мне попробовать, — цепь Круциакса натянулась туго, словно удавка. — Твоя боль или моя, думаешь, меня это волнует?

– Это волнует меня, – произнесла Шахлия. – Решение принадлежит мне.

– Ты не найдёшь Принца Боли, просто посмотри, – прорычал в угол Круциакс, обнажив окровавленные дёсны. – Он не лежит в каком-то храме, ожидая, чтобы Его нашли. Он должен быть призван. Ублажён, – глаза чемпиона вылезли из орбит, когда цепь ещё туже обернулась вокруг его горла. Карающие шипы впивались в разбухавшие мышцы, пока его могучее рельефное тело полностью не покрылось кровью. Металлические звенья со стоном скреблись друг о друга. – Твоя боль или моя, тзинчит.

Мгновение Оракул не произносил ни слова. Воздух наполнил холод. Шахлия ощутила пульсирующую боль в виске, и по её грязной броне начал расползаться иней. Дыхание Круциакса обратилось в пар.

– Что скажешь, Яго: наша боль... – огонь перед ним дрогнул и начал изменяться, обретая форму чего-то иглохвостого и птицеподобного, напоминающего однокрылого ворона. – Или его?

Теневой приживал пронёсся через пещеру, словно стрела. Круциакс широко размахнулся, но тень оказалась быстрее: ухватив чемпиона за грудь, спутник Оракула приподнял Круциакса и швырнул обратно к стене. Чемпион боролся, сыпя проклятиями, но тень крепко прижала его к стене. Оракул хихикнул.

– Нет!

Шахлия развернулась на крик. Хел`эйн уже добралась до середины пещеры. К тому времени, как Оракул повернулся к ней, в руках у женщины уже была пара её мечей.

– Он – моя плоть. Моя страсть, – сказала она, – Он мой Тёмный Принц. Он не обратит внимания на пустые слова.

Оракул поперхнулся весельем и поднял чешуйчатую руку.

– Изменитель, здесь мой...

Хел`эйн отрубила его руку у запястья, а затем вторым клинком пронзила сердце.

– Нет, – прошипела она и ударила его в живот вторым клинком, оторвав от земли. – Нет, – она вытащила оба клинка, и Оракул свалился на землю бесформенной грудой. Он захлёбывался, размазывая по земле хлещущую из обрубка кровь, и Хел`эйн нависла над ним, широко расставив ноги, и отбив его руку, занесла над ним мечи. – Нет, нет, нет.

– Подожди, – прохрипел Круциакс. Пошатываясь, татуированный воин подошёл к ним. Клыки остаточной тени прилипли к нему и следы от когтей появились на лишённой брони четверти его могучего торса. Он взмахнул цепью. Его руки были настолько скользкими от его собственной крови, что чтобы удержать её в руках, Круциакс обернул цепь вокруг обоих кулаков. – Пусть страдает.

Шахлия глубоко вздохнула и вложила меч в ножны.

– Ты собираешься останавливать их? – выдавила из себя Префурия, её голос был глубоким и несовершенным.

– Игра продолжится так, как и должна. Это произошло, и мы столкнёмся с теми последствиями, с которыми должны столкнуться.

– А если он прав? Если он действительно понадобится нам, чтобы отыскать тень Слаанеша?

Медленная и приятная улыбка украсила лицо Потерявшей Бога, когда она обдумала этот вопрос.

– Тогда мы продолжим поиски.